Труды Петроградскаго Философскаго Общества. — Выпускъ XIII.

ГЕГЕЛЬ.

НАУКА ЛОГИКИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. Г. Дебольскаго.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ОБЪЕКТИВНАЯ ЛОГИКА.

ВТОРАЯ КНИГА.

УЧЕНІЕ О СУЩНОСТИ.

Цѣна за три тома 5 руб.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28.
1916.

Труды Петроградскаго Философскаго Общества.— Выпускъ XIII.

ГЕГЕЛЬ.

НАУКА ЛОГИКИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. Г. Дебольскаго.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ОБЪЕКТИВНАЯ ЛОГИКА.

ВТОРАЯ КНИГА.

УЧЕНІЕ О СУЩНОСТИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28.

1916.

1668

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе издателя VII

ВТОРАЯ КНИГА.

Сущность.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ

Сущность, какъ рефлексія въ ней самой . . . 3

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Видимость 4
А. Существенное и несущественное . . . 4
В. Видимость 5
С. Рефлексія 8
1. Полагающая рефлексія . . . 9
2. Внѣшняя рефлексія . . . 11
3. Опредѣляющая рефлексія . 14

ВТОРАЯ ГЛАВА

Существенности или опредѣленія рефлексіи 16
Примѣчаніе. Опредѣленіе рефлексіи въ формѣ предложеній . . 16
А. Тожество 18
Примѣчаніе 1. Отвлеченное тожество 18
Примѣчаніе 2. Первый первоначальный законъ мышленія, начало тожества 20
В. Различеніе 23
1. Абсолютное различеніе 23
2. Различіе 24
Примѣчаніе. Начало различія 27
3. Противоположность 28
Примѣчаніе. Противоположныя величины ариѳметики 32
С. Противорѣчіе 35
Примѣчаніе 1. Единство положительнаго и отрицательнаго . . 39
Примѣчаніе 2. Начало исключеннаго третьяго 41
Примѣчаніе 3. Начало противорѣчія 41

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

СТРАН.

Основаніе 45
Примѣчаніе. Начало основанія 47
А. Абсолютное основаніе 48
а. Форма и сущность. 48
b. Форма и матерія 51
с. Форма и содержаніе 54
В. Опредѣленное основаніе. 56
а. Формальное основаніе. 56
Примѣчаніе. Формальный способъ объясненія изъ тожественныхъ основаній 57
b. Реальное основаніе 60
Примѣчаніе. Формальный способъ объясненія изъ нѣкотораго различнаго отъ обоснованнаго основанія 61
с. Полное основаніе 64
С. Условіе 67
а. Относительно безусловное 67
b. Абсолютно-безусловное 69
с. Выходъ мыслимой вещи въ осуществленіе (Existenz) 71

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ

Явленіе. 74

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Осуществленіе. 75
А. Вещь и ея свойства 77
а. Вещь въ себѣ и осуществленіе 78
b. Свойство. 80
Примѣчаніе. Вещь въ себѣ трансцендентальнаго идеализма . . 82
с. Взаимодѣйствіе вещей 83
В. Составъ вещи изъ матерій 84
С. Разложеніе вещи 86
Примѣчаніе. Пористость матеріи. 87

ВТОРАЯ ГЛАВА

Явленіе 90
А. Законъ явленія 91
В. Являющійся и сущій въ себѣ міръ . . 95
С. Разложеніе явленія 99

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Существенное отношеніе, ... 101
А. Отношеніе цѣлаго и частей 102
Примѣчаніе. Безконечная дѣлимость. 105
В. Отношеніе силы и ея обнаруженія 106
а. Обусловленность силы 107

СТРАН.

b. Возбужденіе (Soliicitation) силы 109
c. Безконечность силы 111
C. Отношеніе внутренняго и внѣшняго 111
Примѣчаніе. Непосредственное тожество внутренняго и внѣшняго . 113

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ

Дѣйствительность 115

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Абсолютное 116
A. Изложеніе абсолютнаго 116
B. Абсолютный аттрибутъ 119
C. Модусъ абсолютнаго 120
Примѣчаніе. Философія Спинозы и Лейбница 121

ВТОРАЯ ГЛАВА

Дѣйствительность 125
A. Случайность или формальная дѣйствительность, возможность и необходимость 126
B. Относительная необходимость или реальная дѣйствительность, возможность и необходимость 130
C. Абсолютная необходимость 134

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Абсолютное отношеніе 137
A. Отношеніе субстанціальности 138
B. Отношеніе причинности 140
a. Формальное отношеніе причинности 141
b. Опредѣленное отношеніе причинности 142
c. Дѣйствіе и противодѣйствіе 148
C. Взаимодѣйствіе 151

Предисловіе издателя.

Автору Науки Логики не было даровано закончить предпринятую имъ съ бодрымъ рвеніемъ переработку этого сочиненія. Едва были имъ написаны послѣднія слова предисловія къ первому тому новаго изданія, какъ онъ былъ схваченъ болѣзнью, печальный исходъ которой положилъ неожиданный конецъ его дальнѣйшей дѣятельности на пользу столь мощно подвинутой имъ впередъ науки. Хотя изъ сравненія прежняго съ новымъ изданіемъ перваго тома этой Логики видно, въ какой степени и оба другіе тома (перепечатываемые нынѣ съ вышедшаго въ свѣтъ въ 1813 и 1816 годахъ перваго ихъ изданія) еще выиграли бы подъ рукою ихъ автора въ строгости діалектическаго построенія, въ опредѣленности выраженій и во внѣшней доступности, тѣмъ не менѣе намъ служитъ немалымъ утѣшеніемъ возможность сказать, что почившему великому учителю, предпринявшему эту работу не безъ многолѣтней подготовки къ ней и уже во вполнѣ зрѣломъ возрастѣ, уже въ первоначальномъ ея выполненіи удалось создать сочиненіе, за которымъ какъ уже и нынѣ, такъ еще болѣе слѣдующими поколѣніями будетъ признана слава покоящагося на прочномъ основаніи и во всѣхъ главныхъ своихъ частяхъ приведеннаго рукою мастера органа мыслящаго познанія. Если, однако, не оказывается недостатка и въ такихъ друзьяхъ истины, которые съ полнымъ признаніемъ того, что совершено здѣсь, считаютъ необходимымъ нѣсколько воздержаться и вообще не желаютъ ничего знать о готовой системѣ истины, такъ какъ по ихъ мнѣнію послѣ такой системы для нихъ и для ихъ послѣдователей нечего больше дѣлать (при чемъ они пытаются сослаться на извѣстное изреченіе Лессинга), то для ихъ успокоенія достаточно узнать изъ предпринятой новой обработки этого сочиненія, какъ обстоитъ дѣло съ этою внушающею опасеніе законченностью науки, и почему вслѣдствіе того нисколько не исключаются новые ея изслѣдованія и успѣхи. Въ какихъ границахъ нашъ покойный другъ въ ученіяхъ о сущности и о понятіи, составляющихъ содержаніе второй и третьей части настоящаго сочиненія, предпринялъ бы новую ихъ переработку, и какія новыя развитіе и опредѣленія получило бы оно, это въ общихъ чертахъ можно усмотрѣть изъ сравненія съ соотвѣтствующими отдѣлами вышедшей въ 1830 г.

въ третьемъ изданіи Энциклопедіи философскихъ наукъ. Изъ этого сравненія видно, что авторъ, строго удерживая великія основныя мысли своего сочиненія, на которыя по его собственному скромному заявленію слѣдуетъ смотрѣть, какъ на общій результатъ работъ его предшественниковъ въ области философскаго познанія, и послѣдовательно проводя справедливо признанный имъ за единственно правильный методъ, нашелъ возможнымъ сохранить въ себѣ потребныя для живого прогресса науки свѣжесть и подвижность духа. Пусть тѣмъ, которые призваны къ дальнѣйшей разработкѣ нашей науки, служитъ постояннымъ образцомъ эта способность самоотреченія, это мужество разума и неудержимо стремившееся впередъ рвеніе дорогого учителя; и тогда не можетъ возникнуть никакой основательной жалобы на оцѣпенѣлость науки и на стѣсненіе ея прогрессивнаго развитія.

Задача издателя при перепечаткѣ предлежащаго сочиненія по самому существу дѣла могла состоять лишь въ тщательной корректурѣ найденныхъ опечатокъ и описокъ, и въ этомъ отношеніи онъ въ сомнительныхъ мѣстахъ допускалъ исключительно лишь такія измѣненія, относительно которыхъ онъ позволялъ себѣ быть вполнѣ увѣреннымъ въ согласіи автора, если бы была дарована возможность получить это согласіе.

Берлинъ, 3-го мая 1834.

ВТОРАЯ КНИГА.

Сущность.

Истина бытія есть сущность. Бытіе есть непосредственное. Такъ какъ познаніе хочетъ познать истину того, что такое бытіе въ себѣ и для себя, то познаніе не останавливается на непосредственномъ и его опредѣленіяхъ, но проникаетъ черезъ нихъ въ предположеніи, что за этимъ бытіемъ есть еще нѣчто иное, чѣмъ самое бытіе, что эта основа составляетъ истину бытія. Это познаніе есть познаніе опосредованное, такъ какъ оно не находится непосредственно при сущности и въ сущности, но начинаетъ съ другого, съ бытія, и должно пройти предварительный путь, путь выхода за бытіе или правильнѣе вхожденія въ оное. Лишь поскольку знаніе углубляется изъ непосредственнаго бытія во внутрь (sich erinnert), лишь черезъ это опосредованіе находитъ оно сущность. Нѣмецкій языкъ въ глаголѣ быть (seyn) удерживаетъ сущность (das Wesen) въ прошедшемъ времени — gewesen, такъ какъ сущность есть прошедшее, но безвременно прошедшее бытіе.

При представленіи этого движенія, какъ хода познанія, это начинаніе съ бытія и процессъ, снимающій его и достигающій сущности, какъ чего-то опосредованнаго, является дѣятельностью познанія, внѣшнею относительно бытія и не соотвѣтствующею собственной природѣ послѣдняго.

Но этотъ ходъ есть движеніе самого бытія. Онъ показалъ на бытіи, что онъ по своей природѣ углубляется во внутрь и становится сущностью черезъ это вхожденіе въ себя.

Поэтому если абсолютное было опредѣлено прежде всего, какъ бытіе, то теперь оно опредѣлено, какъ сущность. Познаніе не можетъ вообще остановиться ни на многообразномъ существованіи, ни также на бытіи, чистомъ бытіи; въ него непосредственно проникаетъ рефлексія о томъ, что это чистое бытіе, отрицаніе всего конечнаго, предполагаетъ углубленіе во внутрь и движеніе, очищающее непосредственное существованіе въ чистое бытіе. Тѣмъ самымъ бытіе опредѣляется, какъ сущность, какъ такое бытіе, въ которомъ

отрицается все опредѣленное и конечное. Такимъ образомъ оно есть чуждое опредѣленію простое единство, отъ котораго опредѣленное отнято внѣшнимъ способомъ; опредѣленное было относительно этого единства само чѣмъ-то внѣшнимъ и сохраняется въ противоположность ему послѣ такого отнятія; ибо оно снято не въ себѣ, а относительно, лишь по отношенію къ этому единству. Выше уже было указано, что, когда чистая сущность опредѣлена, какъ совокупность всѣхъ реальностей, то эти реальности причастны какъ природѣ опредѣленности, такъ и отвлекающей рефлексіи, и эта совокупность сводится къ пустой простотѣ. При такомъ пониманіи сущность есть лишь продуктъ, произведенное. Внѣшнее отрицаніе, которое есть отвлеченіе, снимаетъ опредѣленности бытія прочь съ того, что сохраняется, какъ сущность; она лишь поставляетъ ихъ какъ бы въ другомъ мѣстѣ и оставляетъ ихъ сущими, какъ прежде. Но сущность не есть такимъ образомъ ни въ себѣ, ни для самой себя; она есть черезъ другое, черезъ внѣшнюю, отвлекающую рефлексію; и она есть для другого, именно для отвлеченія и вообще для остающагося внѣ ея сущаго. Въ своемъ опредѣленіи она есть поэтому мертвое внутри себя, пустое отсутствіе опредѣленія.

Но сущность, каковою она здѣсь стала, есть то, что она есть, не черезъ внѣшнюю для нея отрицательность, а черезъ свое собственное безконечное движеніе бытія. Она есть бытіе въ себѣ и для себя, абсолютное бытіе въ себѣ, поскольку она безразлична къ опредѣленности бытія, поскольку инобытіе и отношеніе къ другому просто сняты. Но она есть не только это бытіе въ себѣ; какъ простое бытіе въ себѣ она была бы лишь отвлеченностью чистой сущности; она есть также по существу бытіе для себя; она сама есть эта отрицательность, снятіе инобытія и опредѣленности.

Сущность, какъ совершенный возвратъ бытія внутрь себя, есть такимъ образомъ прежде всего неопредѣленная сущность; опредѣленности бытія сняты въ ней; она содержитъ ихъ въ себѣ, но не такъ, какъ онѣ положены въ ней. Но она должна перейти въ существованіе, ибо она есть бытіе въ себѣ и для себя, т.-е. она различаетъ опредѣленія, которыя содержитъ въ себѣ; такъ какъ она есть отталкиваніе себя отъ себя самой или безразличіе къ себѣ, отрицательное отношеніе къ себѣ, она тѣмъ самымъ противополагаетъ себя себѣ и есть лишь постольку безконечное бытіе для себя, поскольку она есть единство съ собою въ этомъ своемъ различеніи отъ себя. Это опредѣленіе имѣетъ другую природу, чѣмъ опредѣленіе въ области бытія, и опредѣленія сущности имѣютъ другой характеръ, чѣмъ опредѣленности бытія. Сущность есть абсолютное единство бытія въ себѣ и для себя; поэтому ея опредѣленіе остается внутри этого единства, оно не есть ни становленіе, ни переходъ, равно какъ самыя опредѣленія не суть другое, какъ другое, ни отношенія къ другому; они самостоятельны, но тѣмъ самымъ лишь такія, которыя суть въ своемъ взаимномъ единствѣ. Такъ какъ сущность есть прежде всего простая отрицательность, то ей надлежитъ положить въ свою область ту опредѣленность, которую она содержитъ лишь въ себѣ, чтобы сообщить себѣ существованіе и затѣмъ свое бытіе для себя.

Въ цѣломъ своемъ сущность есть то же, что количество въ сферѣ бытія: абсолютное безразличіе къ границѣ. Но количество есть это безразличіе въ непосредственномъ опредѣленіи, и граница есть въ ней непосредственно внѣшняя опредѣленность, оно переходитъ въ опредѣленное количество; внѣшняя граница необходима для него и есть въ немъ сущая. Напротивъ въ сущности опредѣленности нѣтъ; послѣдняя лишь положена самою сущностью, не свободно, но только въ отношеніи къ ея единству. Отрицательность сущности есть рефлексія, и ея опредѣленія суть рефлектированныя, положенныя самою сущностью и сохраняющіяся въ ней, какъ снятыя.

Сущность занимаетъ мѣсто между бытіемъ и понятіемъ, она составляетъ середину между ними, а ея движеніе — переходъ отъ бытія къ понятію. Сущность есть бытіе въ себѣ и для себя, но послѣднее въ опредѣленіи бытія въ себѣ; ибо ея общее опредѣленіе есть то, что она возникаетъ изъ бытія, или что она есть первое отрицаніе бытія. Ея движеніе состоитъ въ томъ, чтобы положить въ ней отрицаніе или опредѣленіе, тѣмъ самымъ дать себѣ существованіе и, какъ безконечное бытіе для себя, стать тѣмъ, что она есть въ себѣ. Такимъ образомъ она даетъ себѣ свое существованіе, тожественное ея бытію въ себѣ, и становится понятіемъ; ибо понятіе есть абсолютное, поскольку послѣднее абсолютно въ своемъ существованіи, или въ себѣ и для себя. Существованіе же, которое даетъ себѣ сущность, еще не есть существованіе въ себѣ и для себя, но такое, какимъ даетъ его себѣ сущность, какъ оно положено, и потому еще отличается отъ существованія понятія.

Сущность есть, во-первыхъ, видимость внутри себя самой или рефлексія; во-вторыхъ, она является; въ-третьихъ, она обнаруживается. Она полагаетъ себя въ своемъ движеніи въ слѣдующихъ опредѣленіяхъ:

1) какъ простая сущая въ себѣ сущность въ своихъ опредѣленіяхъ внутри себя;

2) какъ вступающая въ существованіе или по своему осуществленію (Existenz) и явленію;

3) какъ сущность, объединенная со своимъ явленіемъ, какъ дѣйствительность.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Сущность, какъ рефлексія въ ней самой.

Сущность возникаетъ изъ бытія; поэтому она не есть непосредственно въ себѣ и для себя, но есть результатъ этого движенія. Или, иначе, сущность, понимаемая прежде всего, какъ непосредственное, есть опредѣленное существованіе, которому противостоитъ другое существованіе; она есть существенное существованіе въ противоположность несущественному. Но сущность есть

снятое въ себѣ и для себя бытіе; ей противостоитъ только видимость (Schein). Лишь видимость есть собственное положеніе сущности.

Сущность есть, во-первыхъ, рефлексія. Рефлексія опредѣляетъ себя; ея опредѣленія суть положеніе, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ рефлексія въ себя;

во-вторыхъ, надлежитъ разсмотрѣть эти рефлективныя опредѣленія или существенности (Wesenheiten);

въ-третьихъ, сущность, какъ рефлексія опредѣленія въ себя само, становится основаніемъ и переходитъ въ осуществленіе (Existenz) и явленіе.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Видимость.

Сущность, возникая изъ бытія, повидимому, противостоитъ ему; это непосредственное бытіе есть ближайшимъ образомъ несущественное.

Но, во-вторыхъ, оно есть болѣе, чѣмъ несущественное, оно есть лишенное сущности бытіе, видимость.

Въ-третьихъ, эта видимость не есть внѣшнее, другое относительно сущности, но есть ея собственная видимость. Видимость сущности внутри ея самой есть рефлексія.

A.

Существенное и несущественное.

Сущность есть снятое бытіе. Она есть простое равенство съ самой собою, но лишь постольку, поскольку она есть вообще отрицаніе сферы бытія. Такимъ образомъ сущности противоположна непосредственность, какъ нѣчто такое, изъ чего первая возникла, и что сохраняется и удерживается въ этомъ своемъ снятіи. Сущность есть сама въ этомъ опредѣленіи сущая, непосредственная сущность, а бытіе—лишь нѣчто отрицательное по отношенію къ сущности, а не что-либо въ себѣ и для себя, стало быть сущность есть опредѣленное отрицаніе. Бытіе и сущность снова относятся между собою такимъ образомъ, какъ другія вообще, ибо тому и другой свойственно бытіе, непосредственность, онѣ взаимно безразличны и по этому бытію имѣютъ одинаковую цѣнность.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ бытіе въ противоположность сущности есть несущественное, оно имѣетъ относительно неопредѣленіе снятаго. Однако, поскольку оно относится къ сущности, какъ другое, лишь вообще, то сущность не есть собственно сущность, но только другое иначе опредѣленное существованіе, существенное.

Различеніе существеннаго и несущественнаго возвратило сущность назадъ въ сферу существованія, поскольку сущность такова, какова она есть ближайшимъ образомъ, какъ непосредственно сущая, и тѣмъ самымъ опредѣляется

въ противоположность бытію, лишь какъ другое. Такимъ образомъ въ основу кладется сфера существованія, и то, что есть бытіе въ этомъ существованіи, бытіе въ себѣ и для себя, есть дальнѣйшее опредѣленіе, внѣшнее самому существованію; также какъ, наоборотъ, хотя сущность есть бытіе въ себѣ и для себя, но лишь въ противоположность другому, въ опредѣленномъ смыслѣ. Поскольку поэтому въ существованіи различаются между собою существенное и несущественное, это различеніе есть внѣшнее положеніе, есть не затрагивающее самого существованія отдѣленіе одной части его отъ другой, раздѣленіе, относящееся къ чему-то третьему. Поэтому остается неопредѣленнымъ, что принадлежитъ существенному, и что несущественному. Оно сводится къ внѣшнему отношенію и соображенію, и потому одно и то же содержаніе можетъ считаться то существеннымъ, то несущественнымъ.

При болѣе глубокомъ разсмотрѣніи оказывается, что сущность становится существеннымъ въ противоположность несущественному лишь потому, что сущность понимается, только какъ снятое бытіе или существованіе. Сущность становится такимъ путемъ лишь первою или отрицаніемъ, которое есть опредѣленность, приводящимъ бытіе лишь къ существованію или существованіе лишь къ другому. Но сущность есть абсолютная отрицательность бытія; она есть самое бытіе, но не только опредѣленное, какъ другое, а бытіе, которое сняло себя, и какъ непосредственное бытіе, и какъ непосредственное отрицаніе, какъ отрицаніе, причастное инобытію. Бытіе или существованіе не сохранилось тѣмъ самымъ, какъ другое, вслѣдствіе бытія сущности, и еще отличаемое отъ сущности непосредственное не есть только несущественное существованіе, а въ себѣ и для себя уничтожаемое непосредственное; оно есть не—сущность (Unwesen), видимость.

B.

Видимость.

1. Бытіе есть видимость. Бытіе видимости состоитъ единственно въ снятіи бытія, въ его уничтоженности; эту уничтоженность оно имѣетъ въ сущности, и внѣ своей уничтоженности, внѣ сущности его нѣтъ. Оно есть отрицательное, положенное, какъ отрицательное.

Видимость есть единственный остатокъ, сохранившійся изъ сферы бытія. Но она еще кажется имѣющею сама независимую отъ сущности непосредственную сторону и вообще чѣмъ-то другимъ относительно сущности. Другое содержитъ въ себѣ вообще два момента — существованія и несуществованія. Поскольку несущественное уже не имѣетъ бытія, въ первомъ отъ инобытія остается лишь чистый моментъ несуществованія; видимость если это непосредственное несуществованіе, причастное опредѣленности бытія въ томъ смыслѣ, что она имѣетъ существованіе лишь въ отношеніи къ другому, въ своемъ несуществованіи; она есть несамостоятельное, сущее лишь въ своемъ отрицаніи. Ей остается присущею лишь чистая опредѣленность непосредственности, она есть рефлектированная непосредственность, т.-е. такая, которая возникаетъ лишь черезъ посредство ея отрицанія, и которая въ

противоположность своему опосредованію есть не что иное, какъ пустое опредѣленіе непосредственности несуществованія.

Такимъ образомъ, видимость, какъ феноменъ скептицизма или явленіе идеализма, есть такая непосредственность, которая не есть нѣчто или вещь, вообще не есть безразличное бытіе, сущее внѣ его опредѣленности или отношенія къ субъекту. Что оно есть, этого скептицизмъ не позволяетъ себѣ говорить; новый идеализмъ не позволилъ себѣ смотрѣть на познаніе, какъ на знаніе вещи въ себѣ; эта видимость вообще не должна была имѣть никакой основы бытія, въ ея познаніе не должна была вступать вещь въ себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ скептицизмъ допускалъ многообразныя опредѣленія своей видимости, или правильнѣе, его видимость имѣла содержаніемъ все многообразное богатство міра. Равнымъ образомъ явленіе идеализма включаетъ въ себѣ весь объемъ этихъ многообразныхъ опредѣленій. Эта видимость и это явленіе опредѣляются непосредственно столь многообразно. Въ основѣ этого содержанія не должно лежать никакого бытія, никакой вещи или вещи въ себѣ, оно остается для себя такимъ, каково оно есть; оно только переведено изъ бытія въ видимость такъ, что видимость имѣетъ внутри себя самой эти многообразныя опредѣленности, которыя суть непосредственныя, сущія, взаимно другія. Поэтому видимость есть сама непосредственно опредѣленное. Она можетъ имѣть то или иное содержаніе, но каково послѣднее, это не положено ею самою, а присущее ей непосредственно. Идеализмъ Лейбница, или Канта, или Фихте, какъ и другія его формы, также мало, какъ скептицизмъ, выходятъ за предѣлы бытія, какъ опредѣленности, какъ этой непосредственности. Скептицизму дано содержаніе его видимости; каково бы оно ни было, оно для него непосредственно. Лейбницева монада развиваетъ изъ себя самой свои представленія; но она не есть ихъ производящая и связующая сила, а они всплываютъ въ ней, какъ пузыри; они безразличны, непосредственны одно относительно другого, а слѣдовательно, и относительно самой монады. Равнымъ образомъ и кантово явленіе есть данное содержаніе воспріятія, предполагающее впечатлѣнія, опредѣленія субъекта, которыя одно относительно другого и относительно его непосредственны. Безконечное отталкиваніе въ идеализмѣ Фихте правда, не имѣетъ въ своей основѣ никакой вещи въ себѣ, такъ какъ оно есть чистая опредѣленность я. Но эта опредѣленность по отношенію къ я, дѣлающему ее своею и снимающему ея внѣшность, есть вмѣстѣ непосредственная, есть предѣлъ, за который она, правда, можетъ выйти, но который имѣетъ въ себѣ сторону безразличія, по коей онъ, хотя присущій я, содержитъ въ себѣ непосредственное небытіе послѣдняго.

2. Итакъ, видимость содержитъ въ себѣ непосредственное предположеніе, сторону независимости отъ сущности. Но поскольку видимость отличена отъ сущности, относительно первой нельзя обнаружить, что она снимаетъ себя и переходитъ во вторую; видимость есть уничтоженное въ себѣ; слѣдуетъ только показать, что опредѣленія, отличающія ее отъ сущности, суть опредѣленія самой сущности, и далѣе, что опредѣленность сущности, составляющая видимость, снята въ самой сущности.

Непосредственность небытія есть то, что образуетъ собою видимость; а это небытіе есть не что иное, какъ отрицательность сущности въ ней самой. Бытіе есть небытіе въ сущности. Его уничтоженность въ себѣ есть отрицательная природа самой сущности. Но непосредственность или безразличіе, содержащееся въ этомъ небытіи, есть собственное абсолютное бытіе въ себѣ сущности. Отрицательность сущности есть ея равенство съ самой собою или ея простая непосредственность и безразличіе. Бытіе сохранилось въ сущности, поскольку послѣдняя въ своей безконечной отрицательности имѣетъ это равенство съ самой собою; тѣмъ самымъ сущность сама есть бытіе. Непосредственность, которую опредѣленность имѣетъ въ видимости въ противоположность сущности, есть поэтому не что иное, какъ собственная непосредственность сущности, но не сущая непосредственность, а просто опосредованная или рефлектированная непосредственность, которая есть видимость; бытіе, не какъ бытіе, а какъ лишь опредѣленность бытія въ противоположность опосредованію; бытіе, какъ моментъ.

Оба эти момента, уничтоженность, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненіе, и бытіе, которое есть лишь моментъ, иначе, сущая въ себѣ отрицательность и рефлектированная непосредственность, составляющіе моменты видимости, суть тѣмъ самымъ моменты самой сущности; дана не видимость бытія въ сущности, ниже видимость сущности въ бытіи, видимость въ сущности не есть видимость чего-то другого; но дана видимость въ себѣ, видимость самой сущности.

Видимость есть сама сущность въ опредѣленности бытія. То, въ силу чего сущность имѣетъ видимость, состоитъ въ опредѣленности первой, и потому въ различеніи ея отъ ея абсолютнаго единства. Но эта опредѣленность также просто снята въ ней самой. Ибо сущность есть самостоятельное, т.-е. опосредывающее себя съ собою черезъ свое отрицаніе, которое есть она сама; поэтому она есть тожественное единство абсолютной отрицательности и непосредственности. Отрицательность есть отрицательность въ себѣ; она есть ея отношеніе къ себѣ, и такимъ образомъ непосредственность въ себѣ; но она есть отрицательное отношеніе къ себѣ, отталкивающее отрицаніе себя самой, и такимъ образомъ сущая въ себѣ непосредственность есть отрицательное или опредѣленное въ противоположность ей. Но эта опредѣленность есть сама абсолютная отрицательность, и это опредѣленіе, которое, какъ опредѣленіе, есть непосредственно снятіе себя самого, есть возвратъ къ себѣ.

Видимость есть отрицательное, имѣющее бытіе, но въ другомъ, своемъ отрицаніи; она есть несамостоятельность, снятая и уничтоженная въ себѣ самой. Такимъ образомъ она есть возвратившееся въ себя отрицательное, несамостоятельное, какъ несамостоятельное въ немъ. Это отношеніе отрицательнаго или несамостоятельности къ себѣ, есть ея непосредственность; она есть другое, чѣмъ она сама; она есть его опредѣленность въ противоположность себѣ или отрицаніе въ противоположность отрицанію. Но отрицаніе въ противоположность отрицанію есть лишь къ себѣ относящаяся отрицательность, абсолютное снятіе самой опредѣленности.

Итакъ, опредѣленность видимости въ сущности есть безконечная опредѣленность; она есть лишь совпадающее съ собою отрицательное; такимъ образомъ, она есть опредѣленность, которая, какъ таковая, есть самостоятельность и неопредѣленное. Наоборотъ, самостоятельность, какъ относящаяся къ себѣ непосредственность, есть равнымъ образомъ просто опредѣленность и моментъ и лишь къ себѣ относящаяся отрицательность. Отрицательность, тожественная съ непосредственностью, а, стало быть, и непосредственность, тожественная съ отрицательностью, есть сущность. Такимъ образомъ, видимость есть сама сущность, но сущность въ нѣкоторой опредѣленности, при томъ, такъ, что послѣдняя есть лишь моментъ сущности, а сущность есть видимость себя внутри себя самой.

Въ сферѣ бытія въ противоположность бытію, какъ непосредственному, возникаетъ небытіе, также какъ непосредственное, и ихъ истина есть становленіе. Въ сферѣ сущности противополагается прежде всего сущность и несущественное, затѣмъ сущность и видимость,—несущественное и видимость, какъ остатки бытія. Но и то, и другая, равно какъ различеніе сущности отъ нихъ, состоятъ не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что сущность первоначально понимается, какъ нѣчто непосредственное, а не такою, какова она въ себѣ, т.-е. не какъ непосредственность, которая есть непосредственность, лишь чистое опосредованіе или абсолютная отрицательность. Эта первая непосредственность есть тѣмъ самымъ лишь опредѣленность непосредственности. Снятіе этой опредѣленности сущности состоитъ поэтому не въ чемъ иномъ, какъ въ обнаруженіи того, что несущественное есть видимость, и что сущность напротивъ содержитъ видимость внутри себя самой, какъ безконечное движеніе внутри себя, которое опредѣляетъ ея непосредственность, какъ отрицательность, и ея отрицательность, какъ непосредственность, и есть такимъ образомъ ея видимость внутри ея самой. Сущность въ этомъ своемъ самодвиженіи есть рефлексія.

C.

Рефлексія.

Видимость есть то же, что рефлексія; но она есть рефлексія, какъ непосредственная; для проникшей внутрь себя и тѣмъ самымъ утратившей свою непосредственность видимости мы имѣемъ иностранное слово—рефлексія.

Сущность есть рефлексія, движеніе становленія и перехода, остающееся внутри себя самого, вслѣдствіе чего отличное отъ него опредѣляется просто, какъ отрицательное въ себѣ, какъ видимость. Опредѣленность становленія бытія имѣетъ основаніемъ бытіе и есть отношеніе къ другому. Напротивъ рефлектирующее движеніе есть другое, какъ отрицаніе въ себѣ, имѣющее бытіе, лишь какъ относящееся къ себѣ отрицаніе. Или, иначе, поскольку это отношеніе къ себѣ и есть это отрицаніе отрицанія, то отрицаніе дано, какъ отрицаніе, какъ нѣчто, имѣющее свое бытіе въ своемъ отрицаніи бытія, какъ видимость. Другое есть поэтому здѣсь не бытіе съ отрицаніемъ или границею, но отрицаніе съ отрицаніемъ. Но первое въ противоположность этому

другому, непосредственное или бытіе, есть лишь самое это равенство отрицаніе съ собою, отрицаемое отрицаніе, абсолютная отрицательность. Это равенство съ собою или непосредственность не есть поэтому первое, отъ котораго исходятъ, и которое переходитъ въ свое отрицаніе; равнымъ образомъ это не есть сущій субстрактъ, который проявлялся бы черезъ рефлексію, но непосредственно есть только самое это движеніе.

Становленіе въ сущности, ея рефлектирующее движеніе, есть поэтому движеніе отъ ничто къ ничто и тѣмъ самымъ къ себѣ самому. Переходъ или становленіе снимаетъ себя въ своемъ переходѣ; другое, которое становится въ этомъ переходѣ, есть не небытіе нѣкотораго бытія, но ничто нѣкотораго ничто, и это отрицаніе ничто образуетъ бытіе. Бытіе, какъ сущность, есть лишь движеніе отъ ничто къ ничто; она не имѣетъ этого движенія внутри себя, но есть сама абсолютная видимость, чистая отрицательность, которая не имѣетъ въ себѣ ничего, что она отрицала бы, но которая отрицаетъ только самое ея отрицательное, сущее только въ этомъ отрицаніи.

Эта чистая абсолютная рефлексія, которая есть движеніе отъ ничто къ ничто, самоопредѣляетъ себя далѣе.

Она есть, во-первыхъ, полагающая рефлексія;

во-вторыхъ, она образуетъ начало предположеннаго непосредственнаго и есть, такимъ образомъ, внѣшняя рефлексія.

Въ-третьихъ, она снимаетъ это предположеніе, и, поскольку она въ самомъ снятіи предположенія имѣетъ вмѣстѣ предполагающій характеръ, она есть опредѣляющая рефлексія.

1. Полагающая рефлексія.

Видимость есть уничтоженное или несущественное; но уничтоженное или несущественное имѣетъ свое бытіе не въ другомъ, видимостью котораго оно было бы, а его бытіе есть его собственное равенство съ собою; это взаимодѣйствіе отрицательнаго съ самимъ собою опредѣлилось, какъ абсолютная рефлексія сущности.

Эта относящаяся къ себѣ отрицательность есть слѣдовательно отрицаніе ея самой. Тѣмъ самымъ она есть вообще настолько же снятая отрицательность, насколько она есть отрицательность. Иначе она есть сама отрицательное и простое равенство съ собою или непосредственность. Она состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ, чтобы быть самой собою и не самой собою и при томъ въ одномъ единствѣ.

Ближайшимъ образомъ рефлексія есть движеніе отъ ничто къ ничто и тѣмъ самымъ совпадающее съ самимъ собою отрицаніе. Это совпаденіе съ собою есть вообще простое равенство съ собою, — непосредственность. Но это совпаденіе не есть переходъ отрицанія въ равенство съ собою, какъ въ свое инобытіе; рефлексія есть переходъ, какъ снятіе перехода, ибо она есть непосредственное совпаденіе отрицательнаго съ самимъ собою. Такимъ обра-

зомъ, это совпаденіе есть, во-первыхъ, равенство съ собою или непосредственность; но, во-вторыхъ, эта непосредственность есть равенство отрицательнаго съ собою и тѣмъ самымъ само себя отрицающее равенство; непосредственность, которая есть въ себѣ отрицательное, отрицательное ея самой, и состоитъ въ томъ, чтобы быть тѣмъ, что она не есть.

Отношеніе отрицательнаго къ самому себѣ есть, слѣдовательно, его возвратъ въ себя; оно есть непосредственность, какъ снятіе отрицательнаго, но непосредственность, только какъ это отношеніе или возвратъ изъ чего-либо и тѣмъ самымъ какъ сама себя снимающая непосредственность. Въ этомъ состоитъ положеніе, — въ непосредственности, только какъ опредѣленности или какъ рефлектирующей себя. Эта непосредственность, которая есть лишь возвратъ отрицательнаго въ себя, и есть та непосредственность, которая составляетъ опредѣленность видимости, и съ которой ранѣе того казалось начинающимся рефлектирующее движеніе. Но вмѣсто того, чтобы быть началомъ, эта непосредственность есть скорѣе возвратъ или сама рефлексія. Рефлексія есть, слѣдовательно, движеніе, которое, поскольку оно есть возвратъ, есть именно потому то, что и начинается или возвращается.

Она есть положеніе, поскольку ея непосредственность есть возвратъ; именно нѣтъ какого-либо другого, ни такого, изъ котораго она исходила бы, ни такого, въ которое она возвращалась бы; поэтому она есть только возвратъ или отрицательное самой себя. Но далѣе эта непосредственность есть снятое отрицаніе и снятый возвратъ въ себя. Рефлексія есть снятіе отрицательнаго, снятіе ея другого, непосредственности. Поэтому, поскольку она есть непосредственность, какъ возвратъ, совпаденіе отрицательнаго съ самимъ собою, она есть отрицаніе отрицательнаго, какъ отрицательнаго. Такимъ образомъ, она есть предположеніе. Или, иначе, непосредственность, какъ возвратъ, есть лишь отрицательное ея самой, состоитъ въ томъ, чтобы не быть непосредственностью; но рефлексія есть снятіе отрицанія себя самой, она есть совпаденіе съ собою; она, стало быть, снимаетъ свое положеніе, и поскольку она есть снятіе положенія въ ея положеніи, она есть предположеніе. Въ предположеніи рефлексія опредѣляетъ возвратъ въ себя, какъ отрицательное ея самой, какъ то, снятіе чего есть сущность. Она есть свое отношеніе къ себѣ самой, но какъ къ своему отрицанію; лишь такимъ образомъ она есть остающаяся внутри себя, относящаяся къ себѣ отрицательность. Вообще непосредственность выступаетъ, лишь какъ возвратъ, и есть то отрицательное, которое есть видимость начала, отрицаемаго возвратомъ. Возвратъ сущности есть тѣмъ самымъ ея отталкиваніе отъ себя самой. Или рефлексія въ себѣ есть по существу предположеніе того, чему она служитъ возвратомъ.

То, единственно въ силу чего сущность есть равенство съ собою, есть снятіе ея равенства съ собою. Она предполагаетъ себя, и снятіе этого предположенія есть она сама; наоборотъ, это снятіе ея предположенія есть самое предположеніе. Такимъ образомъ, рефлексія предварительно находитъ нѣчто непосредственное, за которое она переходитъ, и возвратомъ отъ котораго она оказывается. Но этотъ возвратъ есть предположеніе предварительно найден-

наго. Это предварительно найденное становится лишь въ силу того, что оно покидается, его непосредственность есть снятая непосредственность. Снятая непосредственность есть, наоборотъ, возвратъ въ себя, приходъ сущности въ себя, простое саморавное бытіе. Тѣмъ самымъ этотъ приходъ въ себя есть снятіе себя, отталкивающая отъ себя, предполагающая рефлексія, и ея отталкиваніе отъ себя есть приходъ къ себѣ самой.

Рефлектирующее движеніе тѣмъ самымъ, согласно сказанному, должно быть понимаемо, какъ абсолютное отталкиваніе (Gegenstoss) въ себѣ самомъ. Ибо предположеніе возврата въ себя—того, отъ чего исходитъ сущность, которая есть лишь этотъ возвратъ,—есть лишь въ самомъ возвратѣ. Выходъ за непосредственное, съ котораго начинается рефлексія, осуществляется собственно черезъ этотъ самый выходъ; и выходъ за непосредственное есть приходъ къ нему. Движеніе, какъ прогрессъ, вращается непосредственно въ себѣ самомъ и такимъ образомъ получается лишь самодвиженіе, — движеніе, исходящее отъ себя, поскольку полагающая рефлексія есть предполагающая, а предполагающая есть просто полагающая.

Такимъ образомъ, рефлексія есть и она сама, и ея небытіе; и она есть она сама, лишь поскольку она есть отрицаніе себя, ибо лишь такимъ путемъ снятіе отрицательнаго есть вмѣстѣ совпаденіе съ собою. Непосредственность, которую она предполагаетъ, какъ свое снятіе, есть просто лишь положеніе, снятое въ себѣ, неотличающееся отъ возврата въ себя, и оказывающееся само лишь этимъ возвратомъ. Но оно опредѣлено вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отрицательное, какъ непосредственно противоположное себѣ, слѣдовательно, противоположное нѣкоторому другому. Такимъ образомъ, рефлексія опредѣлена; поскольку ей по этой опредѣленности свойственно предположеніе, и поскольку она начинаетъ съ непосредственнаго, какъ своего другого, она есть внѣшняя рефлексія.

2. Внѣшняя рефлексія.

Рефлексія, какъ абсолютная рефлексія, есть въ ней самой видимая сущность и предполагаетъ лишь видимость, положеніе; какъ предполагающая, она есть непосредственно лишь полагающая рефлексія. Но внѣшняя или реальная рефлексія предполагаетъ себя, какъ снятую, какъ свое отрицательное. Въ этомъ опредѣленіи она удваивается. Во-первыхъ, она есть предположенное или рефлексія въ себя, которая есть непосредственное. Во-вторыхъ, она есть отрицательная относящаяся къ себѣ рефлексія; она относится къ себѣ, какъ къ тому своему небытію.

Внѣшняя рефлексія предполагаетъ, слѣдовательно, бытіе, во-первыхъ, не въ томъ смыслѣ, что его непосредственность есть лишь положеніе или моментъ, но скорѣе въ томъ смыслѣ, что эта непосредственность есть отношеніе къ себѣ, а опредѣленность есть только моментъ. Она относится къ своему предположенію такъ, что послѣднее есть отрицаніе рефлексіи, но при томъ такъ, что это отрицаніе, какъ отрицаніе, снято. Рефлексія въ ея

положеніи непосредственно снимаетъ свое положеніе такъ, что она имѣетъ непосредственное предположеніе. Она предварительно находитъ, слѣдовательно, это положеніе, какъ такое, съ котораго она начинаетъ, и относительно котораго она есть возвращеніе въ себя, отрицаніе этого ея отрицанія. Но что это предположенное есть отрицательное или положенное,—это не есть его начало; эта опредѣленность принадлежитъ лишь полагающей рефлексіи, въ предположеніи же положеніе есть лишь снятое. То, что внѣшняя рефлексія опредѣляетъ и полагаетъ въ непосредственномъ, суть поэтому внѣшнія для него опредѣленія. Въ сферѣ бытія она была безконечнымъ; конечное считается первымъ, реальнымъ, съ него начинаютъ, какъ съ лежащаго и продолжающаго лежать въ основаніи, а безконечное есть противоположная ему рефлексія въ себя.

Эта внѣшняя рефлексія есть выводъ, въ которомъ заключаются оба крайніе члена, непосредственное и рефлексія въ себя; среднее между ними есть ихъ отношеніе, опредѣленное непосредственное, такъ что одна часть, непосредственность, принадлежитъ лишь одному крайнему члену, а другая, опредѣленность или отрицаніе, лишь другому.

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣйствія внѣшней рефлексіи она оказывается, во-вторыхъ, положеніемъ непосредственнаго, которое тѣмъ самымъ становится отрицательнымъ или опредѣленнымъ; но она есть непосредственно также снятіе этого ея положенія, ибо она предполагаетъ непосредственное; она есть отрицаніе отрицанія этого ея отрицанія. Но она тѣмъ самымъ есть также непосредственно положеніе, снятіе отрицательнаго относительно нея непосредственнаго, и то, отъ чего она, повидимому, начинаетъ, какъ отъ нѣкотораго чуждаго ей, есть лишь въ этомъ ея начинаніи. Непосредственное есть, такимъ образомъ, то же самое, что и рефлексія, не только въ себѣ, т.-е. для насъ или во внѣшней рефлексіи, но это тожество его положено. А именно оно опредѣлено черезъ рефлексію, какъ ея отрицательное или ея другое, но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно само есть то, что отрицаетъ это опредѣленіе. Тѣмъ самымъ снимается внѣшность рефлексіи относительно непосредственнаго, ея самоотрицающее положеніе есть совпаденіе ея съ ея отрицательнымъ, съ непосредственнымъ, и это совпаденіе есть сама существенная непосредственность. Такимъ образомъ, оказывается, что внѣшняя рефлексія есть не внѣшняя, но столь же имманентная рефлексія самой непосредственности; или что то, что получается черезъ полагающую рефлексію, есть сущая въ себѣ и для себя сущность. Такимъ образомъ, она есть опредѣляющая рефлексія.

Примѣчаніе. Рефлексія понимается обыкновенно въ субъективномъ смыслѣ, какъ движеніе силы сужденія, выходящей за данное непосредственное представленіе и изслѣдывающей или тѣмъ самымъ сравнивающей общія его опредѣленія. Кантъ противополагаетъ рефлектирующую силу сужденія опредѣляющей (Критика силы сужденія. Введеніе, стр. XXIII и сл.). Онъ опредѣляетъ силу сужденія вообще, какъ способность мыслить частное, какъ содержащееся подъ общимъ.

Если общее (правило, принципъ, законъ) дано, то сила сужденія, подводящая подъ него частное, есть опредѣляющее. Если же дано лишь частное, къ коему нужно подыскать общее, то сила сужденія есть только рефлектирующая. Тѣмъ самымъ рефлексія есть здѣсь какъ бы восхожденіе надъ непосредственнымъ къ общему. Непосредственное опредѣляется, какъ частное, отчасти лишь черезъ это свое отношеніе къ своему общему; для себя же первое есть лишь единоличное или непосредственно сущее. Отчасти же то, что къ чему оно относится, есть его общее, его правило, принципъ, законъ, вообще рефлектированное внутри себя, относящееся къ себѣ, сущность или существенное.

Но здѣсь идетъ рѣчь не о рефлексіи сознанія, ниже о болѣе опредѣленной рефлексіи разсудка, имѣющей своими опредѣленіями частное и общее, а о рефлексіи вообще. Та рефлексія, которой Кантъ приписываетъ подысканіе общаго къ данному частному, и есть, какъ выясняется, также лишь внѣшняя рефлексія, относящаяся къ непосредственному, какъ къ данному. Но въ ней заключается также и понятіе абсолютной рефлексіи; ибо то общее, принципъ, или правило, или законъ, къ которому она восходитъ въ своемъ опредѣленіи, признается за сущность того непосредственнаго, съ котораго начинаютъ, и тѣмъ самымъ послѣднее уничтожается, а возвратъ отъ него, опредѣленіе рефлексіи, оказывается лишь положеніемъ непосредственнаго по его истинному бытію; слѣдовательно, то, что совершаетъ въ немъ рефлексія, и опредѣленія, исходящія отъ нея,—не чѣмъ то внѣшнимъ для этого непосредственнаго, но его собственнымъ бытіемъ.

Внѣшняя же рефлексія имѣется въ виду тогда, когда рефлексіи вообще, какъ это нѣкоторое время было принято въ философіи, приписывается все дурное, и на нее съ ея опредѣленіемъ смотрятъ, какъ на антиподъ и наслѣдственнаго врага абсолютнаго способа изслѣдованія. Дѣйствительно и мыслящая рефлексія, поскольку она остается внѣшнею, исходитъ отъ нѣкотораго даннаго, чуждаго ея непосредственнаго и смотритъ на себя, какъ на чисто формальное дѣйствіе, получающее содержаніе и матерію извнѣ и имѣющее для себя лишь обусловленное имъ движеніе. Далѣе, какъ окажется сейчасъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи опредѣляющей рефлексіи, рефлектирующія опредѣленія суть другого рода, чѣмъ просто непосредственныя опредѣленія бытія. Послѣднія допускаются болѣе, какъ преходящія, только относительныя, находящіяся въ отношеніи къ другому; рефлектированныя же опредѣленія имѣютъ форму бытія въ себѣ и для себя; они заявляютъ себя поэтому, какъ существенныя, и вмѣсто того, чтобы быть переходящими въ свою противоположность, они являются, напротивъ, абсолютными, свободными и безразличными одно къ другому. Поэтому они упорно противятся своему движенію, ихъ бытіе есть ихъ тожество съ собою въ ихъ опредѣленности, по которой они. хотя они предполагаются одно въ противоположность другому, сохраняются въ этомъ отношеніи просто, какъ раздѣльныя.

3. Опредѣляющая рефлексія.

Опредѣляющая рефлексія есть вообще единство полагающей и внѣшней рефлексіи. Это должно быть разсмотрѣно ближе.

1. Внѣшняя рефлексія начинаетъ отъ непосредственнаго бытія, полагающая—отъ ничто. Внѣшняя рефлексія, становясь опредѣляющею, полагаетъ другое, но уже какъ сущность, вмѣсто снятаго бытія; это положеніе полагаетъ свое опредѣленіе не вмѣсто другого; оно не имѣетъ предположенія. Но именно потому оно не есть полная, опредѣляющая рефлексія, опредѣленіе, которое оно полагаетъ, есть потому самому только положенное; оно есть непосредственное, но не такое, которое равно само себѣ, а отрицающее себя; оно имѣетъ абсолютное отношеніе къ возврату въ себя, есть только въ рефлексіи внутрь себя, но есть самая эта рефлексія.

Положенное есть поэтому другое, но такъ, что сохраняется вполнѣ равенство рефлексіи съ собою; ибо положенное есть лишь снятое, отношеніе къ возврату въ само себя. Въ сферѣ бытія существованіе было бытіемъ, содержавшимъ въ немъ отрицаніе, и непосредственною почвою и элементомъ этого отрицанія, которое поэтому было непосредственнымъ. Существованію въ сферѣ сущности соотвѣтствуетъ положенное. Оно есть также существованіе, но его почва есть бытіе, какъ сущность или какъ чистая отрицательность; оно есть опредѣленность или отрицаніе, не какъ сущее, а какъ непосредственно снятое. Существованіе есть только положенное: таково сужденіе сущности о существованіи. Положенное, съ одной стороны, противоложно существованію, съ другой стороны сущности и должно считаться серединою, соединяющею существованіе съ сущностью и, наоборотъ—сущность съ существованіемъ. Если говорится, что нѣкоторое опредѣленіе есть только положенное, то это можетъ, значитъ, имѣть двоякій смыслъ; оно таково въ противоположность или существованію, или сущности. Въ первомъ смыслѣ существованіе признаетъ за нѣчто высшее, чѣмъ положенное, и послѣднее приписывается внѣшней рефлексіи, субъективному. Но въ дѣйствительности положенное есть высшее, ибо, какъ положенное, существованіе есть то, что оно есть въ себѣ, отрицательное, относящееся только къ возврату въ себя. Поэтому положенное есть только положенное въ отношеніи къ сущности, какъ отрицаніе возврата въ себя само.

2. Положенное не есть еще опредѣленіе рефлексіи; оно есть лишь опредѣленность, отрицаніе вообще. Но положеніе достигло теперь единства съ внѣшнею рефлексіею; послѣдняя есть въ этомъ единствѣ абсолютное предположеніе, т.-е. отталкиваніе рефлексіи отъ себя самой или положеніе опредѣленности, какъ ея самой. Положеніе есть поэтому такое отрицаніе, но, какъ предположенное, оно есть рефлектированное въ себя. Такимъ образомъ положенное есть опредѣленіе рефлексіи.

Опредѣленіе рефлексіи отличается отъ опредѣленности бытія, отъ качества; послѣднее есть непосредственное отношеніе къ другому вообще; поло-

женное есть также отношеніе къ другому, но какъ къ рефлектированію въ себя.

Отрицаніе, какъ качество, есть сущее отрицаніе; бытіе составляетъ его основу и элементъ. Напротивъ, опредѣленіе рефлексіи имѣетъ такою основою рефлектированіе въ само себя. Положенное упрочивается въ опредѣленіе именно потому, что рефлексія есть равенство съ самой собою въ ея отрицаніи; ея отрицаніе есть поэтому само рефлексія въ себя. Опредѣленіе обусловливается здѣсь не бытіемъ, но ея равенствомъ съ собою. Такъ какъ бытіе, какъ носитель качества, неравно отрицанію, то качество есть самъ въ себѣ неравный, а потому преходящій, исчезающій въ другомъ моментъ. Напротивъ, опредѣленіе рефлексіи есть положенное, какъ отрицаніе, отрицаніе, которое имѣетъ своею основою актъ отрицанія, и которое потому не есть неравное въ себѣ самомъ, а тѣмъ самымъ есть существенная, непреходящая опредѣленность.

Саморавенство рефлексіи, въ которой отрицательное есть только отрицательное, снятое или положенное, есть то, что даетъ послѣднему устойчивость.

Въ силу этой рефлексіи въ себя опредѣленія рефлексіи являются, или свободныя, витающія въ пустотѣ безъ взаимнаго притяженія или отталкиванія существенности (Wesenheiten). Въ нихъ опредѣленность упрочена и безконечно фиксирована черезъ отношеніе къ себѣ. Это есть опредѣленное, подчинившее себѣ свой переходъ и свое простое положеніе или превратившее свою рефлексію въ другое въ рефлексію въ себя. Эти опредѣленія образуютъ тѣмъ самымъ опредѣленную видимость, какъ она присуща сущности, существенную видимость. По этому основанію опредѣляющая рефлексія есть рефлексія, перешедшая внѣ себя; само равенство сущности исчезло въ получившемъ господство отрицаніи.

Въ опредѣленіи рефлексіи есть, слѣдовательно, двѣ стороны, ближайшимъ образомъ различающіяся.

Во-первыхъ, она есть положенное, отрицаніе, какъ таковое; во-вторыхъ, она есть рефлексія въ себя. Какъ положенное она есть отрицаніе, какъ таковое, въ этомъ и состоитъ его единство съ самой собою. Но она такова лишь въ себѣ, или иначе она есть непосредственное, снимающее себя въ немъ другое самого себя. Тѣмъ самымъ рефлексія есть остающееся внутри себя опредѣленіе. Сущность не выходитъ въ ней изъ себя; ея различія просто положены, вобраны обратно въ сущность. Но, съ другой стороны, они не положены, а рефлектированы въ самихъ себя; отрицаніе, какъ отрицаніе, рефлектировано въ равенство съ нимъ самимъ, а не въ другое, не въ свое небытіе.

3. Но если опредѣленіе рефлексіи есть какъ рефлектированное отношеніе внутри себя самого, такъ и положенное, то отсюда непосредственно выясняется его природа. А именно какъ положенное, оно есть отрицаніе, какъ таковое, небытіе въ противоположность другому, именно въ противоположность абсолютной рефлексіи въ себя или сущности. Но какъ отношеніе къ себѣ оно рефлектировано въ себя. Эта ея рефлексія и положеніе различны; положенное есть собственно снятое, а рефлектированное есть сохраняющееся.

Итакъ, поскольку положеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ рефлексія въ себя, опредѣленность рефлексіи есть отношеніе къ ея инобытію въ ней самой. Она не есть сущая, покоящаяся опредѣленность, относящаяся къ другому такъ, что относимое и его отношеніе различны между собою, что первое есть сущее внутри себя, нѣчто, исключающее изъ себя свое другое и свое отношеніе къ этому другому; но опредѣленіе рефлексіи есть въ немъ самомъ опредѣленная сторона, и отношеніе этой опредѣленной стороны есть опредѣленное, т.-е. отношеніе къ ея отрицанію. Качество черезъ свое отношеніе переходитъ въ другое; съ его отношенія начинается измѣненіе. Напротивъ, опредѣленіе рефлексіи вобрало свое инобытіе обратно въ себя. Оно есть положенное, отрицаніе, которое, однако, обращаетъ свое отношеніе къ другому назадъ въ себя, и отрицаніе, которое равно самому себѣ, которое есть единство его самого и его другого и потому существенность. Послѣдняя есть стало быть положенное, отрицаніе, но, какъ рефлексія въ себя, она есть вмѣстѣ съ тѣмъ снятіе этого положеннаго, безконечное отношеніе къ себѣ.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Существенности или опредѣленія рефлексіи.

Рефлексія есть опредѣленная рефлексія; тѣмъ самымъ сущность есть опредѣленная сущность или существенность.

Рефлексія есть видимость сущности внутри ея самой. Сущность, какъ безконечный возвратъ въ себя, есть не непосредственная, но отрицательная простота; она есть движеніе черезъ различаемые моменты, абсолютное опосредованіе собою. Но она имѣетъ видимость въ этихъ своихъ моментахъ; поэтому они суть рефлектированныя въ себя опредѣленія.

Сущность есть, во-первыхъ, простое отношеніе къ себѣ самой, чистое тожество. Это ея опредѣленіе, по которому она есть скорѣе отсутствіе опредѣленія.

Во-вторыхъ, ея собственное опредѣленіе есть различеніе (Unterschied); и именно отчасти внѣшнее или безразличное различеніе, различіе (Verschiedenheit) вообще; отчасти же противоположное различіе или противоположность.

Въ-третьихъ, какъ противорѣчіе, противоположность рефлектируется въ себя и переходитъ обратно въ свое основаніе.

Примѣчаніе. Опредѣленія рефлексіи старались ранѣе выразить въ формѣ предложеній, о которыхъ говорилось, что они имѣютъ силу для всего. Эти предложенія считались общими законами мышленія, лежащими въ основаніи всякаго мышленія, абсолютными и недоказуемыми въ себѣ самихъ, но непосредственно и безъ возраженія признаваемыми за истинныя и принимаемыми всякимъ мышленіемъ, понимающимъ ихъ смыслъ.

Такъ, существенное опредѣленіе тожества высказывается въ предло-

женіи: все равно самому себѣ, $A = A$, или отрицательно: A не можетъ быть вмѣстѣ A и не-A.

Прежде всего не усматривается, почему только эти простыя опредѣленія рефлексіи понимаются въ такой особливой формѣ, а также не прочія категоріи, каковы всѣ опредѣленности сферы бытія. Получаются, напримѣръ, предложенія: все есть, все имѣетъ существованіе и т. д., или все имѣетъ качество, количество и т. д. Ибо бытіе, существованіе и т. д., какъ логическія опредѣленія, суть вообще предикаты всего. Категорія по ея этимологіи и по опредѣленію Аристотеля есть то, что говорится, утверждается о сущемъ. Но нѣкоторая опредѣленность сущаго есть по существу переходъ въ противоположное; отрицаніе каждой опредѣленности также необходимо, какъ она сама; какъ непосредственныя опредѣленности, каждая непосредственно противостоитъ другой. Поэтому если эти категоріи излагаются въ такихъ предложеніяхъ, то являются также и противоположныя предложенія; тѣ и другія представляются съ равною необходимостью и, какъ непосредственныя утвержденія, по меньшей мѣрѣ одинаково правомѣрны. Каждое изъ нихъ требовало тѣмъ самымъ доказательства въ противоположность къ другимъ, а потому этимъ утвержденіемъ уже не могъ быть присущъ характеръ непосредственно истинныхъ и неопровержимыхъ предложеній.

Напротивъ того опредѣленія рефлексіи не имѣютъ качественнаго характера. Они суть опредѣленія, относящіяся къ себѣ и тѣмъ самымъ лишенныя опредѣленности относительно другого. Далѣе, поскольку это опредѣленности, которыя суть отношенія въ себѣ самихъ, онѣ тѣмъ самымъ уже содержатъ въ себѣ форму предложенія. Ибо предложеніе отличается отъ сужденія главнымъ образомъ тѣмъ, что въ первомъ содержаніе само есть отношеніе, или что оно есть опредѣленное отношеніе. Напротивъ, сужденіе перемѣщаетъ содержаніе въ предметъ, какъ нѣкоторую общую опредѣленность, которая есть для себя и отличается отъ своего отношенія, отъ простой связки. Если предложеніе должно быть превращено въ сужденіе, то опредѣленное содержаніе, напр., заключающееся въ глаголѣ, превращается въ причастіе, дабы такимъ путемъ были раздѣлены само опредѣленіе и его отношеніе къ субъекту. Напротивъ, опредѣленія рефлексіи, какъ рефлектированное въ себя положеніе, близко къ формѣ самого предложенія. Но поскольку они высказываются, какъ общіе законы мышленія, они требуютъ еще субъекта ихъ отношенія, и этотъ субъектъ есть все или A, которое также означаетъ все и всякое бытіе.

Съ одной стороны, эта форма предложенія есть нѣчто излишнее; опредѣленія рефлексіи должны быть разсматриваемы въ себѣ и для себя. За симъ въ этихъ предложеніяхъ есть превратная сторона, т. к. они имѣютъ субъектомъ бытіе, все, нѣчто. Поэтому они снова возстановляютъ бытіе, и опредѣленія рефлексіи высказываютъ тожество и т. д. о нѣчто, какъ качество, которое имѣется въ немъ; не въ умозрительномъ смыслѣ, но въ томъ, что нѣчто, какъ субъектъ, остается въ такомъ качествѣ, какъ сущее, а не въ томъ, что оно перешло въ тожество и т. д., какъ въ свою истину и свое познаніе.

Но, наконецъ, хотя опредѣленія рефлексіи имѣютъ форму, равную себѣ и потому не относящуюся къ другому, и свободную отъ противоположенія, тѣмъ не менѣе, какъ это выяснится изъ ихъ ближайшаго разсмотрѣнія,—или какъ непосредственно въ нихъ, какъ тожествѣ, обнаруживается различіе, противоположеніе—они суть опредѣленныя одно въ противоположность другому, и слѣдовательно, по ихъ формѣ рефлексіи несвободны отъ перехода и противорѣчія. Поэтому тѣ многія предложенія, которыя установлены, какъ абсолютные законы мышленія, при ближайшемъ разсмотрѣніи противоположны между собою, они взаимно противорѣчатъ и снимаютъ одно другое. Если все тожественно съ собою, то оно не различно, не противоположно, не имѣетъ никакого основанія. Или если признано, что нѣтъ двухъ одинаковыхъ вещей, т.-е. что все одно отъ другого различно, то *А* не тожественно А, *А* также не противоположно и т. д. Признаніе каждаго изъ этихъ предложеній не допускаетъ признанія другихъ. Чуждое мысли разсмотрѣніе ихъ перечисляетъ ихъ одно послѣ другого такъ, что они являются несостоящими ни въ какомъ взаимномъ отношеніи; оно имѣетъ въ виду лишь ихъ рефлектированіе безъ принятія во вниманіе другого момента—положенія или ихъ опредѣленности, какъ таковой, которая движетъ ихъ къ переходу и къ ихъ отрицанію.

A.

Тожество.

1. Сущность есть простая непосредственность, какъ снятая непосредственность. Ея отрицательность есть ея бытіе; она равна самой себѣ въ своей абсолютной отрицательности, въ силу которой инобытіе и отношеніе къ другому просто въ себѣ самомъ исчезаетъ въ чистомъ саморавенствѣ. Сущность есть т. обр. простое тожество съ собою.

Это тожество съ собою есть непосредственность рефлексіи. Она не есть такое равенство съ собою, какъ бытіе или также ничто, но такое равенство съ собою, которое возстановляетъ себя къ единству, не возстановленіе изъ другого, но это чистое возстановленіе изъ себя и въ себя само; существенное тожество. Тѣмъ самымъ оно не есть отвлеченное тожество, возникаетъ не черезъ относительное отрицаніе, происходящее внѣ его и не ограничивается только отдѣленіемъ отъ него различеннаго, попрежнему оставляя послѣднее внѣ его, какъ сущее; но бытіе и вся опредѣленность бытія не только относительно, а сами въ себѣ сняты; и эта простая отрицательность бытія въ себѣ есть самое тожество.

Послѣднее есть потому вообще еще то же самое, что и сущность.

Примѣчаніе 1. Мышленіе, удерживающее себя на внѣшней рефлексіи и незнающее ни о какомъ иномъ мышленіи, кромѣ внѣшней рефлексіи, не достигаетъ познанія тожества, какъ оно было только что изложено, или, что то же самое, познанія сущности. Такое мышленіе всегда имѣетъ передъ собою лишь отвлеченное тожество и внѣ и рядомъ съ нимъ — различеніе. Это мышленіе полагаетъ, что разумъ есть не болѣе, чѣмъ ткацкій станокъ, на которомъ

основа—тожество—и утокъ—различеніе—внѣшнимъ образомъ соединяются и сплетаются между собою; или при новомъ анализѣ выдѣляетъ сначала особо тожество, а затѣмъ оставляетъ рядомъ съ нимъ различеніе, является сначала отожествленіемъ, а затѣмъ снова различеніемъ: отожествленіемъ, поскольку отвлекается отъ различенія, различеніемъ, поскольку отвлекается отъ отожествленія. Надлежитъ совсѣмъ оставить въ сторонѣ эти утвержденія и мнѣнія о томъ, что дѣлаетъ разумъ, такъ какъ они до нѣкоторой степени имѣютъ лишь историческое значеніе; и напротивъ разсмотрѣніе всего, что есть, въ немъ самомъ показываетъ, что оно въ своемъ равенствѣ съ собою не равно и противорѣчиво, а въ своемъ различіи, въ своемъ противорѣчіи тожественно съ собою, и есть въ немъ самомъ это движеніе перехода одного изъ сказанныхъ опредѣленій въ другое; и именно потому что каждое изъ послѣднихъ въ немъ самомъ есть противоположность себѣ. Понятіе тожества, по коему послѣднее есть простая относящаяся къ себѣ отрицательность, не есть произведеніе внѣшней рефлексіи, но вытекло изъ самого бытія. Наоборотъ, то тожество, которое внѣ различенія, и различеніе, которое внѣ тожества, суть порожденіе внѣшней рефлексіи и отвлеченности, которая произвольно удерживается на этой точкѣ зрѣнія безразличнаго различія.

2. Это тожество есть ближайшимъ образомъ сама сущность, а не ея опредѣленіе, вся рефлексія, а не ея отвлеченный моментъ. Какъ абсолютное отрицаніе, оно есть отрицаніе, которое непосредственно отрицаетъ себя само; небытіе и различеніе, исчезающее въ своемъ возникновеніи, иначе отличеніе, коимъ ничто не отрицается, но которое непосредственно совпадаетъ съ самимъ собою. Отличеніе есть положеніе небытія, какъ небытія другого. Но небытіе другого есть снятіе другого, а тѣмъ самымъ и самого отличенія. Такимъ образомъ, отличеніе дано здѣсь, какъ относящаяся къ себѣ отрицательность, какъ небытіе, которое есть небытіе себя самого; какъ небытіе, имѣющее свое небытіе не въ другомъ, а въ себѣ самомъ. Поэтому дано относящееся къ себѣ, рефлектированное различеніе или чистое, абсолютное различеніе.

Или, иначе, тожество есть рефлексія въ себя само, которая такова, лишь какъ внутреннее отталкиваніе, и это отталкиваніе есть рефлексія въ себя, непосредственно возвращающееся въ себя отталкиваніе. Тѣмъ самымъ тожество есть тожественное себѣ различеніе. Но различеніе тожественно себѣ, поскольку оно есть не тожество, а абсолютное не-тожество. Не-тожество же абсолютно, поскольку оно не содержитъ ничего изъ своего другого, но содержитъ лишь себя, т.-е. поскольку оно есть абсолютное тожество съ собою.

Тожество есть, слѣдовательно, въ немъ самомъ абсолютное не-тожество. Но оно есть также въ противоположность послѣднему опредѣленіе тожества. Ибо какъ рефлексія въ себя, оно полагаетъ себя, какъ свое собственное небытіе; оно есть цѣлое, но какъ рефлексія оно полагаетъ себя, какъ его собственный моментъ, какъ положенное, отъ котораго оно есть возвратъ въ себя. Лишь такимъ образомъ, какъ моментъ, оно есть тожество, какъ таковое, какъ опредѣленіе простого равенства съ самимъ собою въ противоположность абсолютному различенію.

Примѣчаніе 2. Въ этомъ примѣчаніи я ближе разсмотрю тожество, какъ начало тожества, которое пытаются возвести въ первый законъ мышленія.

Это предложеніе въ своемъ положительномъ выраженіи $A = A$ есть прежде всего не что иное, какъ выраженіе пустого тожесловія. Было поэтому правильно замѣчено, что этотъ законъ не имѣетъ содержанія и не приводитъ ни къ чему далѣе. Такимъ образомъ, пустое тожество, за которое держатся тѣ, которые стараются постоянно выставить его, какъ нѣчто истинное, означаетъ лишь, что тожество не есть различіе, но что тожество и различіе различны. Они не видятъ, что тѣмъ самымъ они уже высказываютъ, что тожество есть различное, ибо они высказываютъ, что тожество различается отъ различія; поскольку этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ допускается, что такова природа тожества, допускается, что тожество не внѣшнимъ образомъ, а въ немъ самомъ, по своей природѣ таково, что оно различно. Но далѣе, поскольку они держатся за это неподвижное тожество, имѣющее свою противоположность въ различіи, то они не видятъ, что они тѣмъ самымъ обращаютъ тожество въ одностороннюю опредѣленность, которая, какъ таковая, лишена истины. Допускается, что начало тожества выражаетъ лишь одностороннюю опредѣленность, что оно содержитъ лишь формальную, отвлеченную, неполную истину. Это правильное сужденіе непосредственно удостовѣряетъ, что истина достигаетъ полноты лишь въ единствѣ тожества и различія и потому состоитъ лишь въ этомъ единствѣ. Поскольку признается, что это тожество несовершенно, то эта полнота, сравнительно съ которой тожество несовершенно, предносится мысли, какъ совершенное; но поскольку съ другой стороны тожество удерживается, какъ абсолютно отдѣльное отъ различія, и въ этомъ раздѣленіи признается за существенное, имѣющее значеніе, истинное, то въ этихъ противорѣчащихъ утвержденіяхъ нельзя усмотрѣть ничего, кромѣ неспособности привести къ единству мысли о тожествѣ, какъ отвлеченно-существенномъ, и о немъ же, какъ несовершенномъ, кромѣ недостаточности сознанія о томъ отрицательномъ движеніи, какимъ изображается само тожество въ этихъ утвержденіяхъ. Или, если выражаются такъ, что тожество есть существенное тожество, какъ отдѣленіе отъ различія, или въ отдѣльности отъ различія, то тѣмъ самымъ непосредственно высказывается истина, что тожество состоитъ въ отдѣленіи, какъ таковомъ, или въ отдѣленіи по существу, т.-е. что тожество есть не для себя, а моментъ отдѣленія.

Что касается иного удостовѣренія въ абсолютной истинѣ начала тожества, то это удостовѣреніе постольку основывается на опытѣ, поскольку всякое сознаніе ссылается на опытъ; т.-е. поскольку сознаніемъ высказывается это предложеніе, A есть A, дерево есть дерево, то оно (сознаніе) немедленно соглашается съ нимъ и удовлетворяется тѣмъ, что это предложеніе непосредственно само собой ясно и не требуетъ никакого иного обоснованія и доказательства.

Съ одной стороны, та ссылка на опытъ, согласно которой это предложеніе вообще признается всякимъ сознаніемъ, есть просто фраза. Ибо, ко-

нечно, хотятъ сказать не то, что въ каждомъ сознанiи былъ произведенъ опытъ надъ отвлеченнымъ предложенiемъ $A=A$. Поэтому ссылка на дѣйствительно произведенный опытъ не имѣетъ какого-либо серьезнаго значенiя, но есть лишь удостовѣренiе въ томъ, что если бы былъ произведенъ опытъ, то въ результатѣ получилось бы всеобщее признанiе. Но если бы тутъ имѣлось въ виду не отвлеченное предложенiе, какъ таковое, а оно же въ конкретномъ приложенiи, изъ котораго должно бы было быть лишь развито первое, то утвержденiе его всеобщности и непосредственности состояло бы въ томъ, что каждое сознанiе и притомъ въ каждомъ своемъ проявленiи кладетъ его въ основанiе, или что это предложенiе implicite заключается въ каждомъ сознанiи. Но конкретное и приложенiе и есть именно отношенiе простого тожественнаго къ нѣкоторому отличному отъ него многообразiю. Выраженное въ предложенiи конкретное есть ближайшимъ образомъ синтетическое предложенiе. Изъ самаго конкретнаго или выражающаго его синтетическаго предложенiя, правда, можно бы было путемъ отвлеченiя вывести посредствомъ анализа предложенiе о тожествѣ; но это отвлеченiе на дѣлѣ не покидало бы, а измѣняло бы опытъ, какъ таковой; ибо опытъ содержитъ, напротивъ, тожество въ единствѣ съ различiемъ и служитъ непосредственнымъ опроверженiемъ того утвержденiя, согласно коему отвлеченное тожество, какъ таковое, есть нѣчто истинное, такъ какъ въ каждомъ опытѣ проявляется совершенно противоположное, а именно тожество только въ соединенiи съ различiемъ.

Но, съ другой стороны, и опытъ надъ чистымъ предложенiемъ о тожествѣ производится достаточно часто, чтобы въ каждомъ опытѣ ясно обнаружился смыслъ той истины, которую оно въ себѣ заключаетъ. А именно, если напр. на вопросъ: что такое растенiе? дается отвѣтъ: растенiе есть растенiе, то все общество, на которомъ испытывается истина этого предложенiя, немедленно соглашается съ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь же единогласно заявляетъ, что тѣмъ самымъ не говорится ничего. Если кто-либо открываетъ ротъ и обѣщаетъ изложить, что такое Богъ, именно что Богъ есть Богъ, то общее ожиданiе обманывается, такъ какъ оно было направлено къ различному опредѣленiю; и если это предложенiе объявляется абсолютною истиною, то такая рѣчь объ абсолютномъ цѣнится весьма низко; ничто не считается болѣе скучнымъ и несноснымъ, чѣмъ рѣчь, пережевывающая одно и то же, выдаваемая за рѣчь, долженствующею быть истиною.

При ближайшемъ разсмотрѣнiи скуки отъ такой истины оказывается, что начало: растенiе есть... служитъ подготовкою къ тому, чтобы сказать что-нибудь, дать дальнѣйшее опредѣленiе. Но такъ какъ повторяется лишь то же самое, то получается обратное, въ результатѣ оказывается ничто. Слѣдовательно такое тожесловiе противорѣчитъ само себѣ. Вмѣсто того, чтобы быть въ себѣ истиною и абсолютною истиною, тожество есть поэтому ея противоположность; вмѣсто того, чтобы быть неподвижною простотою, оно есть выходъ изъ себя и саморазложенiе.

Такимъ образомъ, въ формѣ предложенiя, въ которой выражается тожество, заключается болѣе, чѣмъ простое отвлеченное тожество; въ ней

заключается то чистое движеніе рефлексіи, въ которомъ другое выступаетъ, лишь какъ видимость, какъ непосредственное исчезаніе. *А* есть—это начало, которому предносится различное, къ коему долженъ быть совершенъ выходъ; но различное не достигается; *А* есть *А*—различіе есть лишь исчезаніе; движеніе возвращается въ себя. Форма предложенія можетъ считаться скрытою необходимостью дать въ этомъ движеніи прибавку къ отвлеченному тожеству. Такимъ образомъ является снова *А*, или растеніе, или какой-либо иной субстратъ, который, какъ безполезное содержаніе, не имѣетъ никакого значенія; но оно образуетъ различіе, возникающее, повидимому, случайно. Если вмѣсто *А* и всякаго иного субстрата взять самое тожество—тожество есть тожество,—то также оказывается, что вмѣсто него можно равнымъ образомъ взять всякій иной субстратъ. Поэтому, если только требуется сослаться на то, что обнаруживаетъ опытъ, то въ послѣднемъ обнаруживается лишь, что въ выраженіи тожества проявляется непосредственно различіе; или опредѣленнѣе согласно вышесказанному, что это тожество есть ничто, что оно есть отрицательность, абсолютное различеніе отъ самого себя.

Другое выраженіе тожества: *А* не можетъ быть вмѣстѣ *А* и не-*А* имѣетъ отрицательную форму; оно именуется началомъ противорѣчія. Тому, какъ привходитъ къ тожеству форма отрицанія, отличающая это предложеніе отъ предыдущаго, нельзя привести никакого оправданія. Но эта форма заключается въ томъ, что тожество, какъ чистое движеніе рефлексіи, есть простая отрицательность, содержащаяся въ приведенномъ второмъ выраженіи этого предложенія въ болѣе развитомъ видѣ. Высказывается *А* и не-*А*, какъ вполнѣ другое, но послѣднее появляется лишь затѣмъ, чтобы исчезнуть. Тожество выражается, такимъ образомъ, въ этомъ предложеніи, какъ отрицаніе отрицанія. *А* и не-*А* различены, и эти различенныя относятся къ одному и тому же *А*. Поэтому тожество изображено здѣсь, какъ эта различимость въ одномъ отношеніи или какъ простое различеніе въ немъ самомъ. Отсюда явствуетъ, что какъ само начало тожества, такъ еще болѣе начало противорѣчія имѣютъ не только аналитическую, но и синтетическую природу. Ибо послѣднее содержитъ въ своемъ выраженіи не только пустое, простое равенство съ собою, не только свое другое вообще, но даже абсолютное неравенство, противорѣчіе въ себѣ. Самое же начало тожества содержитъ, какъ было относительно него показано, движеніе рефлексіи, тожество, какъ исчезаніе инобытія.

Изъ этого разсмотрѣнія слѣдуетъ, что, во-первыхъ, начало тожества или противорѣчія, долженствующее выразить, какъ истину, лишь отвлеченное тожество въ противоположность различенію, есть не законъ мышленія, а скорѣе противоположное ему; во-вторыхъ, что эти начала содержатъ въ себѣ болѣе, чѣмъ мнится въ нихъ, а именно самую эту противоположность, самое абсолютное различеніе.

B.

Различеніе.

1. Абсолютное различеніе.

Различеніе есть отрицательность, свойственная рефлексіи въ себя; ничто, высказываемое черезъ тожесловіе; существенный моментъ самого тожества, которое вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ себя и отличаетъ отъ различенія, какъ отрицательное самого себя.

Это различеніе есть различеніе въ себѣ и для себя, абсолютное различеніе, различеніе сущности. Оно есть различеніе въ себѣ и для себя, не различеніе черезъ что-либо внѣшнее, но относящееся къ себѣ, слѣдовательно, простое различеніе. Важно понимать абсолютное различеніе, какъ простое. Въ абсолютномъ различеніи *A* и не-*A* образуется черезъ простое нѣтъ, какъ таковое. Самое различеніе есть простое понятіе. Двѣ вещи, такъ говорится, различаются тѣмъ, что онѣ и т. д. Тѣмъ — это зничитъ въ одномъ и томъ же отношеніи, на основаніи того же опредѣленія. Это различеніе рефлексіи, а не инобытіе существованія. Существованіе и другое существованіе положены, какъ находящіяся одно внѣ другого, каждое изъ опредѣленныхъ одно въ противоположность другому существованій имѣетъ непосредственное бытіе для себя. Напротивъ другое сущности есть другое въ себѣ и для себя, не другое другого, находящагося внѣ его, — простая опредѣленность въ себѣ. И въ сферѣ существованія инобытіе и опредѣленность оказываются той же природы, простою опредѣленностью, тожественнымъ противоположеніемъ; но это тожество обнаружилось лишь, какъ переходъ одной опредѣленности въ другую. Здѣсь же въ сферѣ рефлексіи различеніе выступаетъ, какъ рефлектированное, положенное такъ, какъ оно есть въ себѣ.

2. Различеніе въ себѣ есть относящееся къ себѣ различеніе; такимъ образомъ оно есть отрицательность самого себя, различеніе не отъ другого, а себя отъ самого себя; оно не есть оно само, но свое другое. Но различенное отъ различенія есть тожество. Поэтому оно есть оно само и тожество. Оба вмѣстѣ образуютъ различеніе; оно есть и цѣлое, и свой моментъ. Можно также сказать, что различеніе, какъ простое, не есть различеніе; оно таково лишь въ отношеніи къ тожеству; но собственно оно, какъ различеніе, содержитъ также и себя и самое это отношеніе. Различеніе есть и цѣлое, и свой собственный моментъ также, какъ тожество есть и цѣлое, и свой моментъ. Это должно считаться существенною природою рефлексіи и опредѣленною основою всякой дѣятельности и самодвиженія. Различеніе и тожество становятся моментами или положеннымъ, такъ какъ они, какъ рефлексія, суть отрицательное отношеніе къ себѣ самому.

Различеніе, какъ единство себя и тожества, есть само въ себѣ опредѣленное различеніе. Оно не есть переходъ во что-либо другое, отношеніе къ другому внѣ себя; оно имѣетъ свое другое, тожество, въ себѣ самомъ;

также точно, какъ и послѣднее, переходя въ опредѣленіе различенія, не теряется въ немъ, какъ въ своемъ другомъ, но сохраняется въ немъ, есть своя рефлексія въ себя и свой моментъ.

3. Различеніе имѣетъ оба момента, тожество и различеніе; оба суть т. обр. положенное, опредѣленность. Но въ этомъ положеніи каждое есть отношеніе къ себѣ. Первое, тожество, есть само непосредственно моментъ рефлексіи въ себя; равнымъ образомъ второе есть различеніе, различеніе въ себѣ, рефлектированное различеніе. Различеніе, поскольку оно имѣетъ два такихъ момента, которые сами суть рефлексіи въ себя, есть различіе (Verschiedenheit).

2. Различіе.

1. Тожество распадается въ немъ самомъ на различіе, такъ какъ оно полагаетъ себя, какъ абсолютное различеніе въ себѣ самомъ, какъ отрицательное самого себя, и эти его моменты, оно само и его отрицательное, суть рефлексіи въ себя, тожественны съ собою, или такъ какъ она сама непосредственно снимаетъ свое отрицаніе и рефлектируется въ себя въ своемъ опредѣленіи. Различенное остается, какъ безразлично взаимно различное, ибо оно тожественно себѣ, такъ какъ тожество составляетъ его почву и элементъ; но различное есть то, что оно есть, лишь въ своей противоположности, въ тожествѣ. Различіе составляетъ инобытіе рефлексіи, какъ таковое. Другое существованія имѣетъ непосредственное бытіе въ своемъ основаніи, въ коемъ состоитъ его отрицательное. Въ рефлексіи же тожество съ собою, рефлектированная непосредственность, образуетъ наличность отрицательнаго и его безразличіе.

Моменты различенія суть тожество и различеніе. Они различны, какъ рефлектированные въ самихъ себя, какъ относящіеся къ себѣ; т. обр. они суть въ опредѣленіи тожества отношенія лишь къ себѣ; тожество не отнесено къ различенію, ниже различеніе—къ тожеству; поскольку каждый изъ этихъ моментовъ отнесенъ лишь къ себѣ, они не опредѣлены одинъ въ противоположность другому. Такъ какъ они такимъ образомъ не различены въ нихъ самихъ, то различеніе для нихъ внѣшне. Различныя относятся поэтому между собою, не какъ тожество и различеніе, но какъ различныя вообще, которыя безразличны одно къ другому и къ своей опредѣленности.

2. Въ различіи, какъ безразличіи различенія, рефлексія стала вообще внѣшнею; различеніе есть лишь положеніе или снятое, но оно есть само вся рефлексія. При ближайшемъ разсмотрѣніи оба, тожество и различеніе, суть, какъ они были только что опредѣлены, рефлексіи; каждое есть единство себя самого и своего другого; каждое есть цѣлое. Тѣмъ самымъ опредѣленность, состоящая въ томъ, чтобы быть только тожествомъ или только различеніемъ, снимается. Поэтому они не суть качества, такъ какъ ихъ опредѣленность черезъ рефлексію въ себя есть вмѣстѣ съ тѣмъ лишь отрицаніе. Дано, такимъ образомъ, это удвоенное, рефлексія въ себя, какъ таковая, и опредѣленность, какъ отрицаніе, или положеніе. Положеніе есть внѣшняя себѣ рефлексія; оно есть отрицаніе, какъ отрицаніе; тѣмъ самымъ въ себѣ оно есть относящееся

къ себѣ отрицаніе и рефлексія въ себя, но только въ себѣ; оно есть отношеніе къ себѣ, лишь какъ къ внѣшнему.

Рефлексія въ себѣ и внѣшняя рефлексія суть тѣмъ самымъ два опредѣленія, въ которыхъ положили себя моменты различенія, тожество и различеніе. Они суть самые эти моменты, поскольку они уже опредѣлили себя. Рефлексія въ себѣ есть тожество, но неопредѣленное, какъ безразличное къ различенію; не лишенное вовсе послѣдняго, но относящееся къ нему, какъ тожественному съ собою; она есть различіе. Это тожество, такъ рефлектировавшее себя въ себя, что оно есть собственно одна рефлексія въ себя обоихъ моментовъ, что оба суть рефлексіи въ себя. Тожество есть эта одна рефлексія ихъ обоихъ, которыя имѣютъ различеніе въ ней, какъ нѣчто безразличное, и которая есть различіе вообще. Внѣшняя рефлексія есть напротивъ его опредѣленное различеніе, не какъ абсолютной рефлексіи въ себя, но какъ опредѣленіе, относительно котораго сущая въ себѣ рефлексія безразлична; его оба момента, тожество и самое различеніе, суть такимъ образомъ положенныя внѣшне, не сущія въ себѣ и для себя опредѣленія.

Это внѣшнее тожество есть равенство, а внѣшнее различеніе—неравенство. Равенство есть, правда, тожество, но лишь положенное, тожество, которое не есть въ себѣ и для себя. Равнымъ образомъ неравенство есть различеніе, но внѣшнее, которое не есть въ себѣ и для себя различеніе самого неравнаго. Равно ли нѣчто другому нѣчто, или нѣтъ, не касается ни того, ни другого; каждое изъ нихъ относится лишь къ себѣ; оно въ себѣ и для себя самого есть то, что оно есть; тожество или нетожество, въ смыслѣ равенства и неравенства, есть отношеніе къ третьему, которое находится внѣ нихъ.

3. Внѣшняя рефлексія относитъ различное къ равенству и неравенству. Это отношеніе, сравненіе, исходитъ попеременно отъ равенства къ неравенству и отъ послѣдняго къ первому. Но это перемежающееся отношеніе равенства и неравенства внѣшне для самихъ этихъ опредѣленій; равнымъ образомъ они относятся не одно къ другому, но лишь къ чему-либо третьему. Каждое въ этой смѣнѣ выступаетъ непосредственно для себя. Внѣшняя рефлексія, какъ таковая, внѣшня для самой себя; опредѣленное различеніе есть отрицаемое абсолютное различеніе; поэтому оно не просто, не есть рефлексія въ себя, но имѣетъ ее внѣ себя; вслѣдствіе того его моменты распадаются и также относятся, какъ внѣшніе одинъ другому, къ противоположной имъ рефлексіи въ себя.

Въ отчуждающую себя рефлексію привходятъ, стало быть, равенство и неравенство, какъ относящіяся одно къ другому, и она раздѣляетъ ихъ, относя ихъ къ одному и тому же посредствомъ выраженій постольку, съ той или другой стороны, въ томъ или иномъ отношеніи. Слѣдовательно, различныя, которыя суть одно и то же, къ чему относятся оба, равенство и неравенство, съ одной стороны равны между собою, а съ другой стороны неравны, и поскольку они равны, постольку они неравны. Равенство относится лишь къ себѣ, и неравенство есть также лишь неравенство.

Но черезъ это отдѣленіе одного отъ другого они только снимаются.

То самое, что должно препятствовать ихъ противорѣчію и разложенію, а именно, что нѣчто въ одномъ отношеніи равно, а въ другомъ неравно другому,—это раздѣленіе равенства и неравенства и есть ихъ разрушеніе. Ибо оба они суть опредѣленія различенія; они суть отношенія одного къ другому, состоящія въ томъ, что одно есть то, что не есть другое; равное не есть неравное, а неравное не есть равное; обоимъ имъ существенно это отношеніе, и внѣ его они не имѣютъ никакого значенія; какъ опредѣленіе различенія, каждое есть то, что оно есть, и отличено отъ своего другого. Но въ силу ихъ безразличія одного къ другому равенство отнесено лишь къ себѣ, а неравенство есть также свое собственное отношеніе и рефлексія для себя; тѣмъ самымъ каждое равно само себѣ; различеніе исчезло, такъ какъ они не имѣютъ опредѣленности одно относительно другого, или каждое есть тѣмъ самымъ равенство.

Это отношеніе безразличія или внѣшнее различеніе тѣмъ самымъ снимается и есть своя собственная отрицательность въ себѣ самомъ. Оно есть та отрицательность, которая въ сравненіи свойственна сравниваемому. Сравниваемое направляется отъ равенства къ неравенству и обратно отъ послѣдняго къ первому; т. обр. одно исчезаетъ въ другомъ и есть въ дѣйствительности отрицательное единство обоихъ. Это единство ближайшимъ образомъ находится внѣ сравниваемыхъ также, какъ внѣ моментовъ сравненія, какъ субъективное, внѣ ихъ совершающееся дѣйствіе. Но это отрицательное единство, какъ оказалось, есть въ дѣйствительности сама природа равенства и неравенства. Именно то самостоятельное отношеніе, какимъ оказывается каждое изъ нихъ, и есть собственно ихъ отличительность и тѣмъ самымъ снимающее ихъ самихъ отношеніе къ себѣ.

Съ этой стороны, какъ моменты внѣшней рефлексіи и внѣшнія самимъ себѣ, равенство и неравенство исчезаютъ въ ихъ равенствѣ. Но это ихъ отрицательное единство далѣе также положено въ нихъ; а именно они имѣютъ сущую въ себѣ рефлексію внѣ ихъ или суть равенство а неравенство нѣкотораго третьяго, другого, чѣмъ они сами. Т. обр. равное не есть равное самому себѣ, а неравное не есть неравное самому себѣ, но нѣчто нервное ему само есть равное. Равное и неравное есть, поэтому, неравное самому себѣ. Каждое тѣмъ самымъ есть эта рефлексія, равенство, которое есть и оно само, и неравенство, и неравенство, которое есть и оно само, и равенство.

Равенство и неравенство образовали сторону положеннаго въ противоположность сравниваемому или различному, которое опредѣлилось въ противоположность имъ, какъ сущая въ себѣ рефлексія. Но тѣмъ самымъ послѣднее также утратило свою опредѣленность относительно нихъ. Именно равенство и неравенство, опредѣленія внѣшней рефлексіи, суть лишь сущая въ себѣ рефлексія, которая должна была быть различнымъ, какъ таковымъ, своимъ лишь неопредѣленнымъ различеніемъ. Сущая въ себѣ рефлексія есть отношеніе къ себѣ безъ отрицанія, отвлеченное тожество съ собою и тѣмъ самымъ самимъ положеннымъ. Просто различное переходитъ такимъ образомъ черезъ положеніе въ отрицательную рефлексію. Различное есть просто положенное различеніе, т.-е. различеніе, которое не есть различеніе, слѣдовательно, есть отрицаніе

себя въ немъ самомъ. Такимъ образомъ, само равенство и неравенство, положенное, возвращается къ отрицательному единству съ собою черезъ безразличіе или сущую въ себѣ рефлексію, рефлексію, которая есть различеніе равенства и неравенства въ самомъ себѣ. Различіе, безразличныя стороны котораго суть также лишь моменты одного отрицательнаго единства, есть противоположность.

Примѣчаніе. Различіе, какъ и тожество, выражается въ нѣкоторомъ собственномъ предложеніи. Впрочемъ, оба эти предложенія остаются одно противъ другого въ безразличномъ различіи такъ, что каждое употребляется для себя безъ отношенія къ другому.

Всѣ вещи различны или: нѣтъ двухъ вещей, которыя были бы тожественны. Это предложеніе дѣйствительно противоположно предложенію тожества, ибо первое гласитъ: *A* есть различное, слѣдовательно *A* также не есть *A*; или *A* въ другомъ не-тожественно себѣ, т.-е. оно не есть *A* вообще, а собственно опредѣленное *A*. Въ тожественномъ предложеніи вмѣсто *A* можетъ быть поставленъ любой другой субстратъ, но *A*, какъ не-тожественное, уже не можетъ быть замѣнено чѣмъ-либо другимъ. Правда, оно должно быть различнымъ не отъ себя, а лишь отъ другого; но это различіе есть его собственное опредѣленіе. Какъ тожественное съ собою, *A* есть неопредѣленное; а какъ опредѣленное, оно есть противоположное себѣ, оно уже не только не тожественно себѣ, но причастно въ немъ самомъ отрицанію, слѣдовательно, различію себя самого отъ себя.

Что всѣ вещи различны одна отъ другой,—это совсѣмъ излишнее предложеніе, такъ какъ множественность вещей уже непосредственно заключаетъ въ себѣ ихъ множество и совершенно неопредѣленное различіе. Но предложеніе: нѣтъ двухъ вещей, которыя совершенно тожественны одна другой, выражаетъ нѣчто большее, а именно опредѣленное различіе. Двѣ вещи не только двѣ; численное множество указываетъ лишь на единообразіе, а между тѣмъ вещи различны по своему опредѣленію. Предложеніе, по которому нѣтъ двухъ одинаковыхъ между собою вещей, доступно представленію,—какъ видно изъ того анекдота, случившагося при одномъ дворѣ, гдѣ Лейбницъ высказалъ это предложеніе и предложилъ дамамъ найти между листьями дерева два одинаковыхъ. Счастливыя времена для метафизики, когда ею занимались при дворѣ, и когда для провѣрки сказаннаго не требовалось иного труда, кромѣ сравненія листьевъ дерева! Основаніе очевидности предложенія о тожествѣ заключается въ сказанномъ о томъ, что два или численное множество еще не содержитъ въ себѣ опредѣленнаго различія, и что различіе, какъ таковое, въ своей отвлеченности прежде всего безразлично къ равенству и неравенству. Представленіе, поскольку оно переходитъ и въ опредѣленіе, беретъ самые эти моменты, какъ безразличные одинъ къ другому, такъ что для опредѣленія считается достаточнымъ то или другое,—или простое равенство вещей безъ неравенства, или различіе вещей, хотя бы онѣ были лишь численно многими, различными вообще, а не неравными. Напротивъ предложеніе о различіи выражаетъ собою, что вещи различны одна отъ другой вслѣдствіе неравенства, что

опредѣленіе неравенства свойственно имъ въ той же мѣрѣ, какъ и опредѣленіе равенства, ибо лишь оба эти опредѣленія вмѣстѣ составляютъ опредѣленное различеніе.

Но предложеніе, по коему всѣмъ вещамъ свойственно опредѣленіе неравенства, нуждалось бы въ доказательствѣ; оно не можетъ быть установлено непосредственно, ибо самообычный пріемъ познанія требуетъ для связи различныхъ опредѣленій въ синтетическомъ предложеніи доказательства или указанія чего-либо третьяго, чѣмъ они опосредованы. Этимъ доказательствомъ долженъ былъ бы служить переходъ тожества въ различіе, и затѣмъ переходъ послѣдняго въ опредѣленное различіе, въ неравенство. Но это не можетъ быть осуществлено, ибо оказалось, что различіе или внѣшнее различеніе есть въ дѣйствительности рефлектированное въ себя различеніе въ немъ самомъ, что безразличное удержаніе различнаго есть простое положеніе, а потому не внѣшнее, безразличное различеніе, а *единое* отношеніе обоихъ моментовъ.

Здѣсь имѣетъ мѣсто разложеніе и уничтоженіе *предложенія о различіи*. Двѣ вещи совершенно равны; онѣ вмѣстѣ равны и неравны; равны уже потому, что онѣ суть двѣ вещи или вообще двѣ, что каждая изъ нихъ есть одна вещь, есть одно также, какъ и другое, и что поэтому каждая есть то же самое, что и другая; неравны же онѣ по предположенію. Тѣмъ самымъ дано опредѣленіе, что оба момента, равенство и неравенство, различны въ *одномъ и томъ же*, или что раздѣляющее ихъ различеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ одно и то же отношеніе. Тѣмъ самымъ они перешли въ *противоположность*.

Правда, что *вмѣстѣ съ тѣмъ* обоихъ предикатовъ ставится одно внѣ другого черезъ *постольку*; двѣ вещи *постольку* равны, *постольку* же неравны, или съ *одной стороны* и въ одномъ *отношеніи* равны, съ другой же *стороны* и въ другомъ *отношеніи* неравны. Тѣмъ самымъ единство равенства и неравенства удаляется изъ вещи, и то, что было бы ея собственною рефлексіею равенства и неравенства въ себѣ, сохраняется, какъ внѣшняя для вещи рефлексія. Но вслѣдствіе того послѣдняя въ *одной и той же дѣятельности* различаетъ двѣ стороны равенства и неравенства и тѣмъ самымъ содержитъ обѣ въ одной дѣятельности, даетъ проявляться и рефлектируетъ одну въ другой. Обычная нѣжность къ вещамъ, заботящаяся лишь о томъ, чтобы онѣ не противорѣчили себѣ, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ случаяхъ забываетъ, что такимъ путемъ противорѣчіе не разрѣшается, а переносится лишь въ другое мѣсто, въ субъективную или внѣшнюю рефлексію вообще, и что послѣдняя дѣйствительно содержитъ оба момента, которые вслѣдствіе такого удаленія и перемѣщенія высказываются просто, какъ *положенное*, какъ снятые и отнесенные одинъ къ другому въ одномъ единствѣ.

3. Противоположность.

Въ противоположности завершается *опредѣленная рефлексія*, различеніе. Противоположность есть единство тожества и различія; ея моменты различны въ одномъ тожествѣ; въ этомъ смыслѣ они *противоположны*.

Тожество и различенiе суть моменты различенiя, содержимые внутри его; они суть рефлектированные моменты его единства. Равенство же и неравенство суть ставшая внѣшнею рефлексiя; ихъ тожество съ собою есть не только безразличiе каждаго изъ нихъ къ различенному отъ него, но и къ бытiю въ себѣ и для себя, какъ таковому; тожество съ собою въ противоположность рефлектированному въ себя, слѣдовательно нерефлектированная въ себя непосредственность. Положенiе сторонъ внѣшней рефлексiи есть поэтому бытiе, также какъ ихъ неположенiе есть небытiе.

При ближайшемъ разсмотрѣнiи моментовъ противоположности они оказываются рефлектированнымъ въ себя положенiемъ или опредѣленiемъ вообще. Положенiе есть равенство и неравенство; оба они, рефлектированныя въ себя, образуютъ опредѣленiя противоположности. Ихъ рефлексiя въ себѣ состоитъ въ томъ, что каждое въ немъ самомъ есть единство равенства и неравенства. Равенство есть только въ рефлексiи, которая сравниваетъ посредствомъ неравенства, слѣдовательно опосредываетъ черезъ нее другой безразличный моментъ; равнымъ образомъ неравенство есть лишь въ томъ же рефлектирующемъ отношенiи, въ которомъ есть равенство. Каждый изъ этихъ моментовъ есть, стало быть, въ своей опредѣленности цѣлое. Онъ есть цѣлое, поскольку онъ содержитъ въ себѣ также и другой моментъ; но такъ какъ это его другое есть безразлично сущее, то каждый моментъ содержитъ въ себѣ отношенiе къ своему небытiю и есть лишь рефлексiя въ себя или цѣлое, относящееся существенно къ своему небытiю.

Это рефлектированное въ себя равенство съ собою, содержащее внутри его самого отношенiе къ неравенству, есть положительное; неравенство же, содержащее внутри его самого отношенiе къ своему небытiю, къ равенству, есть отрицательное. Или оба суть положенiе; поскольку же различаемая опредѣленность принята, какъ различенное опредѣленное отношенiе положенiя къ себѣ, то противоположность, съ одной стороны, есть положенiе, рефлектированное въ свое равенство съ собою; съ другой стороны, оно же рефлектировано въ свое неравенство съ собою: положительное и отрицательное. Положительное есть положенiе, рефлектированное въ равенство съ собою; но такъ какъ рефлектированное есть положенiе, т.-е. отрицанiе, какъ отрицанiе, то эта рефлексiя въ себя имѣетъ своимъ опредѣленiемъ отношенiе къ другому. Отрицательное есть положенiе, рефлектированное въ неравенство; но такъ какъ положенiе есть самое неравенство, то эта рефлексiя есть тѣмъ самымъ тожество неравенства съ самимъ собою и абсолютное отношенiе къ себѣ. Такимъ образомъ, обоимъ свойственны—положенiю, рефлектированному въ равенство съ собою,—неравенство, а положенiю, рефлектированному въ неравенство съ собою,—равенство.

Положительное и отрицательное суть, такимъ образомъ, ставшiя самостоятельными стороны противоположности. Онѣ самостоятельны, поскольку онѣ суть рефлексiя цѣлаго въ себя, и онѣ принадлежатъ противоположности, поскольку цѣлое, рефлектированное въ себя, есть опредѣленность. Вслѣдствiе своей самостоятельности онѣ образуютъ опредѣленную въ себѣ противоположность.

Каждое изъ нихъ есть оно само и свое другое, и потому каждое имѣетъ свою опредѣленность не въ чемъ-либо другомъ, а въ себѣ самомъ. Каждое относится къ самому себѣ, лишь относясь къ своему другому. Это отношеніе имѣетъ двѣ стороны; каждое есть отношеніе къ своему небытію, какъ снятіе внутрь себя этого инобытія; такимъ образомъ, его небытіе есть лишь моментъ внутри его. Но, съ другой стороны, положеніе стало здѣсь бытіемъ, безразличнымъ состояніемъ; содержащееся въ каждомъ его другое есть поэтому также небытіе того, въ чемъ оно должно содержаться, лишь какъ моментъ. Каждое есть поэтому лишь постольку, поскольку есть его небытіе, и притомъ въ тожественномъ отношеніи.

Опредѣленія, образующія положительное и отрицательное, состоятъ, слѣдовательно, въ томъ, что положительное и отрицательное суть, во-первыхъ, абсолютные моменты противоположности; ихъ наличность есть нераздѣльно нѣкоторая рефлексія; это опосредованіе, въ которомъ каждое обусловлено небытіемъ своего другого, слѣдовательно, своимъ другимъ или своимъ собственнымъ небытіемъ. Такимъ образомъ, они суть вообще противоположныя; или иначе каждое есть лишь противоположное другому, первое еще не есть положительное, а второе еще не есть отрицательное, но оба они суть отрицательныя, одно относительно другого. Каждое вообще есть, слѣдовательно, во-первыхъ, поскольку есть другое; оно есть то, что оно есть черезъ другое, черезъ свое собственное небытіе; оно есть лишь положенное; во-вторыхъ, оно есть, поскольку другого нѣтъ; оно есть то, что оно есть, черезъ небытіе другого; оно есть рефлексія въ себя. Но оба суть одно и то же опосредованіе противоположности вообще, въ коемъ они вообще суть лишь положенное.

Но далѣе это простое положеніе вообще рефлектировано въ себя; положительное и отрицательное по этому моменту внѣшней рефлексіи безразличны къ тому первоначальному тожеству, въ которомъ они суть лишь моменты; или, иначе, поскольку эта первая рефлексія есть собственная рефлексія положительнаго и отрицательнаго въ само себя, и каждое ихъ положеніе есть въ нихъ самихъ, то каждое изъ нихъ безразлично къ этой своей рефлексіи въ свое небытіе, къ своему собственному положенію. Такимъ образомъ, обѣ стороны только различны, и поскольку ихъ опредѣленность—быть положительнымъ и отрицательнымъ—образуетъ ихъ положеніе, одного въ противоположность другому, то каждая изъ этихъ сторонъ опредѣлена такъ не въ ней самой, а есть лишь опредѣленность вообще; поэтому хотя каждой сторонѣ присуща одна изъ опредѣленностей—положительнаго или отрицательнаго, но онѣ могутъ быть переставляемы, и каждая сторона имѣетъ такое свойство, что она можетъ быть одинаково принимаема какъ за положительную, такъ и за отрицательную.

Но положительное и отрицательное есть въ-третьихъ не только положенное, не просто безраличное, а его положеніе или отношеніе къ другому въ нѣкоторомъ единствѣ, которое не есть оно само, въ каждомъ изъ нихъ вобрано обратно въ себя. Каждое изъ нихъ въ немъ самомъ положительно и отрицательно; положительное и отрицательное есть опредѣленіе рефлексіи въ себѣ и для себя; лишь въ этой рефлексіи противопо-

ложнаго внутрь себя оно положительно и отрицательно. Положительное имѣетъ въ немъ самомъ отношеніе къ другому, составляющее опредѣленность положительнаго; равнымъ образомъ отрицательное не есть отрицательное въ противоположность другому, а имѣетъ также въ немъ самомъ ту опредѣленность, въ силу которой оно есть отрицательное.

Такимъ образомъ, каждое изъ нихъ есть самостоятельное сущее для себя единство съ собою. Положительное, правда, есть положеніе, но такъ, что для него положеніе есть лишь положеніе, снятое. Оно есть непротивоположное, снятая противоположность, но какъ сторона самой противоположности. Какъ положительное, нѣчто хотя и опредѣлено въ отношеніи къ нѣкоторому инобытію, но такъ, что его природа состоитъ въ томъ, чтобы не быть положеннымъ; оно есть рефлексія въ себя, отрицающая инобытіе. Но и его другое, отрицательное, само уже не есть положеніе или моментъ, а самостоятельное бытіе; такимъ образомъ, отрицающая рефлексія въ себя положительнаго опредѣляется, какъ исключающая изъ себя это свое небытіе.

Такимъ образомъ, отрицательное, какъ абсолютная рефлексія, есть отрицательное, не какъ непосредственное, а какъ снятое положеніе; оно есть отрицательное въ себѣ и для себя, положительно покоящееся на самомъ себѣ. Какъ рефлексія въ себя оно отрицаетъ свое отношеніе къ другому; его другое есть положительное, нѣкоторое самостоятельное бытіе; его отрицательное отношеніе къ послѣднему состоитъ поэтому въ томъ, чтобы исключать оное изъ себя. Отрицательное есть данное для себя противоположное въ противоположность положительному, которое есть опредѣленіе снятой противоположности, покоящаяся на себѣ полная противоположность, противоположная тожественному себѣ положенію.

Положительное и отрицательное суть тѣмъ самымъ положительное и отрицательное не только въ себѣ, но въ себѣ и для себя. Они въ себѣ, поскольку отвлекается отъ ихъ исключительнаго отношенія къ другому, и они берутся лишь по ихъ опредѣленію. Нѣчто положительно или отрицательно въ себѣ, поскольку оно должно быть опредѣляемо такъ нетолько въ противоположность другому. Но положительное или отрицательное, не какъ положеніе и потому не какъ противоположныя, суть каждое непосредственное, бытіе и небытіе. Но положительное и отрицательное суть моменты противоположности, ихъ бытіе въ себѣ образуетъ лишь форму ихъ рефлектированія въ себя. Нѣчто есть положительное въ себѣ безъ отношенія къ отрицательному, и нѣчто есть отрицательное въ себѣ безъ отношенія къ положительному; въ такомъ опредѣленіи удерживается лишь отвлеченный моментъ этого рефлектированія. Но быть сущимъ въ себѣ положительнымъ или отрицательнымъ значитъ по существу быть противоположнымъ, это есть не моментъ, не сравненіе, но собственное опредѣленіе противоположныхъ сторонъ. Поэтому, положительное или отрицательное таково въ себѣ не внѣ отношенія къ другому, но такъ, что это отношеніе, и при томъ, какъ исключающее, составляетъ ихъ опредѣленіе или бытіе въ себѣ; въ немъ они, такимъ образомъ, вмѣстѣ и въ себѣ, и для себя.

Примѣчаніе. Здѣсь нужно упомянуть о понятіи положительнаго и отрицательнаго, какъ оно употребляется въ ариѳметикѣ. Оно предполагается тамъ извѣстнымъ; но такъ какъ оно понимается не въ своемъ опредѣленномъ различеніи, то оно не изъято отъ неразрѣшимыхъ затрудненій и запутанности. Только что получились оба реальныхъ опредѣленія положительнаго и отрицательнаго—кромѣ простого понятія ихъ противоположенія,—состоящія въ томъ, что, во-первыхъ, въ основѣ лежитъ лишь различное непосредственное существованіе, простая рефлексія котораго въ себя различается отъ его положенія, отъ самаго противоположенія. Поэтому послѣднее признается сущимъ не только въ себѣ и для себя, и хотя причастнымъ различію такъ, что каждое изъ различныхъ есть противоположное вообще, но вмѣстѣ съ тѣмъ остается для себя безразличнымъ къ нему, и все равно, какое изъ обоихъ противоположныхъ различныхъ считается положительнымъ или отрицательнымъ. Но, во-вторыхъ, положительное есть положительное въ себѣ самомъ, отрицательное—отрицательное въ себѣ самомъ, такъ что различное не безразлично одно къ другому, но это есть его опредѣленіе въ себѣ и для себя. Обѣ эти формы положительнаго и отрицательнаго проявляются уже въ первыхъ опредѣленіяхъ, въ коихъ онѣ употребляются ариѳметикою.

Во-первыхъ, $+a$ и $-a$ суть вообще противоположныя величины; a есть лежащая въ основѣ обѣихъ сущая въ себѣ единица, которая, будучи сама безразлична къ противоположенію, безъ всякаго дальнѣйшаго понятія служитъ здѣсь мертвымъ основаніемъ. Правда, $-a$ означаетъ отрицательное, $+a$—положительное, но каждое изъ нихъ есть столь же противоположное, какъ и другое.

Далѣе, a не есть только простая лежащая въ основѣ единица, но, какъ $+a$ и $-a$, она есть рефлексія этихъ противоположеній въ себя; даны два различныхъ a, и безразлично, какое изъ нихъ хотятъ считать за положительное или отрицательное; оба остаются различными и положительными.

По первому взгляду, $+y-y=0$, или въ выраженіи $-8+3$ положительное 3 есть отрицательное относительно 8-ми. Противоположныя снимаются въ ихъ соединеніи. Одинъ часъ пути на востокъ и столько же назадъ на западъ снимаютъ первый изъ сдѣланныхъ путей; если дано столько-то долга на столько-то менѣе имущества, то наличность на столько-то бо́льшаго имущества, снимаетъ на столько-то долга. Часъ пути на востокъ не есть вмѣстѣ съ тѣмъ положительный путь въ себѣ, ниже путь на западъ—отрицательный путь, но эти направленія безразличны относительно сказанной опредѣленности противоположности: лишь третье извнѣ привходящее къ нимъ соображеніе дѣлаетъ одинъ изъ нихъ положительнымъ, другой отрицательнымъ. Равнымъ образомъ, и долги не суть отрицательное въ себѣ и для себя; они таковы лишь по отношенію къ должнику, для заимодавца же они суть его положительное имущество; это нѣкоторая сумма денегъ или другихъ какихъ-либо цѣнностей, которая становится долгомъ или имуществомъ по извнѣ привходящимъ соображеніямъ.

Противоположныя, правда, снимаются при приведеніи ихъ въ соотноше-

ніе такъ, что въ результатѣ получается нуль; но въ нихъ дано также ихъ тожественное отношеніе, которое безразлично къ самой противоположности; такимъ образомъ, они образуютъ одно. Какъ были упомянуто о суммѣ денегъ, она есть лишь одна сумма или a, одно a и въ $+a$, и въ $-a$; равнымъ образомъ путь есть лишь одна часть пути, а не два пути, одинъ на востокъ, а другой на западъ. Также точно ордината y одна и та же, на какой бы сторонѣ оси она ни была взята; въ этомъ смыслѣ $+y-y=y$; это лишь ордината, лишь ея опредѣленіе и законъ.

Но далѣе два противоположныхъ суть не одно безразличное, а два безразличныхъ. Какъ противоположныя, они суть также рефлектированныя въ себя и такимъ образомъ остаются различными.

Такъ, въ выраженіи $-8+3$ дано вообще одиннадцать единицъ; $+y$ и $-y$ суть ордината на противоположныхъ сторонахъ оси, на которыхъ каждая есть существованіе, безразличное къ этой границѣ и къ ея противоположности; такимъ образомъ $+y-y=2y$. Равнымъ образомъ, путь, сдѣланный на востокъ и на западъ, есть сумма двойного усилія или сумма двухъ періодовъ времени. Точно также въ государственной экономіи опредѣленное количество денегъ или цѣнностей есть не только это одно количество, какъ средство существованія, но оно удвоено; оно есть средство существованія и для заимодавца, и для должника. Государственное имущество исчисляется не только, какъ сумма наличныхъ денегъ и другихъ недвижимыхъ и движимыхъ цѣнностей, существующихъ въ государствѣ, еще менѣе, какъ сумма, остающаяся свободною по отнятіи пассивнаго имущества отъ активнаго, но капиталъ, хотя бы его активное и пассивное опредѣленіе сводилось къ нулю, остается, во-первыхъ, положительнымъ капиталомъ, какъ $+a-a=a$; а, во-вторыхъ, поскольку онъ разнообразнымъ способомъ является пассивнымъ, даннымъ и снова даннымъ въ заемъ, онъ оказывается тѣмъ самымъ весьма разнообразнымъ средствомъ.

Но противоположныя величины не только съ одной стороны вообще противоположны, а съ другой реальны или безразличны; но хотя опредѣленное количество есть само безразлично ограниченное бытіе, ему присуще также положительное въ себѣ и отрицательное въ себѣ.

Напримѣръ, a, поскольку оно не имѣетъ знака, считается за положительное, если передъ нимъ требуется поставить знакъ. Если бы оно было противоположнымъ вообще, то его одинаково можно бы было принять и за $-a$. Но положительный знакъ дается ему непосредственно, такъ какъ положительное имѣетъ для себя своеобразное значеніе непосредственнаго, какъ тожественнаго себѣ въ отличіе отъ противоположенія.

Далѣе, когда положительныя и отрицательныя величины складываются или вычитаются, то онѣ считаются за положительныя и отрицательныя для себя, а не становятся такими лишь черезъ отношеніе сложенія или вычитанія, внѣшнимъ способомъ. Въ выраженіи $8-(-3)$ первый минусъ противополагается 8-ми, а второй минусъ (-3) есть противоположный въ себѣ, внѣ этого отношенія.

Ближе обнаруживается это въ умноженіи и дѣленіи; здѣсь положительное должно быть принимаемо по существу, какъ **непротивоположное**, отрицательное же, какъ противоположное, а не слѣдуетъ понимать обоихъ опредѣленій одинаково лишь за противоположныя. Такъ какъ учебники при доказательствахъ правилъ знаковъ въ обоихъ этихъ дѣйствіяхъ вообще исходятъ отъ понятія противоположныхъ величинъ, то эти доказательства оказываются недостаточными и запутываются въ противорѣчія. Но плюсъ и минусъ въ умноженіи и дѣленіи получаютъ болѣе опредѣленное значеніе положительнаго и отрицательнаго, такъ какъ взаимное отношеніе множителей, какъ единицы и опредѣленнаго числа, не есть просто отношеніе бо́льшого и меньшаго, какъ при сложеніи и вычитаніи, а имѣетъ качественный характеръ, вслѣдствіе чего и плюсъ, и минусъ получаютъ качественное значеніе положительнаго и отрицательнаго. Безъ такого опредѣленія и исходя только отъ понятія противоположныхъ величинъ, легко можно вывести ложнее заключеніе, что если $-a. +a = -a^2$, то наоборотъ, $+a. -a = +a^2$. Такъ какъ одинъ изъ множителей есть опредѣленное число, а другой—единица, при чемъ за первое принимается обыкновенно первый множитель, то оба выраженія $-a. +a$ и $+a. -a$ различаются тѣмъ, что въ первомъ $+a$ есть единица, $-a$ опредѣленное число, а во второмъ наоборотъ. По поводу перваго слѣдуетъ сказать, что если $+a$ должно быть взято $-a$ разъ, то $+a$ берется не просто a разъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ противоположнымъ образомъ, т.-е. $-a$ разъ $+a$; поэтому такъ какъ тутъ $+$, то его слѣдуетъ взять отрицательно, и произведеніе есть $-a^2$. Если же, какъ во второмъ случаѣ, $-a$ должно быть взято $+a$ разъ, то $-a$ также должно быть взято не $-a$ разъ, а въ противоположномъ смыслѣ, т.-е. $+a$ разъ. По такому же разсужденію, какъ и въ первомъ случаѣ, произведеніе должно быть $+a^2$. То же самое имѣетъ мѣсто и при дѣленіи.

Это заключеніе необходимо, поскольку плюсъ и минусъ берутся, лишь какъ противоположныя величины вообще; минусу въ первомъ случаѣ приписывается способность измѣнять плюсъ; во второмъ же случаѣ плюсъ не имѣетъ такой силы надъ минусомъ, несмотря на то, что онъ также, какъ послѣдній, есть **противоположное** опредѣленіе величины. Дѣйствительно, плюсъ не обладаетъ такою силою, такъ какъ онъ долженъ быть здѣсь взятъ по своему качественному опредѣленію относительно минуса, поскольку множители относятся между собою качественно. Слѣдовательно, отрицательное есть здѣсь противоположное въ себѣ, какъ таковое, а положительное — неопредѣленное, безразличное вообще; правда, оно есть также отрицательное, но отрицательное другого, а не въ себѣ самомъ. Опредѣленіе привходитъ, стало быть, какъ отрицаніе, лишь черезъ отрицательное, а не черезъ положительное.

Поэтому и $-a. -a = +a^2$, такъ какъ отрицательное a должно быть взято не только противоположнымъ образомъ (такъ оно было бы взято при умноженіи на a), но отрицательно. А отрицаніе отрицанія есть положительное.

C.

Противорѣчіе.

1. Различеніе вообще содержитъ въ себѣ обѣ свои стороны, какъ моменты; въ различіи онѣ безразлично распадаются; въ противоположности, какъ таковой, онѣ суть стороны различенія, опредѣленныя лишь черезъ другое, стало быть, лишь моменты; но онѣ равнымъ образомъ опредѣлены въ нихъ самихъ, безразличны одна относительно другой и взаимно исключаются; онѣ суть самостоятельныя опредѣленія рефлексіи.

Одна изъ нихъ есть положительное, другая отрицательное, но первая есть положительное въ немъ самомъ, а вторая—отрицательное въ немъ самомъ. Каждое обладаетъ безразличною самостоятельностью для себя потому, что ему свойственно отношеніе въ немъ самомъ къ другому его моменту; такимъ образомъ, оно есть цѣлостная замкнутая внутри себя противоположность. Какъ такое цѣлое, каждое опосредовано съ собою своимъ другимъ и содержитъ послѣднее. Но далѣе оно опосредовано съ собою небытіемъ своего другого; такимъ образомъ, оно есть сущее для себя единство и исключаетъ другое изъ себя.

Поскольку самостоятельное опредѣленіе рефлексіи исключаетъ другое въ томъ же отношеніи, въ какомъ оно содержитъ въ себѣ другое и потому самостоятельно, то оно въ своей самостоятельности исключаетъ изъ себя свою собственную самостоятельность; ибо послѣдняя состоитъ въ томъ, чтобы содержать въ себѣ свое другое опредѣленіе и лишь потому не быть отношеніемъ къ чему-либо внѣшнему; но также непосредственно въ томъ, чтобы быть самой собою и исключать изъ себя свое отрицательное опредѣленіе. Такимъ образомъ, она есть противорѣчіе.

Различеніе есть вообще уже противорѣчіе въ себѣ; ибо оно есть единство такихъ, которыя суть лишь постольку, поскольку они не суть одно,— и раздѣленіе такихъ, которыя суть, лишь какъ раздѣленныя въ одномъ и томъ же отношеніи. Положительное же и отрицательное суть положенное противорѣчіе, ибо, какъ отрицательныя единицы, онѣ суть самое положеніе себя, а потому каждое изъ нихъ есть снятіе себя и положеніе своего противоположнаго. Они обращаютъ опредѣляющую рефлексію въ исключающую; ибо исключеніе есть одно различеніе, и каждое изъ различенныхъ, какъ исключающее, есть само цѣлое исключеніе и, слѣдовательно, каждое исключаетъ себя внутри себя самого. Если разсматривать для себя каждое изъ самостоятельныхъ опредѣленій рефлексіи, то положительное есть положеніе, рефлектированное въ равенство съ собою; положеніе, которое не есть отношеніе къ чему-либо другому, слѣдовательно, такое состояніе, въ коемъ положеніе снято и исключено. Тѣмъ самымъ положительное обращаетъ себя въ отношеніе небытія къ нѣкоторому положенію.

Такимъ образомъ, оно есть противорѣчіе, ибо, какъ положеніе тожества съ собою черезъ исключеніе отрицательнаго, оно само себя обращаетъ въ

отрицательное, т.-е. въ другое, исключаемое имъ изъ себя. Это другое, какъ исключенное, положено свободнымъ отъ исключающаго и тѣмъ самымъ рефлектированнымъ въ себя и само исключающимъ.

Такимъ образомъ, исключающая рефлексія есть положеніе положительнаго, какъ исключающаго другое, такъ что это положеніе есть непосредственно положеніе его другого, исключающаго первое.

Это абсолютное противорѣчіе положительнаго, но оно есть непосредственно и абсолютное противорѣчіе отрицательнаго, положеніе ихъ обоихъ въ одной рефлексіи. Отрицательное, разсматриваемое для себя въ противоположность положительному, есть положеніе, рефлектированное въ неравенство съ собою, отрицательное, какъ отрицательное. Но отрицательное само есть неравное, небытіе нѣкотораго другого; тѣмъ самымъ рефлексія въ его неравенство есть собственно его отношеніе къ самому себѣ. Отрицаніе вообще есть отрицательное, какъ качество или непосредственная опредѣленность; но отрицательное, какъ отрицательное, относится къ отрицанію себя, къ своему другому. Если это отрицательное берется, лишь какъ тожественное первому, то оно, какъ и первое, есть лишь непосредственное; такимъ образомъ, они берутся не какъ другія относительно одно другого, слѣдовательно, не какъ отрицательныя; отрицательное вообще не есть непосредственное. Но такъ какъ далѣе каждое есть также то же самое, что и другое, то это отношеніе неравныхъ есть также отношеніе ихъ тожества.

Итакъ, тутъ получается такое же противорѣчіе, какъ и въ положительномъ, именно положенія или отрицанія, какъ отношенія къ себѣ. Но положительное есть это противорѣчіе лишь въ себѣ, отрицательное же есть положенное противорѣчіе; ибо въ своей рефлексіи въ себя, въ силу которой отрицательное въ себѣ и для себя, или какъ отрицательное, тожественно себѣ, оно имѣетъ то опредѣленіе, что оно есть нетожественное, исключеніе тожества. Оно состоитъ въ томъ, чтобы быть тожественнымъ себѣ въ противоположность тожеству и тѣмъ самымъ исключать само себя изъ себя черезъ свою исключающую рефлексію.

Отрицательное есть, слѣдовательно, полная, какъ противоположность, опирающаяся на себя противоположность, абсолютное не относящееся къ другому различеніе; оно исключаетъ изъ себя тожество, какъ свою противоположность, а тѣмъ самымъ и само себя, ибо, какъ отношеніе къ себѣ, оно опредѣляетъ себя, какъ то самое тожество, которое оно исключаетъ.

2. Противорѣчіе разрѣшается.

Въ исключающей саму себя рефлексіи, которая только что разсмотрѣна, положительное и отрицательное снимаютъ каждое себя само въ своей самостоятельности; каждое есть просто переходъ или скорѣе превращеніе себя въ свою противоположность. Это непрекращающееся исчезаніе противоположныхъ въ нихъ самихъ есть ближайшее единство, возникающее черезъ противорѣчіе, оно есть нуль.

Но противорѣчіе содержитъ въ себѣ не только отрицательное, а также и положительное; или, иначе, исключающая саму себя рефлексія есть вмѣстѣ съ тѣмъ полагающая рефлексія; результатъ противорѣчія не есть только нуль. Положительное и отрицательное образуютъ положеніе самостоятельности; отрицаніе ихъ черезъ нихъ самихъ снимаетъ положеніе самостоятельности. Вотъ что поистинѣ разлагается въ противорѣчіи.

Рефлексія въ себя, въ силу которой стороны противоположности становятся самостоятельными отношеніями къ себѣ, есть ближайшимъ образомъ ихъ самостоятельность, какъ различенныхъ моментовъ, они суть, такимъ образомъ, лишь въ себѣ эта самостоятельность, ибо они суть еще противоположенные, и ихъ положеніе состоитъ въ томъ, что они таковы въ себѣ. Но ихъ исключающая рефлексія снимаетъ это положеніе, дѣлаетъ ихъ сущими для себя самостоятельными, такими, которые самостоятельны не только въ себѣ, но и черезъ ихъ отрицательное отношеніе къ ихъ другому; такимъ образомъ ихъ самостоятельность также положена. Но далѣе черезъ это ихъ положеніе они обращаютъ себя въ положенное. Они уничтожаются въ своемъ основаніи (richten sich zu Grunde), опредѣляя себя, какъ тожественное себѣ, но тѣмъ самымъ собственно какъ отрицательное, какъ такое тожественное себѣ, которое есть отношеніе къ другому.

Но эта исключающая рефлексія при ближайшемъ разсмотрѣніи не есть только такое формальное опредѣленіе. Она есть сущая въ себѣ самостоятельность, а также снятіе этого положенія и лишь черезъ это снятіе сущее для себя и дѣйствительно самостоятельное единство. Правда, черезъ снятіе инобытія или положенія вновь возникаетъ положеніе, отрицательное нѣкотораго другого. Но въ дѣйствительности это отрицаніе уже не есть лишь первое непосредственное отношеніе къ другому, есть положеніе, не какъ снятая непосредственность, а какъ снятое положеніе. Исключающая рефлексія самостоятельности, поскольку она есть исключающая, обращаетъ себя въ положеніе, но она есть также снятіе ея положенія. Она есть снимающее отношеніе къ себѣ; тѣмъ самымъ она, во-первыхъ, снимаетъ отрицательное, а, во-вторыхъ, полагаетъ себя, какъ отрицательное, и послѣднее есть лишь то отри-отрицательное, которое она снимаетъ; въ снятіи отрицательнаго она полагаетъ и вмѣстѣ снимаетъ его. Само исключающее опредѣленіе есть, такимъ образомъ, относительно себя другое, отрицаніемъ котораго первое служитъ; снятіе этого положенія не есть поэтому вновь положеніе, какъ отрицательное нѣкотораго другого, но есть совпаденіе съ собою, положительное единство съ собою. Самостоятельность есть, такимъ образомъ, возвращающееся въ себя черезъ свое собственное отрицаніе единство, ибо она возвращается въ себя черезъ отрицаніе своего положенія. Она есть единство сущности не черезъ отрицаніе другого, а черезъ тожество съ самою собою.

3. Съ этой положительной стороны, съ которой самостоятельность въ противоположеніи, какъ исключающая рефлексія, обращаетъ себя въ положеніе и вмѣстѣ снимаетъ его, противоположность не только уничтожается въ основаніи, но возвращается въ свое основаніе. Исключающая рефлексія само-

стоятельной противоположности обращаетъ ее въ нѣчто отрицательное, въ только положенное; тѣмъ самымъ она низводитъ свои ближайшія самостоятельныя опредѣленія, положительное и отрицательное, въ такія, которыя суть только опредѣленія; и поскольку, такимъ образомъ, положеніе становится положеніемъ, оно вообще возвращается въ свое единство съ собою; оно есть простая сущность, но сущность, какъ основаніе. Черезъ противорѣчащихъ себѣ въ самихъ себя опредѣленій сущности послѣдняя возстановляется, но съ опредѣленіемъ — быть исключающимъ единствомъ рефлексіи, простымъ единствомъ, опредѣляющимъ само себя, какъ отрицательное, но въ этомъ положеніи непосредственно равнымъ себѣ самому и совпавшимъ съ собою.

Итакъ, самостоятельная противоположность возвращается ближайшимъ образомъ черезъ свое противорѣчіе въ основаніе; она есть первое, непосредственное, съ котораго начинаютъ, и снятая противоположность или снятое положеніе само есть положеніе. Тѣмъ самымъ сущность, какъ основаніе, есть положенное, ставшее. Но обратно тому положено лишь то, что противоположеніе или положеніе есть снятое, только положеніе. Слѣдовательно, сущность, какъ основаніе, есть рефлексія, исключающая такъ, что сущность сама обращаетъ себя въ положенное, что противоположность, отъ которой передъ тѣмъ начали, и которая была непосредственнымъ, есть лишь положенная, опредѣленная самостоятельность сущности; и что эта противоположность есть лишь снимающее себя въ ней самой, а сущность — рефлектированное въ себя въ своей опредѣленности. Какъ основаніе, сущность исключаетъ себя изъ себя самой, полагаетъ себя; ея положеніе — которое есть исключенное — есть только положеніе, тожество отрицательнаго съ самимъ собою. Это самостоятельное есть отрицательное, положенное, какъ отрицательное, нѣчто противорѣчащее самому себѣ и потому остающееся непосредственно въ сущности, какъ въ своемъ основаніи.

Разрѣшенное противорѣчіе есть, слѣдовательно, основаніе, сущность, какъ единство положительнаго и отрицательнаго. Въ противоположности опредѣленіе достигло полной самостоятельности; основаніе же и есть эта совершенная самостоятельность; отрицательное есть въ немъ самостоятельная сущность, но какъ отрицательная; поэтому основаніе есть столько же положительное, сколько тожественное съ собою въ этой отрицательности. Поэтому въ основаніи противоположность и ея противорѣчіе столько же сняты, сколько сохранены. Основаніе есть сущность, какъ положительное тожество съ собою, но такое, которое вмѣстѣ съ тѣмъ относится къ себѣ, какъ отрицательность, слѣдовательно, опредѣляетъ себя и обращаетъ себя въ исключенное положеніе; но это положеніе есть вся самостоятельная сущность, и сущность есть основаніе, какъ тожественная себѣ и положительная въ этомъ своемъ отрицаніи. Противорѣчащая себѣ полная противоположность была, стало быть, уже сама основаніемъ; къ ней присоединилось лишь опредѣленіе единства съ собою, проявляющееся въ томъ, что изъ самостоятельныхъ противоположныхъ каждое снимаетъ себя и обращаетъ себя въ другое и тѣмъ самымъ уничтожается въ основаніи, но при этомъ вмѣстѣ съ тѣмъ только совпадаетъ съ самимъ

собою, и потому въ своемъ уничтоженіи, т.-е. въ своемъ положеніи или отрицаніи и есть собственно лишь рефлектированная въ себя, тожественная себя сущность.

Примѣчаніе 1. Положительное и отрицательное есть одно и то же. Это выраженіе относится къ внѣшней рефлексіи, поскольку послѣдняя установляетъ сравненіе посредствомъ этихъ двухъ опредѣленій. Но между ними также мало, какъ и между прочими категоріями, должно быть установлено не внѣшнее сравненіе, а они должны быть разсмотрѣны въ нихъ самихъ, т.-е. надлежитъ разсмотрѣть, что такое есть ихъ собственная рефлексія. Относительно же послѣдней обнаружилось, что каждое изъ нихъ есть по существу видимость себя въ другомъ, и само есть положеніе себя, какъ другого.

Хотя представленіе не разсматриваетъ положительнаго и отрицательнаго, какъ они суть въ себѣ и для себя, однако, оно можетъ узнать изъ сравненія несостоятельность этого различенія, результаты котораго признаются твердо противостоящими одинъ другому. Уже незначительнаго опыта надъ рефлектирующимъ мышленіемъ достаточно для удостовѣренія въ томъ, что если нѣчто опредѣляется, какъ положительное, то, исходя отъ этой основы, оно непосредственно сейчасъ же превращается въ отрицательное, и наоборотъ, опредѣленное отрицательно—въ положительное, что рефлектирующее мышленіе запутывается и противорѣчитъ себѣ въ этихъ опредѣленіяхъ. Незнакомство съ природою послѣднихъ приводитъ къ тому мнѣнію, будто эта запутанность есть нѣчто ложное, чего не должно быть, и что должно быть приписано нѣкоторой субъективной погрѣшности. Дѣйствительно, этотъ переходъ одного въ другое остается простою запутанностью, покуда не существуетъ сознанія его необходимости. Но даже для внѣшней рефлексіи легко сообразить, что во-первыхъ, положительное не есть нѣчто непосредственно тожественное, а отчасти противоположное отрицательному, и что оно имѣетъ значеніе лишь въ этомъ отношеніи, что, слѣдовательно, отрицательное само дано въ понятіи положительнаго; отчасти же, что положительное въ немъ самомъ есть относящееся къ себѣ отрицаніе простого положенія или отрицательнаго, т.-е. есть абсолютное отрицаніе внутри себя. Равнымъ образомъ отрицательное, противопоставляемое положительному, имѣетъ смыслъ лишь въ такомъ отношеніи къ этому своему другому, слѣдовательно, содержитъ послѣднее въ своемъ понятіи. Отрицательное же имѣетъ собственное существованіе (Besteyen) также безъ отношенія къ положительному; первое тожественно въ себѣ; но такимъ образомъ оно само есть то, чѣмъ должно было быть положительное.

Противоположность положительнаго и отрицательнаго понимается главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что первое (какъ это выражается и въ связи его названія съ положеніемъ) должно быть чѣмъ то объективнымъ, второе же субъективнымъ, принадлежащимъ лишь внѣшней рефлексіи, не касающимся объективнаго, сущаго въ себѣ и для себя, и совершенно для него не существующаго. Дѣйствительно, если отрицательное выражаетъ собою лишь отвлеченность субъективнаго произвола или опредѣленіе внѣшняго сравненія,

то его конечно не существуетъ для объективнаго положительнаго, т.-е. послѣднее въ себѣ самомъ не имѣетъ отношенія къ такой пустой отвлеченности; но въ такомъ случаѣ для него столь же внѣшне и опредѣленіе его, какъ положительнаго. Такъ, чтобы привести примѣръ прочной противоположности этихъ опредѣленій рефлексіи, свѣтъ считается вообще только положительнымъ, темнота же только отрицательнымъ. Но свѣтъ въ своемъ безконечномъ распространеніи и въ способности своей исключающей и оживляющей дѣятельности обладаетъ по существу природою абсолютной отрицательности. Напротивъ, темнота, какъ лишенное многообразія или какъ неразличающее себя въ самой себѣ лоно возникновенія, есть простое тожественное съ собою, положительное. Она признается только за отрицательное въ томъ смыслѣ, что, какъ простое отсутствіе свѣта, она для него вовсе не существуетъ, такъ что, поскольку онъ имѣетъ отношеніе къ ней, онъ долженъ относиться не къ нѣкоторому другому, а просто къ себѣ самому, т.-е. она должна передъ нимъ только исчезать. Но, какъ извѣстно, свѣтъ черезъ темноту сѣрѣетъ; и кромѣ этого только количественнаго измѣненія онъ испытываетъ и качественное, опредѣляясь черезъ отношеніе къ ней, какъ цвѣтъ. Точно также добродѣтель, напримѣръ, не существуетъ безъ борьбы, но есть собственно высшая, совершенная борьба, слѣдовательно, есть не только положительная, но абсолютная отрицательность; она есть добродѣтель нетолько по сравненію съ порокомъ, но въ ней самой противоположеніе и бореніе. Или, наоборотъ, порокъ есть нетолько отсутствіе добродѣтели — такое отсутствіе есть и невинность—и различается отъ добродѣтели нетолько для внѣшней рефлексіи, но въ самомъ себѣ противоположенъ ей, есть злое. Злое состоитъ въ успокоеніи на себѣ противъ добраго, въ положительной отрицательности. Невинность же, какъ отсутствіе и добраго, и злого, безразлична къ обоимъ этимъ опредѣленіямъ, не есть ни положительное, ни отрицательное. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это отсутствіе должно быть принимаемо за опредѣленность и съ одной стороны, разсматриваемо, какъ положительна природа чего-либо, а съ другой стороны, какъ относящееся къ чему-либо противоположному; и всѣ существа должны выйти изъ состоянія своей невинности, изъ ихъ безразличнаго тожества съ собою, отнестись черезъ себя самихъ къ ихъ другому и тѣмъ самыхъ истребить себя до основанія или въ положительномъ смыслѣ возвратиться къ своему основанію. И истина, какъ согласующееся съ объектомъ знаніе, есть положительное, но она есть это равенство съ собою лишь постольку, поскольку знаніе отнеслось отрицательно къ другому, проникло объектъ и сняло составляющее его отрицаніе. Заблужденіе есть нѣчто положительное, какъ мнѣніе знающее себя и упорствующее въ томъ, что есть не въ себѣ и не для себя. Невѣдѣніе же есть или безразличное къ истинѣ и заблужденію и тѣмъ самымъ не опредѣленное, ни какъ истинное и ни какъ ложное, опредѣленіе котораго, какъ отсутствіе, принадлежитъ внѣшней рефлексіи, или же, какъ объективное, какъ собственное опредѣленіе чего-либо, оно есть направленное противъ себя побужденіе, — отрицательное, содержащее въ себѣ положительное направленіе. Одно изъ важнѣйшихъ познаній состоитъ въ усмотрѣніи и удер-

жаніи того взгляда на эту природу разсмотрѣнныхъ опредѣленій рефлексіи, что ихъ истина состоитъ лишь въ ихъ взаимоотношеніи, а потому въ томъ, что каждое изъ нихъ въ самомъ своемъ понятіи содержитъ другое; безъ этого познанія нельзя сдѣлать собственно никакого шага къ философіи.

Примѣчаніе 2. Опредѣленіе противоположенія также выражается въ нѣкоторомъ предложеніи, т. наз. началѣ исключеннаго третьяго.

Нѣчто есть или A или не-A; между ними нѣмъ третьяго.

Это предложеніе означаетъ въ себѣ, во-первыхъ, что все есть противоположное, опредѣлено или какъ положительное, или какъ отрицательное. Это важное предложеніе, необходимость котораго состоитъ въ томъ, что тожество переходитъ въ различіе, а послѣднее въ противоположеніе. Но его понимаютъ не въ этомъ смыслѣ, а обыкновенно въ томъ, что нѣкоторой вещи изъ всѣхъ предикатовъ присущъ или такой-то предикатъ, или его небытіе. Противоположное означаетъ здѣсь только отсутствіе или скорѣе неопредѣленность; и потому это предложеніе столь незначительно, что не стоитъ труда и высказывать его. Если берутся опредѣленія сладкій, зеленый, четырехугольный— а могутъ быть взяты всѣ предикаты—и затѣмъ говорится о духѣ, что онъ долженъ быть или сладкимъ или не сладкимъ, зеленымъ или не зеленымъ и т. д., то это ни къ чему не приводящая тривіальность. Опредѣленность, предикатъ, относится къ чему-либо; что нѣчто опредѣлено, это высказывается въ предложеніи; послѣднее должно затѣмъ содержать въ себѣ по существу требованіе, чтобы опредѣленность была опредѣлена ближе, чтобы она стала опредѣленностью въ себѣ, противоположеніемъ. Вмѣсто того, это предложеніе въ такомъ тривіальномъ смыслѣ переходитъ отъ опредѣленности къ ея небытію вообще, возвращается въ неопредѣленность.

Начало исключеннаго третьяго отличается далѣе отъ вышеразсмотрѣннаго начала тожества или противорѣчія, которое гласитъ: нѣтъ чего-либо, что было бы вмѣстѣ A и не $= A$. Первое утверждаетъ, что нѣтъ чего-либо третьяго, что не было бы или A или не $= A$, что нѣтъ третьяго, безразличнаго въ противоположности. Въ дѣйствительности же въ самомъ этомъ предложеніи есть третье, безразличное въ противоположности, именно въ немъ даное само A. Это A не есть ни $+A$, ни $-A$, а также есть одинаково и $+A$, и $-A$. Тѣмъ самымъ нѣчто, долженствующее быть или $+A$, или $-A$, отнесено, какъ къ $+A$, такъ и къ $-A$; и опять-таки, поскольку оно отнесено къ A, оно не должно быть отнесено къ не A, также, какъ не должно быть отнесено къ A, если оно отнесено къ не $= A$. Итакъ, само нѣчто есть то третье, которое должно бы было быть исключено. Такъ какъ противоположныя опредѣленія столько же положены въ нѣчто, сколько въ этомъ положеніи сняты, то третье, имѣющее здѣсь образъ мертваго нѣчто, при болѣе глубокомъ пониманіи есть единство рефлексіи, въ которое, какъ въ основаніе, возвращается противоположеніе.

Примѣчаніе 3. Если и первыя опредѣленія рефлексіи, тожество, различіе и противоположеніе, установляются въ одномъ предложеніи, то тѣмъ болѣе то опредѣленіе, въ которое они переходятъ, какъ въ свою истину,

именно противорѣчіе, должно быть понято и изложено въ одномъ предложеніи: всѣ вещи въ самихъ себѣ противорѣчивы; и именно смыслъ этого предложенія таковъ, что оно сравнительно съ прочими болѣе всего выражаетъ истину и сущность вещей. Противорѣчіе, проявляющееся въ противоположеніи, есть лишь развитое ничто, содержащееся въ тожествѣ и излагаемое въ томъ выраженіи, что начало тожества не говоритъ ничего. Это отрицаніе опредѣляется далѣе, какъ различіе и противоположеніе, которое и есть положенное противорѣчіе.

Но одинъ изъ основныхъ предразсудковъ современной логики и обычнаго представленія состоитъ въ томъ, что противорѣчіе не считается столь же существеннымъ и имманентнымъ опредѣленіемъ, какъ тожество; между тѣмъ, если сообразить послѣдовательность рѣчи и удержать оба опредѣленія, какъ раздѣленныя, то противорѣчіе слѣдовало бы считать за нѣчто болѣе глубокое и существенное. Ибо въ противоположность ему тожество есть опредѣленіе лишь простого непосредственнаго, мертваго бытія; противорѣчіе же есть корень всякаго движенія и жизненности; лишь поскольку нѣчто имѣетъ въ себѣ самомъ противорѣчіе, оно движется, обладаетъ побужденіемъ и дѣятельностью. Противорѣчіе прежде всего обыкновенно отстраняется отъ вещей, отъ сущаго и истиннаго вообще; предполагается, что нѣтъ ничего противорѣчиваго. За симъ оно, напротивъ, перемѣщается въ субъективную рефлексію, которая полагаетъ его лишь путемъ отношенія и сравненія. Но и въ этой рефлексіи его собственно нѣтъ, такъ какъ противорѣчивое не можетъ же быть представляемо и мыслимо. Вообще оно считается, какъ въ дѣйствительности, такъ и въ мыслящей рефлексіи за нѣчто случайное, какъ бы за ненормальность или преходящій болѣзненный пароксизмъ.

Но что касается утвержденія, что противорѣчія нѣтъ, что оно не есть существующее налицо, то о такомъ утвержденіи намъ нѣтъ надобности заботиться; абсолютное опредѣленіе сущности должно быть присуще всякому опыту, всему дѣйствительному, какъ и всякому понятію. Выше по поводу безконечнаго, которое есть противорѣчіе, какъ послѣднее обнаруживается въ сферѣ бытія, уже было объ этомъ упомянуто. Обычный же опытъ самъ заявляетъ, что дано по меньшей мѣрѣ множество противорѣчивыхъ вещей, противорѣчивыхъ учрежденій и т. д., противорѣчіе которыхъ заключается не только во внѣшней рефлексіи, но въ нихъ самихъ. Но далѣе оно должно считаться не просто ненормальностью, встрѣчающеюся тамъ и сямъ, но отрицательнымъ въ его существенномъ опредѣленіи, принципомъ всякаго самодвиженія, состоящаго не въ чемъ иномъ, какъ въ изображеніи противорѣчія. Само внѣшнее чувственное движеніе есть его непосредственное существованіе. Нѣчто движется не только поколику оно теперь здѣсь, а въ другой моментъ тамъ, но поколику оно въ одинъ и тотъ же моментъ здѣсь и не здѣсь, поколику оно въ этомъ здѣсь вмѣстѣ есть и не есть. Слѣдуетъ вмѣстѣ съ древними діалектиками признать противорѣчія, указанныя ими въ движеніи, но отсюда не слѣдуетъ, что движенія поэтому нѣтъ, а слѣдуетъ, напротивъ, что движеніе есть само существующее противорѣчіе.

Равнымъ образомъ внутреннее, собственное самодвиженіе, побужденіе вообще (аппетитъ или nisus монады, энтелехія абсолютно-простой сущности) состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что нѣчто въ себѣ самомъ и недостаточность, отрицательное себя самого, суть одно и то же. Отвлеченное тожество съ собою еще не есть жизненность, но такъ какъ положительное въ себѣ самомъ есть отрицательность, то тѣмъ самымъ оно выходитъ изъ себя и приводитъ себя въ движеніе. Такимъ образомъ нѣчто жизненно, лишь поскольку оно содержитъ въ себѣ противорѣчіе и есть именно та сила, которая схватываетъ въ себя и сохраняетъ противорѣчіе. Если же нѣчто существующее не въ состояніи въ своемъ положительномъ опредѣленіи вмѣстѣ съ тѣмъ перейти въ свое отрицательное и удержать каждое изъ нихъ въ другомъ, обладать въ немъ самомъ противорѣчіемъ, то это нѣчто не есть живое единство, не есть основаніе, но уничтожается черезъ противорѣчіе. Умозрительное мышленіе состоитъ именно въ томъ, что оно удерживаетъ противорѣчіе и въ немъ себя само, а не въ томъ, что, какъ это свойственно представленію, находится во власти противорѣчія и даетъ ему разложить лишь въ другое или въ ничто свои опредѣленія.

Если въ движеніи, побужденіи и т. п. противорѣчіе скрыто отъ представленія черезъ простоту этихъ опредѣленій, то, наоборотъ, въ опредѣленіяхъ отношеній оно проявляется непосредственно. Тривіальнѣйшіе примѣры верхняго и нижняго, праваго и лѣваго, отца и сына и т. д. до безконечности, всѣ содержатъ въ себѣ противорѣчіе. Верхнее есть то, что не есть нижнее; опредѣленіе верхняго состоитъ лишь въ томъ, чтобы не быть нижнимъ, и первое есть лишь постольку, поскольку есть второе, и наоборотъ; въ опредѣленіи заключается и его противоположность. Отецъ есть другое сына, а сынъ другое отца, и каждый есть лишь это другое другого; и вмѣстѣ съ тѣмъ каждое опредѣленіе есть лишь въ отношеніи къ другому; его бытіе есть нѣкоторое состояніе. Отецъ и внѣ отношенія къ сыну, есть нѣчто для себя; но при этомъ онъ уже не отецъ, а человѣкъ вообще; подобно тому, какъ верхнее и нижнее, лѣвое и правое, даже рефлектированныя въ себя, безотносительно суть нѣчто, но лишь какъ мѣста вообще. Противоположныя содержатъ въ себѣ противорѣчіе постольку, поскольку они въ одномъ и томъ же отношеніи относятся одно къ другому или взаимно снимаются и одно къ другому безразличны. Представленіе, переходя въ моментъ безразличія опредѣленій, забываетъ въ немъ свое отрицательное единство и является тѣмъ самымъ лишь различнымъ вообще, въ каковомъ опредѣленіи правое уже не есть правое, лѣвое уже не есть лѣвое и т. д. Но поскольку оно дѣйствительно имѣетъ передъ собою правое и лѣвое, оно имѣетъ передъ собою эти опредѣленія, какъ отрицающія себя, одно въ другомъ, и въ этомъ единствѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, не какъ отрицающія себя, а каждое, какъ безразлично сущее для себя.

Поэтому представленіе конечно повсюду имѣетъ своимъ содержаніемъ противорѣчіе, но не приходитъ къ сознанію его; оно остается внѣшнею рефлексіею, переходящею отъ равенства къ неравенству или отъ отрицательнаго

отношенія къ рефлектированію различеннаго въ себя. Оно противопоставляетъ внѣшнимъ образомъ оба эти опредѣленія одно другому и имѣетъ въ виду лишь ихъ, а не ихъ переходъ, который и есть существенное и содержитъ въ себѣ противорѣчіе. Остроумная рефлексія, о которой здѣсь можно упомянуть, состоитъ напротивъ въ обнаруженіи и высказываніи противорѣчія. Хотя она, правда, не выражаетъ собою понятія вещей и ихъ отношеній и имѣетъ своимъ матеріаломъ и содержаніемъ лишь опредѣленія представленій, но она приводитъ ихъ въ отношеніе, въ которомъ содержится ихъ противорѣчіе, и даетъ тѣмъ самымъ черезъ нихъ просвѣчивать ихъ понятію. Мыслящій же разумъ обостряетъ, такъ сказать, притупленное различеніе различнаго, простое многообразіе представленія, въ существенное различеніе, въ противоположность. Лишь такимъ путемъ многообразныя, обостренныя въ противорѣчіе, противополагаются энергически и жизненно и пріобрѣтаютъ въ немъ ту отрицательность, которая есть присущее самодвиженію и жизненности біеніе пульса.

По поводу онтологическаго доказательства существованія Бога уже было упомянуто, что лежащее въ основѣ его опредѣленіе есть совокупность всѣхъ реальностей. Относительно этого опредѣленія надлежитъ, во-первыхъ, показать, что оно возможно, ибо оно не содержитъ въ себѣ противорѣчія, такъ какъ реальность признается лишь неограниченною реальностью. Было упомянуто, что тѣмъ самымъ эта совокупность обращается въ простое неопредѣленное бытіе, или если реальности дѣйствительно понимаются, какъ болѣе опредѣленныя, въ совокупность всѣхъ отрицаній.

При ближайшемъ различеніи реальности оно переходитъ изъ различія въ противоположность и тѣмъ самымъ въ противорѣчіе, а совокупность всѣхъ реальностей вообще въ абсолютное противорѣчіе внутри себя. Обычный, horror испытываемый представляющимъ, не-умозрительнымъ мышленіемъ передъ противорѣчіемъ, какъ природою передъ vacuum, приводитъ къ отрицанію этого заключенія, такъ какъ это мышленіе останавливается на одностороннемъ соображеніи о разложеніи противорѣчія въ ничто и не признаетъ его положительной стороны, по которой противорѣчіе есть абсолютная дѣятельность и абсолютное основаніе.

Изъ соображенія природы противорѣчія вообще вытекаетъ, что для себя, такъ сказать, въ вещи еще нѣтъ вреда, недостатка или погрѣшности, если въ ней обнаружено противорѣчіе. Напротивъ, каждое опредѣленіе, каждое конкретное, каждое понятіе есть по существу единство различенныхъ и различаемыхъ моментовъ, которые черезъ опредѣленное, существенное различеніе становятся противорѣчивыми. Это противорѣчивое правда разлагается въ ничто, возвращается къ своему отрицательному единству. Вещь, субъектъ, понятіе есть именно это самое отрицательное единство; это есть нѣчто въ себѣ самомъ противорѣчивое, но равнымъ образомъ и разрѣшенное противорѣчіе; это основаніе, содержащее и носящее въ себѣ свои опредѣленія. Вещь, субъектъ или понятіе въ своей сферѣ рефлектированы въ себя, суть ихъ разрѣшенное противорѣчіе, но вся ихъ сфера опять-таки есть опредѣ-

ленная, различная, а потому конечная, а значитъ противорѣчивая. Она не разрѣшаетъ сама этого высшаго противорѣчія, но имѣетъ свое отрицательное единство въ нѣкоторой высшей сферѣ, въ своемъ основаніи. Конечныя вещи въ ихъ безразличномъ многообразіи поэтому вообще таковы, что онѣ противорѣчивы въ самихъ себѣ, преходящи и должны возвратиться къ своему основанію. Какъ будетъ разсмотрѣно далѣе, истинное заключенія отъ конечнаго и случайнаго къ абсолютной необходимой сущности состоитъ не въ томъ, что ведется заключеніе отъ конечнаго и случайнаго, какъ отъ лежащаго и остающагося лежать въ основаніи бытія, но въ томъ—что непосредственно присуще случайности,—что заключается отъ преходящаго, себѣ въ себѣ самомъ противорѣчиваго бытія къ абсолютно-необходимому, или правильнѣе, что указывается на возвратъ случайнаго бытія въ себѣ самомъ въ свое основаніе, въ которомъ первое снимается,—и далѣе, что черезъ этотъ возвратъ оно полагаетъ основаніе лишь такъ, что само собственно становится положеннымъ. Въ обычномъ умозаключеніи бытіе конечнаго является основаніемъ абсолютнаго; послѣднее есть, потому что есть конечное. Истина же состоитъ въ томъ, что абсолютное есть, потому что конечное есть въ себѣ самомъ противорѣчивая противоположность, что оно не есть. Въ первомъ смыслѣ умозаключеніе выражается такъ: бытіе конечнаго есть бытіе абсолютнаго; во второмъ такъ: небытіе конечнаго есть бытіе абсолютнаго.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Основаніе.

Сущность опредѣляетъ сама себя, какъ основаніе.

Какъ ничто есть прежде всего въ простомъ непосредственномъ единствѣ съ бытіемъ, такъ и здѣсь прежде всего простое тожество сущности есть въ непосредственномъ единствѣ съ ея абсолютною отрицательностью. Сущность есть лишь эта своя отрицательность, которая есть чистая рефлексія. Она есть эта чистая отрицательность, есть возвратъ бытія въ себя; поэтому она опредѣлена въ себѣ или для насъ, какъ основаніе, въ которое разлагается бытіе. Но эта опредѣленность не положена черезъ самую сущность; или иначе, она не есть основаніе, именно поскольку она не сама полагаетъ эту свою опредѣленность. Но рефлексія ея состоитъ въ томъ, чтобы то, что она есть въ себѣ, полагать и опредѣлять себя, какъ отрицательное. Положительное и отрицательное образуютъ собою существенное опредѣленіе, въ которомъ они исчезаютъ, какъ въ своемъ отрицаніи. Эти самостоятельныя опредѣленія рефлексіи снимаются, и исчезнувшее въ основаніи опредѣленіе есть истинное опредѣленіе сущности.

Основаніе есть поэтому само одно изъ опредѣленій рефлексіи сущности, но опредѣленіе послѣднее, правильнѣе, то опредѣленіе, что оно есть снятое

опредѣленіе. Опредѣленіе рефлексіи, поскольку оно уничтожается въ основаніи, получаетъ свое истинное значеніе, именно то, что оно есть абсолютное отталкиваніе себя внутрь себя самого, именно что положеніе, присущее сущности, есть лишь снятое положеніе, и наоборотъ, что лишь снимающее себя положеніе есть положеніе сущности. Сущность, поскольку она опредѣляетъ себя какъ основаніе, опредѣляетъ себя, какъ неопредѣленную, и лишь снятіе ея опредѣленности есть ея опредѣленность. Въ этой опредѣленности, какъ снимающей себя, она есть не привходящая изъ другого, но въ своей отрицательности тожественная себѣ сущность.

Поскольку отъ опредѣленія, какъ перваго, непосредственнаго, совершается дальнѣйшее движеніе къ основанію (черезъ природу самого опредѣленія, которое черезъ себя уничтожается въ основаніи), то основаніе есть ближайшимъ образомъ нѣчто опредѣленное черезъ это первое. Но это опредѣленіе есть съ одной стороны, какъ снятіе опредѣленія, лишь возстановленное, очищенное или обнаруженное тожество сущности, — которое есть опредѣленіе въ себѣ рефлексіи; а съ другой стороны, это отрицающее движеніе, какъ опредѣленіе, и есть положеніе сказанной опредѣленности рефлексіи, являющейся непосредственною, но положенной лишь самоисключающею рефлексіею основанія и потому лишь положенною или снятою. Такимъ образомъ, сущность, опредѣляя себя, какъ основаніе, только выходитъ изъ себя. Какъ основаніе, она, стало быть, полагаетъ себя, какъ сущность, и ея опредѣленіе состоитъ въ томъ, что она полагаетъ себя, какъ сущность. Это положеніе есть рефлексія сущности, снимающая саму себя въ своемъ опредѣленіи, есть съ одной стороны, положеніе, съ другой—положеніе сущности и тѣмъ самымъ то и другое въ одномъ дѣйствіи.

Рефлексія есть чистое опосредованіе вообще, основаніе же есть реальное опосредованіе сущности самою собою. Первая, движеніе отъ ничто черезъ ничто къ себѣ самому, есть видимость себя въ нѣкоторомъ другомъ; но поскольку въ этой рефлексіи противоположность еще не имѣетъ самостоятельности, то ни первое, видимое, не есть положительное, ни другое, въ чемъ оно показывается, не есть отрицательное. Оба суть субстраты, собственно порожденія воображенія; они не суть еще относящееся къ себѣ самому. Чистое опосредованіе есть только чистое отношеніе безъ относящихся. Опредѣляющая рефлексія, правда, полагаетъ послѣднія, какъ самотожественныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь какъ опредѣленныя отношенія. Напротивъ, основаніе есть реальное опосредованіе, ибо оно содержитъ въ себѣ рефлексію, какъ снятую рефлексію; оно есть возвратившаяся въ себѣ черезъ свое небытіе и полагающая себя сущность. По этому моменту снятой рефлексіи положенное содержитъ въ себѣ опредѣленіе непосредственности, чего-то такого, что тожественно съ собою независимо отъ отношенія или отъ своей видимости. Это непосредственное есть возстановленное вновь черезъ сущность бытіе, небытіе рефлексіи, черезъ которую опосредываетъ себя сущность. Сущность возвращается обратно въ себя, какъ отрицающая; оно, такимъ образомъ, въ своемъ возвратѣ въ себя сообщаетъ себѣ опредѣленность, которая именно потому есть

тожественное себѣ отрицательное, снятое положеніе и тѣмъ самымъ сущее, какъ тожество сущности съ собою, основаніе.

Основаніе есть, во-первыхъ, абсолютное основаніе, въ которомъ сущность есть ближайшимъ образомъ вообще основа основного отношенія; ближе опредѣляется она, какъ форма и матерія, и сообщаетъ себѣ нѣкоторое содержаніе.

Во-вторыхъ, оно есть опредѣленное основаніе, какъ основаніе опредѣленнаго содержанія; и поскольку основное отношеніе въ своей реализаціи становится вообще внѣшнимъ, оно переходитъ въ обусловливающее опосредованіе.

Въ-третьихъ, основаніе предполагаетъ условіе; но условіе также предполагаетъ основаніе; безусловное есть ихъ единство, вещь въ себѣ, которая черезъ опосредованіе условливающаго отношенія переходитъ въ осуществленіе (Existenz).

Примѣчаніе. Основаніе, подобно прочимъ опредѣленіямъ рефлексіи, выражается въ нѣкоторомъ предложеніи: все имѣетъ свое достаточное основаніе. Смыслъ этого предложенія состоитъ вообще не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что все, что есть, должно быть разсматриваемо, не какъ сущее непосредственное, а какъ положенное; оно должно не останавливаться на существованіи или вообще на опредѣленности, но возвращаться отъ нихъ къ своему основанію, въ каковой рефлексіи оно есть снятое и находящееся въ своемъ бытіи въ себѣ и для себя. Въ началѣ основанія высказывается, слѣдовательно, существенность рефлексіи въ себя вопреки простому бытію. Что основаніе должно быть достаточнымъ, это есть собственно излишнее прибавленіе, ибо это понятно само собою; то, для чего основаніе недостаточно, не имѣетъ основанія, между тѣмъ, какъ все должно имѣть нѣкоторое основаніе. Но Лейбницъ, сердцу котораго было особенно близко начало достаточнаго основанія, и который сдѣлалъ его даже основоначаломъ всей своей философіи, соединялъ съ нимъ болѣе глубокій смыслъ и болѣе важное понятіе, чѣмъ какіе соединяются съ нимъ обыкновенно, когда останавливаются на его непосредственномъ выраженіи; хотя и въ этомъ смыслѣ уже считается важнымъ предложеніе, высказывающее, что бытіе, какъ таковое, въ своей непосредственности есть не-истинное и по существу положенное, основаніе же есть истинно непосредственное. Лейбницъ же противопоставлялъ достаточность основанія главнымъ образомъ причинности въ строгомъ смыслѣ этого слова, какъ механическому образу дѣйствій. Поскольку послѣдній есть вообще внѣшняя по своему содержанію, ограниченная лишь одною опредѣленностью дѣятельность, то положенныя черезъ нея опредѣленія входятъ въ связь внѣшне и случайно; частичныя опредѣленія понимаются черезъ ихъ причины, но ихъ отношеніе, составляющее существенное въ нѣкоторомъ осуществленномъ, не содержатся въ причинахъ механизма. Это отношеніе, цѣлое, какъ существенное единство, заключается лишь въ понятіи, въ цѣли. Для этого единства механическія причины недостаточны, такъ какъ въ основаніи ихъ не лежитъ цѣль, какъ единство опредѣленій. Поэтому подъ достаточнымъ осно-

ваніемъ Лейбницъ понималъ такое, которое достаточно и для такого единства, т.-е. обнимаетъ собою не просто причины, а конечныя причины. Но это опредѣленіе основанія еще сюда не относится; телеологическое основаніе принадлежитъ понятію и опосредованію черезъ него, которое есть разумъ.

A.

Абсолютное основаніе.

a. Форма и сущность.

Опредѣленіе рефлексіи, поскольку оно возвращается къ основанію, есть первое, непосредственное существованіе вообще, съ котораго начинаютъ. Но существованіе имѣетъ значеніе лишь положенія и предполагаетъ по существу нѣкоторое основаніе въ томъ смыслѣ, что первое собственно не полагаетъ послѣдняго, что это положеніе есть снятіе себя самого, что непосредственное есть скорѣе положенное, а основаніе—неположенное. Какъ оказалось, это предположеніе, это возвратившееся къ полагающему положеніе, основаніе, есть, какъ снятая опредѣленность, не неопредѣленное, но опредѣленная самою собою сущность, опредѣленная, какъ неопредѣленное или какъ снятое положеніе. Это сущность, которая въ своей отрицательности тожественна себѣ.

Опредѣленность сущности, какъ основанія, становится тѣмъ самымъ двойною, основаніемъ и обоснованнымъ. Она есть, во-первыхъ, сущность, какъ основаніе, опредѣленная, въ смыслѣ сущности, противъ положенія, какъ неположеніе. Во-вторыхъ, она есть обоснованное, непосредственное, которое не есть однако въ себѣ и для себя, есть положеніе, какъ положеніе. Послѣднее тѣмъ самымъ также тожественно себѣ, но есть тожество съ собою отрицательнаго. Тожественное себѣ отрицательное и тожественное себѣ положительное есть одно и то же тожество. Ибо основаніе есть тожество положительнаго или положенія съ самимъ собою; обоснованное же есть положеніе, какъ положеніе, а эта его рефлексія въ себя есть тожество основанія. Слѣдовательно, это простое тожество не есть само основаніе, ибо основаніе есть сущность, положенная, какъ неположеніе противъ положенія. Какъ единство этого опредѣленнаго тожества (основанія) съ отрицательнымъ тожествомъ (обоснованнаго), она есть сущность вообще, различенная отъ ея опосредованія.

Это опосредованіе, сравненное съ предшествовавшею рефлексіею, изъ которой оно проистекаетъ, во-первыхъ, не есть чистая рефлексія, неразличенная отъ сущности, а есть отрицательное, и тѣмъ самымъ не имѣетъ еще въ ней самостоятельности опредѣленій. Оно не есть также опредѣляющая рефлексія, опредѣленія которой имѣютъ существенную самостоятельность; ибо послѣдняя уничтожилась въ основаніи, въ единствѣ котораго они суть лишь положенныя. Это опосредованіе основанія есть поэтому единство чистой и опредѣляющей рефлексіи; ея опредѣленія или положеніе имѣютъ устойчивость, и, наоборотъ, ихъ устойчивость есть нѣчто положенное. Такъ какъ ихъ устойчи-

вость сама есть положеніе или имѣетъ опредѣленность, то они тѣмъ самымъ различены отъ ихъ простого тожества и образуютъ собою форму въ противоположность сущности.

Сущности свойственна форма и ея опредѣленія. Лишь какъ основаніе, сущность обладаетъ прочною непосредственностью или есть субстратъ. Сущность, какъ таковая, есть одно со своею рефлексіею и неразличимо ея собственное движеніе. Поэтому, не сущность пробѣгается рефлексіею, и первая не есть то, съ чего послѣдняя начинаетъ, какъ съ первоначальнаго. Это обстоятельство вообще затрудняетъ изложеніе рефлексіи, такъ какъ нельзя собственно сказать, что сущность возвращается въ саму себя, что сущность имѣетъ видимость внутри себя; ибо сущность не есть передъ своимъ движеніемъ или въ немъ, и послѣднее не имѣетъ основы, въ которой оно протекаетъ. Нѣчто относящееся выступаетъ лишь въ основаніи по моменту снятой рефлексіи. Но сущность, какъ относящійся субстратъ, есть опредѣленная сущность; и въ силу этого положенія она по существу имѣетъ форму. Напротивъ, опредѣленія формы суть опредѣленія въ сущности; она лежитъ въ ихъ основаніи, какъ неопредѣленное, которое въ своемъ опредѣленіи безразлично къ нимъ; они имѣютъ въ ней свою рефлексію въ себя. Опредѣленія рефлексіи должны бы были имѣть свою устойчивость въ себѣ самихъ и быть самостоятельными; но ихъ самостоятельность есть ихъ разложеніе; поэтому они имѣютъ ее въ нѣкоторомъ другомъ; но это разложеніе есть само это тожество съ собою или основаніе той устойчивости, которую они себѣ сообщаютъ.

Къ формѣ относится вообще все опредѣленное; оно есть опредѣленіе формы, поскольку оно есть положенное и тѣмъ самымъ отличенное отъ того, чему оно служитъ формою; опредѣленность, какъ качество, есть одно съ своимъ субстратомъ, бытіемъ; бытіе есть непосредственно опредѣленное, еще не отличенное отъ своей опредѣленности, или еще не рефлектированное, въ ней въ себя и потому подобно ей нѣчто сущее, еще не положенное. Опредѣленія формы въ сущности суть далѣе, какъ опредѣленности рефлексіи, по ихъ ближайшей опредѣленности вышеразсмотрѣнные моменты рефлексіи,—тожество и различеніе, второе отчасти, какъ различіе, отчасти, какъ противоположность. Но далѣе сюда же принадлежитъ отношеніе основанія, поскольку оно есть хотя и снятое опредѣленіе рефлексіи, но черезъ него сущность есть вмѣстѣ съ тѣмъ положенное. Напротивъ, къ формѣ не принадлежитъ тожество, которое имѣетъ основаніе внутри себя, именно состоящее въ томъ, что положеніе снято, и что положеніе, какъ таковое—основаніе и обоснованное—есть одна рефлексія, превращающая сущность въ простую основу, которая и есть устойчивость формы. Но эта устойчивость положена въ основаніи, или иначе эта сущность есть сама по существу опредѣленная; тѣмъ самымъ выступаетъ вновь моментъ отношенія основанія и формы. Въ томъ и состоитъ абсолютное взаимоотношеніе формы и сущности, что послѣдняя есть простое единство основанія и обоснованнаго и тѣмъ самымъ сама становится опредѣленнымъ или отрицательнымъ и отличается, какъ основа, отъ формы, но такимъ образомъ сама вмѣстѣ съ тѣмъ становится основаніемъ и моментомъ формы.

Поэтому форма есть законченное цѣлое рефлексіи; первая содержитъ въ себѣ и то опредѣленіе рефлексіи, что послѣдняя снята; поэтому первая, какъ и вторая, есть нѣкоторое единство своихъ опредѣленій и также относится къ своему снятію, къ другому, которое уже не есть само форма, но въ которомъ она есть. Какъ существенная, сама къ себѣ относящаяся отрицательность, она въ противоположность этому простому отрицательному есть полагающее и опредѣляющее; напротивъ, простая сущность есть неопредѣленная и недѣятельная основа, въ которой опредѣленія формы имѣютъ свою устойчивость или рефлексію въ себя. На этомъ различенія сущности и формы пытается остановиться внѣшняя рефлексія; оно необходимо, но самое это различеніе есть ихъ единство также, какъ это основное единство есть отталкивающая отъ себя и образующая положеніе сущность.

Форма есть сама абсолютная отрицательность или отрицательное абсолютное тожество съ собою, именно вслѣдствіе котораго сущность есть не бытіе, а сущность. Взятое отвлеченно это тожество есть сущность въ противоположность формѣ также, какъ взятая отвлеченно отрицательность есть положеніе, отдѣльное опредѣленіе формы. Но какъ было показано, опредѣленіе въ своей истинѣ есть полная относящаяся къ себѣ отрицательность, которая тѣмъ самымъ есть въ ней самой это тожество простой сущности. Форма обладаетъ поэтому въ своемъ собственномъ тожествѣ сущностью, какъ сущность въ своей отрицательной природѣ — абсолютною формою. Нельзя, слѣдовательно, спрашивать, какимъ образомъ форма привходитъ къ сущности, ибо первая есть лишь видимость послѣдней въ себѣ самой, присущая ей собственная рефлексія. Равнымъ образомъ, форма въ ней самой есть возвратившаяся въ себя рефлексія или тожественная сущность; въ своемъ опредѣленіи первая образуетъ опредѣленіе положенія, какъ положенія. Поэтому она опредѣляетъ сущность не такъ, какъ бы первая дѣйствительно предшествовала второй, была отдѣльно отъ сущности, ибо при этомъ условіи форма есть несущественное, неудержимо исчезающее опредѣленіе рефлексіи и, такимъ образомъ, сама основаніе своего снятія и тожественное отношеніе своихъ опредѣленій. Что форма опредѣляетъ сущность, это значитъ, стало быть, что форма въ своемъ различеніи сама снимаетъ это различеніе и есть тожество съ собою, которое и есть сущность, какъ устойчивость опредѣленіи; форма есть противорѣчіе, состоящее въ томъ, что она снимается въ своемъ положеніи и сохраняетъ устойчивость въ этомъ снятіи и потому есть основаніе, какъ тожественная себѣ въ своемъ опредѣленіи и отрицаніи сущность.

Эти различенія—формы и сущности—суть поэтому лишь моменты самаго простого отношенія формы. Но они должны быть ближе разсмотрѣны и удержаны. Опредѣляющая форма относится къ себѣ, какъ снятое положеніе, она относится поэтому къ своему тожеству, какъ къ чему-то другому. Она полагаетъ себя, какъ снятую и тѣмъ самымъ предполагаетъ свое тожество; по этому моменту сущность есть неопредѣленное, относительно котораго форма есть нѣчто другое. Такимъ образомъ, она есть уже не сущность, которая есть абсолютная рефлексія въ саму себя, а опредѣляется, какъ безформенное тожество: она есть матерія.

b. Форма и матерія.

Сущность становится матеріею, поскольку ея рефлексія опредѣляетъ себя относиться къ ней (сущности), какъ къ безформенному неопредѣленному. Матерія есть, такимъ образомъ, простое неразличимое тожество, которое есть сущность съ опредѣленіемъ быть другимъ относительно формы. Поэтому матерія есть собственная основа или субстратъ формы, такъ какъ первая есть рефлексія въ себя опредѣленій формы или то самостоятельное, къ которому они относятся, какъ къ своей положительной устойчивости.

Если отвлечь отъ всякихъ опредѣленій, отъ всякой формы чего-либо, то останется неопредѣленная матерія. Матерія есть нѣчто просто отвлеченное (матеріи нельзя видѣть, осязать и т. д., — то, что видятъ, осязаютъ, есть уже опредѣленная матерія, т.-е. единство матеріи и формы). Это отвлеченіе, результатомъ котораго оказывается матерія, не есть, однако, внѣшнее отнятіе и снятіе формы, а форма, какъ было указано, сводитъ себя черезъ саму себя къ такому простому тожеству.

Далѣе форма предполагаетъ нѣкоторую матерію, къ которой она относится. Но вслѣдствіе того, обѣ онѣ не противостоятъ одна другой внѣшне и случайно; ни матерія, ни форма не самобытны или, другими словами, не вѣчны. Матерія безразлична къ формѣ, но это безразличіе есть опредѣленность тожества съ собою, въ которое форма возвращается, какъ въ свою основу. Форма предполагаетъ матерію, именно потому что она полагаетъ себя, какъ снятое и тѣмъ самымъ относится къ этому своему тожеству, какъ къ чему-то другому. Наоборотъ, форма предполагается матеріею, ибо послѣдняя не есть простая сущность, которая есть непосредственно сама абсолютная рефлексія, но сущность, опредѣленная, какъ положительное, именно какъ то, что есть, лишь какъ снятое отрицаніе. Но съ другой стороны, такъ какъ форма полагаетъ себя, какъ матерію, лишь поскольку она сама себя снимаетъ и тѣмъ самымъ предполагаетъ матерію, то матерія опредѣляется также, какъ лишенная основанія устойчивость. Равнымъ образомъ, матерія не опредѣляется, какъ основаніе формы, но поскольку матерія полагаетъ себя, какъ отвлеченное тожество снятыхъ опредѣленій формы, то матерія не есть тожество въ смыслѣ основанія, и форма, стало быть, по отношенію къ ней лишена основанія. Тѣмъ самымъ форма и матерія опредѣлены, та и другая, не какъ положенныя одна другою, не какъ основанія одна другой. Матерія есть скорѣе тожество основанія и обоснованнаго, какъ та основа, которая противостоитъ отношенію формы. Это ихъ общее опредѣленіе безразличія есть опредѣленіе матеріи, какъ таковой, и образуетъ также взаимное отношеніе ихъ обѣихъ. Равнымъ образомъ, опредѣленіе формы, состоящее въ томъ, что она есть отношеніе ихъ, какъ различенныхъ, есть также другой моментъ ихъ взаимнаго отношенія. Матерія, какъ по своему опредѣленію безразличное, есть пассивное въ противоположность формѣ, какъ дѣятельному. Послѣдняя,

какъ относящееся къ себѣ отрицателоное, есть противорѣчіе внутри себя самого, разлагающееся, отталкивающее себя отъ себя и опредѣляющее. Она относится къ матеріи и положена такъ, чтобы относиться къ этой своей устойчивости, какъ къ другому. Матерія, напротивъ, положена такъ, чтобы относиться только къ себѣ самой и быть безразличною къ другому; но въ себѣ она относится къ формѣ, ибо содержитъ въ себѣ снятую отрицательность и есть матерія лишь черезъ это опредѣленіе. Она относится къ формѣ какъ къ другому, лишь потому, что форма въ ней не положена, что она есть форма лишь въ себѣ. Матерія заключаетъ форму, какъ скрытую въ матеріи, и есть абсолютная воспріимчивость къ формѣ лишь потому, что обладаетъ послѣднею абсолютно въ ней, что таково есть ея сущее въ себѣ опредѣленіе. Матерія должна поэтому быть оформлена, а форма должна матеріализоваться, сообщить себѣ въ матеріи тожество съ собою и устойчивость.

2. Поэтому форма опредѣляетъ матерію, а матерія опредѣляется формою. Такъ какъ форма есть сама абсолютное тожество съ собою, а равнымъ образомъ, матерія въ ея чистой отвлеченности или абсолютной отрицательности обладаетъ формою въ ней самой, то дѣйствіе формы на матерію и опредѣленіе послѣдней первою есть скорѣе лишь снятіе видимости ихъ безразличія и различимости. Это отношеніе опредѣленія есть, такимъ образомъ, опосредованіе каждой изъ нихъ собою черезъ ея собственное небытіе, но оба эти опосредованія суть одно и то же движеніе и возстановленіе ихъ первоначальнаго тожества:—припоминаніе ихъ отчужденія.

Во-первыхъ, форма и матерія взаимно предполагаютъ одна другую. Какъ выяснилось, это значитъ, что одно и то же существенное единство есть отрицательное отношеніе къ себѣ самому, которое, такимъ образомъ, раздваивается на существенное тожество, опредѣленное, какъ безразличная основа, и на существенное различеніе или отрицательность, какъ опредѣляющую форму. Это единство сущности и формы, противополагающихся, какъ форма и матерія, есть абсолютное опредѣляющее себя основаніе. Поскольку оно дѣлаетъ себя различнымъ, отношеніе въ силу лежащаго въ основаніи тожества различныхъ становится взаимнымъ предположеніемъ.

Во-вторыхъ, форма, какъ самостоятельная, есть сверхъ того снимающее себя противорѣчіе; но она также положена, какъ таковое, ибо она вмѣстѣ и самостоятельна, и по существу отнесена къ другому; тѣмъ самымъ она снимается. Такъ какъ она сама двустороння, то и это ея снятіе имѣетъ двѣ стороны. Во-первыхъ, она снимаетъ свою самостоятельность, обращаетъ себя во что-то положенное, во что-то, что есть въ другомъ, и это ея другое есть матерія. Во-вторыхъ, она снимаетъ свою опредѣленность относительно матеріи, свое отношеніе къ послѣдней, т.-е. свое положеніе, и тѣмъ самымъ сообщаетъ себѣ устойчивость. Поскольку она снимаетъ свое положеніе, то эта ея рефлексія есть ея собственное тожество, въ которое она переходитъ; но поскольку она вмѣстѣ съ тѣмъ отчуждаетъ это тожество и противополагаетъ его себѣ, какъ матерію, то сказанная рефлексія въ себя положенія есть соединеніе съ матеріею, въ которой она пріобрѣтаетъ устойчивость; по-

этому она вступаетъ при этомъ въ соединенiе какъ съ матерiею, какъ съ нѣкоторымъ другимъ (по то своей первой сторонѣ, по которой она обращаетъ себя во что-то положенное), такъ тѣмъ самымъ и со своимъ собственнымъ тожествомъ.

Итакъ, опредѣляющая матерiю дѣятельность формы состоитъ въ отрицательномъ отношенiи формы къ самой себѣ. Но, наоборотъ, она тѣмъ самымъ относится отрицательно и къ матерiи, хотя это дѣйствiе опредѣленiя матерiи есть въ той же мѣрѣ собственное движенiе самой формы. Послѣдняя свободна отъ матерiи, но снимаетъ эту свою самостоятельность; но ея самостоятельность и есть самая матерiя, ибо въ послѣдней она имѣетъ свое существенное тожество. Поскольку она, такимъ образомъ, обращаетъ себя въ положенное, то это равносильно тому, что она обращаетъ матерiю въ нѣчто опредѣленное. Но разсматриваемое съ другой стороны собственное тожество формы вмѣстѣ съ тѣмъ отчуждаетъ себя, и ея другое есть матерiя; тѣмъ самымъ матерiя также не становится опредѣленною отъ того, что форма снимаетъ свою собственную самостоятельность. Но матерiя противоположна формѣ лишь какъ самостоятельная; поскольку отрицательное снимается, снимается и положительное. Такъ какъ форма, такимъ образомъ, снимается, то исчезаетъ и опредѣленность матерiи въ противоположность формѣ, опредѣленность, состоящая въ томъ, чтобы быть неопредѣленною устойчивостью.

То, что является дѣятельностью формы, есть далѣе въ той же мѣрѣ собственное движенiе самой матерiи. Сущее въ себѣ опредѣленiе или долженствованiе матерiи есть ея абсолютная отрицательность. Чрезъ послѣднюю матерiя относится просто не только къ формѣ, какъ къ нѣкоторому другому, но это внѣшнее есть форма, которую сама матерiя содержитъ съ себѣ, какъ скрытую. Матерiя есть такое же противорѣчiе въ себѣ, какое содержится и въ формѣ, и это ихъ противорѣчiе, какъ и его разрѣшенiе, есть одно и то же. Но матерiя противорѣчива внутри себя самой, такъ какъ она, какъ неопредѣленное тожество съ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ есть абсолютная отрицательность; поэтому она снимаетъ себя въ ней самой, и ея тожество распадается въ ея отрицательности, а послѣдняя сохраняетъ въ немъ свою устойчивость.

Такимъ образомъ, поскольку матерiя опредѣляется формою, какъ чѣмъ-то внѣшнимъ, первая достигаетъ тѣмъ самымъ своего опредѣленiя, и внѣшность отношенiя состоитъ какъ для формы, такъ и для матерiи въ томъ, что каждая изъ нихъ или правильное ихъ первоначальное единство въ своемъ положенiи вмѣстѣ съ тѣмъ есть предполагающее; вслѣдствiе того отношенiе къ себѣ есть вмѣстѣ отношенiе къ себѣ, какъ къ снятому, или отношенiе къ своему другому.

Въ-третьихъ, черезъ движенiе формы и матерiи ихъ первоначальное единство, съ одной стороны, возстановлено, съ другой—есть уже положенное. Матерiя столь же опредѣляетъ сама себя, сколь это опредѣленiе есть для нея внѣшнее дѣйствiе формы; наоборотъ, форма столь же опредѣляетъ лишь себя или имѣетъ опредѣляемую ею матерiю въ ней самой, сколь въ своемъ опредѣленiи относится къ нѣкоторому другому; и то, и другое, дѣйствiе формы и

движеніе матеріи, есть одно и то же, только первое есть дѣйствіе, т.-е. отрицательность, какъ положенная, а второе—движеніе или становленіе, отрицательность, какъ сущее въ себѣ опредѣленіе. Поэтому результатомъ оказывается единство бытія въ себѣ и положенія. Матерія, какъ таковая, опредѣлена или необходимо имѣетъ нѣкоторую форму, а форма есть просто матеріальная, устойчивая форма.

Форма, поскольку она предполагаетъ матерію, какъ свое другое, конечна. Первая есть не основаніе, но лишь дѣйствующее. Равнымъ образомъ и матерія, поскольку она предполагаетъ форму, какъ свое небытіе, есть конечная матерія; она есть также мало основаніе своего единства съ формою, но лишь основа для формы. Но какъ эта конечная матерія, такъ и конечная форма не имѣютъ истины; каждая относится къ другой, и лишь ихъ единство есть ихъ истина. Въ это единство возвращаются оба эти опредѣленія и тѣмъ самымъ снимаютъ свою самостоятельность; тѣмъ самымъ оно оказывается ихъ основаніемъ. Матерія есть поэтому лишь постольку основаніе опредѣленія своей формы, поскольку первая есть не матерія, какъ матерія, а абсолютное единство сущности и формы; равнымъ образомъ форма есть основаніе устойчивости своихъ опредѣленій, лишь поскольку она есть то же самое единство. Но это одно и то же единство, какъ абсолютная отрицательность или, опредѣленнѣе, какъ исключающее единство есть въ своей рефлексіи предполагающее; иначе оно есть одно и то же дѣйствіе сохраненія себя въ положеніи, какъ положеннаго въ единствѣ, или отталкиванія себя отъ себя самого, отношенія себя къ себѣ, какъ себѣ, и себя къ себѣ, какъ къ нѣкоторому другому. Иначе, опредѣленіе матеріи формою есть опосредованіе сущности, какъ основанія, съ собою въ нѣкоторомъ единствѣ черезъ себя само и черезъ отрицаніе себя самого.

Итакъ, оформленная матерія или имѣющая устойчивость форма есть не только это абсолютное единство основанія съ собою, но и положенное единство. Разсмотрѣнное движеніе таково, что въ немъ абсолютное основаніе изобразило свои моменты вмѣстѣ, какъ снимающіе себя, и тѣмъ самымъ, какъ положенные. Иначе, возстановленное вновь единство въ своемъ совпаденіи съ собою въ той же мѣрѣ оттолкнуло себя отъ себя самого и опредѣлило себя; ибо это единство, какъ осуществленное черезъ отрицаніе, есть также отрицательное единство. Поэтому оно есть единство формы и матеріи, какъ основа первой, но какъ ея опредѣленная основа, которая есть оформленная матерія, но безразличная къ формѣ и матеріи, какъ къ снятымъ и несущественнымъ. Оно есть содержаніе.

c. Форма и содержаніе.

Форма, во-первыхъ, противостоитъ сущности; такимъ образомъ, первая есть вообще отношеніе основанія, и ея опредѣленія суть основаніе и обоснованное. За симъ она противостоитъ матеріи; такимъ образомъ, она есть опредѣляющая рефлексія, и ея опредѣленія суть самыя опредѣленія рефлексіи и

ихъ устойчивость. Наконецъ, она противостоитъ содержанію; такимъ образомъ, ея опредѣленія суть снова она сама и матерія. То, что было ранѣе тожественнымъ себѣ, во-первыхъ, основаніе, далѣе устойчивость вообще и напослѣдокъ матерія, вступаетъ подъ власть формы и есть снова одно изъ ея опредѣленій.

Содержаніе имѣетъ, во-первыхъ, нѣкоторую форму и нѣкоторую матерію, принадлежащія ему и существенныя для него; оно есть ихъ единство. Но такъ какъ это единство есть вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленное или положенное единство, то оно противостоитъ формѣ; послѣдняя и образуетъ собою положеніе и есть по отношенію къ содержанію несущественное. Поэтому, содержаніе безразлично къ формѣ; оно объемлетъ собою какъ форму, какъ таковую, такъ и матерію; и оно имѣетъ, такимъ образомъ, нѣкоторую форму и нѣкоторую матерію, основу коихъ оно составляетъ, и которыя суть для него простое положеніе.

Содержаніе, во-вторыхъ, есть то, что тожественно въ формѣ и матеріи, такъ что послѣднія суть какъ бы лишь безразличныя внѣшнія опредѣленія. Онѣ суть положеніе вообще, которое, однако, въ содержаніи возвратилось къ своему единству или къ своему основанію. Тожество содержанія съ самимъ собою есть поэтому, съ одной стороны, это безразличное къ формѣ тожество, а съ другой—оно есть тожество основанія. Основаніе ближайшимъ образомъ исчезло въ содержаніи; но содержаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательная рефлексія въ себя опредѣленій формы; его единство, которое ближайшимъ образомъ лишь безразлично къ формѣ, есть поэтому, также формальное единство или отношеніе основанія, какъ таковое. Поэтому содержаніе имѣетъ въ послѣднемъ свою существенную форму, а наоборотъ, основаніе имѣетъ нѣкоторое содержаніе.

Содержаніе основанія есть, такимъ образомъ, возвратившееся въ свое единство съ собою основаніе; основаніе есть ближайшимъ образомъ сущность, тожественная себѣ въ своемъ положеніи; какъ различная и безразличная относительно своего положенія, она есть неопредѣленная, матерія; но какъ содержаніе, она есть вмѣстѣ съ тѣмъ оформленное тожество, и эта форма становится потому отношеніемъ основанія, такъ какъ опредѣленія ея противоположности положены въ содержаніи также, какъ отрицаемыя. Содержаніе далѣе опредѣлено въ себѣ самомъ; не только какъ матерія, т.-е. какъ безразличное вообще, но какъ оформленная матерія, такъ что опредѣленія формы имѣютъ матеріальную, безразличную устойчивость. Съ одной стороны, содержаніе есть существенное тожество основанія самому себѣ въ своемъ положеніи, съ другой стороны положенное тожество въ противоположность отношенію основанія; это положеніе, которое какъ опредѣленіе формы, находится въ этомъ тожествѣ, противоположно свободному положенію, т.-е. формѣ, какъ цѣлостному отношенію основанія и обоснованнаго; послѣдняя форма есть полное возвратившееся въ себя положеніе: первая же есть поэтому лишь положеніе, какъ непосредственное, опредѣленность, какъ таковая.

Тѣмъ самымъ основаніе становится вообще опредѣленнымъ основаніемъ, и самая опредѣленность—двоякою: во-первыхъ, формы, во-вторыхъ, содержа-

нія. Первая есть его опредѣленность, состоящая въ томъ, что оно вообще внѣшне содержанію, которое безразлично къ этому отношенію. Вторая есть опредѣленность того содержанія, которое присуще основанію.

B.

Опредѣленное основаніе.

a. Формальное основаніе.

Основаніе имѣетъ нѣкоторое опредѣленное содержаніе. Опредѣленность содержанія есть, какъ оказалось, основа для формы, простая непосредственность въ противоположность опосредованію формы. Основаніе есть отрицательно относящееся къ себѣ тожество, которое тѣмъ самымъ становится положеніемъ; оно относится отрицательно къ себѣ, поскольку оно тожественно себѣ въ этой своей отрицательности; это тожество есть основа или содержаніе, которое, такимъ образомъ, образуетъ безразличное или положительное единство отношенія основанія и есть его опосредывающее.

Въ этомъ содержаніи ближайшимъ образомъ исчезаетъ противоположная опредѣленность основанія и обоснованнаго. Но далѣе опосредованіе есть отрицательное единство. Отрицательное въ этой безразличной основѣ есть ея непосредственная опредѣленность, чрезъ которую основаніе имѣетъ опредѣленное содержаніе. Но затѣмъ отрицательное есть отрицательное отношеніе формы къ себѣ самой. Положенное съ одной стороны снимаетъ себя само и возвращается въ свое основаніе; основаніе же, существенная самостоятельность, относится отрицательно къ себѣ самому и дѣлаетъ себя положеннымъ. Это отрицательное опосредованіе основанія и обоснованнаго есть своеобразное опосредованіе формы, какъ таковой, формальное опосредованіе. Итакъ, обѣ стороны формы, поскольку одна переходитъ въ другую, тѣмъ самымъ полагаютъ себя совокупно въ одномъ и томъ же тожествѣ, какъ снятыя: поэтому онѣ его вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаютъ. Оно есть опредѣленное содержаніе, къ которому, слѣдовательно, формальное опосредованіе относится черезъ себя само, какъ къ положительно опосредывающему. Это содержаніе есть тожество ихъ обѣихъ, и поскольку онѣ различны, поскольку каждая однако въ своемъ различеніи есть отношеніе къ другой, это содержаніе есть ихъ устойчивость, устойчивость каждой, какъ самого цѣлаго.

Отсюда слѣдуетъ, что въ опредѣленномъ основаніи дано слѣдующее: во-первыхъ, нѣкоторое опредѣленное содержаніе разсматривается съ двухъ сторонъ, сначала, поскольку оно положено, какъ основаніе, засимъ — какъ обоснованное. Оно само безразлично къ этой формѣ; въ обоихъ опредѣленіяхъ оно есть лишь одно опредѣленіе. Во-вторыхъ, основаніе само есть настолько же моментъ формы, насколько положенное имъ; это есть ихъ тожество по формѣ. Безразлично, какое изъ обоихъ опредѣленій принято за пер-

вое, отъ какого, какъ положеннаго, переходятъ къ другому, какъ основанію, или какъ отъ основанія, къ другому, какъ положенному. Обоснованное, разсматриваемое для себя, есть снятіе себя самого; тѣмъ самымъ оно обращаетъ себя съ одной стороны въ положенное и есть вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе основанія. Такое же движеніе есть основаніе, какъ таковое, оно дѣлаетъ себя положеннымъ и тѣмъ самымъ становится основаніемъ чего то, т.-е. оно дано вмѣстѣ, какъ положенное и также какъ основаніе. Что есть основаніе, основаніемъ тому служитъ положенное, и, наоборотъ, тѣмъ самымъ основаніе есть положенное. Опосредованіе начинается столько же отъ одного, какъ и отъ другого, каждая сторона есть одинаково и основаніе, и положенное, и каждая есть полное опосредованіе или вся форма. Эта вся форма есть далѣе, какъ тожественная себѣ основа тѣхъ опредѣленій, которыя составляютъ обѣ стороны—основанія и обоснованнаго; форма и содержаніе суть, такимъ образомъ, одно и то же тожество.

Въ силу этого тожества, основанія и обоснованнаго, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, основаніе есть достаточное (при ограниченіи достаточности этимъ отношеніемъ); нѣтъ ничего въ основаніи, чего нѣтъ въ обоснованномъ, также, какъ нѣтъ ничего въ обоснованномъ, чего нѣтъ въ основаніи. Когда спрашиваютъ о какомъ-либо основаніи, то желаютъ получить то же опредѣленіе, которое составляетъ собою содержаніе, вдвойнѣ, во-первыхъ, въ формѣ положеннаго, а, во вторыхъ, въ формѣ рефлектированнаго въ себя существованія, существенности.

Поскольку же въ опредѣленномъ основаніи основаніе и обоснованное составляютъ всю форму, и ихъ содержаніе, хотя и опредѣленное, одно и то же, то основаніе въ обѣихъ его сторонахъ еще не опредѣлено реально, онѣ не имѣютъ различнаго содержанія; опредѣленность есть еще простая, не перешедшая въ эти стороны; опредѣленное основаніе дано еще въ своей чистой формѣ, какъ формальное основаніе. А такъ какъ, содержаніе есть лишь эта простая опредѣленность, не имѣющая въ ней самой формы отношенія основанія, безразличная къ формѣ, и послѣдняя для него внѣшня, то оно есть другое, чѣмъ она.

Примѣчаніе. Если рефлексія надъ опредѣленнымъ основаніемъ сохраняетъ ту форму основанія, которая получилась теперь, то указаніе основанія остается простымъ формализмомъ и пустымъ тожесловіемъ, выражающимъ въ формѣ рефлексіи въ себя то же самое содержаніе, существенность, которое имѣло мѣсто уже въ формѣ непосредственнаго, разсматриваемаго, какъ положенное, существованіе. Такое указаніе основаній сопровождается поэтому такою же пустотою, какъ и рѣчи, основанныя на началѣ тожества. Науки, особенно физическія, преисполнены этого рода тожесловіями, которыя какъ бы составляютъ преимущество наукъ. Напримѣръ, какъ на основаніе движенія планетъ вокругъ солнца, указывается на силу взаимнаго притяженія земли и солнца. Тѣмъ самымъ по содержанію не высказывается ничего кромѣ того, что уже содержится въ явленіи, только въ формѣ рефлектированнаго въ себя опредѣленія, силы. Если затѣмъ задается вопросъ, что за сила есть сила

притяженія, то получается отвѣтъ, что она есть сила, производящая движеніе земли вокругъ солнца, т.-е. она имѣетъ совершенно то же содержаніе, какъ и существованіе, основаніемъ котораго она должна быть; отношеніе земли и солнца въ ихъ движеніи есть тожественная основа основанія и обоснованнаго. Если какая-либо форма кристаллизаціи объясняется тѣмъ, что основаніемъ ея служитъ особое взаимное расположеніе частицъ, то вѣдь существующая кристаллизація и есть именно то расположеніе, которое объявляется за основаніе. Въ обычной жизни эти этіологіи, которыя составляютъ привилегію науки, считаются тѣмъ, что онѣ суть, тожесловными, пустыми рѣчами. Если на вопросъ, почему такой-то человѣкъ ѣдетъ въ городъ, отвѣчаютъ указаніемъ на то основаніе, что въ городѣ находится побуждающая его тому притягательная сила, то этого рода отвѣтъ, санкціонированный въ наукѣ, считается пошлостью. Лейбницъ укорялъ ньютонову силу притяженія въ томъ, что она есть такое же скрытое качество, какими пользовались для объясненія схоластики. Можно было бы сдѣлать ей скорѣе тотъ упрекъ, что она есть слишкомъ извѣстное качество, ибо въ ней нѣтъ иного содержанія, кромѣ самого явленія. Этотъ способъ объясненія, привлекаетъ именно своею большою ясностью и понятностью, ибо что можетъ быть яснѣе и понятнѣе указанія, напримѣръ, на то, что растеніе имѣетъ свое основаніе въ растительной, т.-е. производящей растеніе силѣ. Скрытымъ качествомъ эта сила могла бы быть названа лишь въ томъ смыслѣ, что основаніе должно имѣть иное содержаніе, чѣмъ объясняемое имъ, а между тѣмъ это содержаніе не дано; служащая дли объясненія сила есть, конечно, скрытое основаніе постольку, поскольку требуемаго основанія не дается. Посредствомъ такого формализма нѣчто познается столь же мало, какъ если я скажу, что познаніе природы растенія состоитъ въ томъ, что оно есть растеніе; при всей ясности такого предложенія или того предложенія, что растеніе имѣетъ свое основаніе въ производящей его силѣ, этотъ способъ объясненія можетъ быть названъ весьма скрытымъ.

Во-вторыхъ, по формѣ при этомъ способѣ объясненія проявляются оба противоположныя направленія отношенія основанія, не приводя къ познанію ихъ опредѣленнаго отношенія. Основаніе есть, съ одной стороны, основаніе, какъ рефлектированное въ себя опредѣленіе содержанія того существованія, которое оно обосновываетъ, а съ другой—оно есть положенное. Оно есть то, изъ чего должно быть понято существованіе; но, наоборотъ, отъ послѣдняго заключается къ первому, и основаніе понимается изъ существованія. Главная задача этой рефлексіи состоитъ именно въ томъ, чтобы изъ существованія найти основаніе, т.-е. превратить непосредственное существованіе въ форму рефлектированнаго бытія; основаніе вмѣсто того, чтобы быть въ себѣ и для себя и самостоятельнымъ, становится тѣмъ самымъ скорѣе положеннымъ и производнымъ. А такъ какъ оно такимъ путемъ сообразуется съ явленіемъ, и его опредѣленія основываются на послѣднемъ, то послѣднее, конечно, совершенно гладко и по попутному вѣтру вытекаетъ изъ своего основанія. Но познаніе тѣмъ самымъ не движется съ мѣста; оно продолжаетъ вращаться въ томъ формальномъ различеніи, которое обращается назадъ и снимается черезъ этотъ пріемъ. Одно

изъ главныхъ затрудненій при погруженіи въ науки, въ которыхъ господствуетъ этомъ пріемъ, зависитъ поэтому отъ такого извращенія порядка — предпосылать, какъ основаніе, то, что въ дѣйствительности есть производное, и, переходя къ слѣдствіямъ, находить въ нихъ въ дѣйствительности основаніе того, что должно быть ихъ основаніемъ. Изложеніе начинается съ основаній, они носятся въ воздухѣ, какъ принципы и первыя понятія; они суть простыя опредѣленія, безъ всякой необходимости въ себѣ и для себя; послѣдующее должно быть основано на нихъ. Поэтому, если кто желаетъ проникнуть въ такія науки, то онъ долженъ привить себѣ эти основанія; задача тяжелая для разума, такъ какъ онъ долженъ принять за основу то, что лишено основанія. Всего легче справляется съ нею тотъ, кто безъ дальнѣйшаго размышленія допускаетъ принципы, какъ данные, и пользуется ими, какъ основными правилами своего разсудка. Безъ этого метода нельзя найти начала; также мало возможно безъ него дальнѣйшее движеніе впередъ. Но послѣднее встрѣчаетъ препятствіе въ томъ, что въ этихъ принципахъ проявляется обратное дѣйствіе метода, который долженъ въ послѣдующемъ обнаружить производное, а на дѣлѣ содержитъ въ себѣ основанія лишь въ качествѣ такихъ предположеній. Далѣе такъ какъ послѣдующее обнаруживаетъ себя, какъ существованіе, изъ котораго выводится основаніе, то вслѣдствіе того отношеніе, въ которомъ представляется явленіе, приводитъ къ недовѣрію къ его выраженію, ибо явленіе оказывается выраженнымъ не въ своей непосредственности, а какъ доказательство основанія. Но такъ какъ послѣднее въ свою очередь выводится изъ перваго, то является требованіе усмотрѣть явленіе въ его непосредственности, дабы изъ него обсуждать основаніе. Поэтому при такомъ изложеніи, въ которомъ собственно обосновывающее оказывается производнымъ, остается неизвѣстнымъ, какъ тутъ быть и съ основаніемъ, и съ явленіемъ. Эта неизвѣстность умножается еще тѣмъ,—въ особенности, если изложеніе не строго послѣдовательно, но болѣе добросовѣстно,—что въ явленіи повсюду обнаруживаются слѣды и обстоятельства, указывающіе на большее и часто совсѣмъ на другое, чѣмъ то, что содержится въ принципахъ. Наконецъ, путаница становится еще болѣе, когда рефлектированныя и лишь гипотетическія опредѣленія смѣшиваются съ непосредственными опредѣленіями самого явленія, когда они излагаются такъ, какъ будто они взяты изъ непосредственнаго опыта. Многіе, приступающіе къ этимъ наукамъ съ почтительною вѣрою, могутъ составить себѣ мнѣніе, будто частицы, пустые промежутки, сила отталкиванія (Fliehkraft), эѳиръ, отдѣльные свѣтовые лучи, электрическая, магнетическая матерія и множество тому подобнаго суть вещи или отношенія, которыя, судя по тому, что о нихъ говорится, какъ о непосредственныхъ опредѣленіяхъ существованія, дѣйствительно даны воспріятію. Они служатъ первыми основаніями для другого, принимаются за дѣйствительность и съ полнымъ довѣріемъ примѣняются; ихъ добросовѣстно признаютъ, не сознавая того, что они суть собственно опредѣленія, выведенныя изъ того, что они должны обосновывать, гипотезы и вымыслы, выведенные изъ некритической рефлексіи. Въ дѣйствительности получается родъ заколдованнаго круга, въ которомъ опредѣленія существованія и опредѣленія рефлексіи,

основаніе и обоснованное, явленія и призраки перемѣшаны вмѣстѣ въ нераздѣльномъ сообществѣ и пользуются одинаковымъ почетомъ.

При формальномъ характерѣ этихъ способовъ объясненія и основаній, раздаются вмѣстѣ съ тѣмъ голоса, что, несмотря на всевозможное объясненіе при помощи хорошо извѣстныхъ силъ и матерій, мы не знаемъ внутренней сущности самыхъ этихъ силъ и матерій. Въ этомъ можно усмотрѣть лишь сознаніе, что такое обоснованіе самого себя совершенно недостаточно; что оно требуетъ чего-то совсѣмъ иного, чѣмъ такихъ основаній. За симъ не видно только, къ чему служитъ этотъ трудъ такого объясненія, почему не поищутъ чего-либо другого, или, по крайней мѣрѣ, не оставятъ въ сторонѣ такого объясненія и не остановятся на простыхъ фактахъ.

b. Реальное основаніе.

Опредѣленность основанія, какъ оказалось, есть, съ одной стороны, опредѣленность основы или опредѣленіе содержанія; съ другой стороны, она есть инобытіе въ самомъ отношеніи основанія, именно различимость его содержанія и формы; отношеніе основанія и обоснованнаго есть какъ бы внѣшняя форма для содержанія, безразличнаго къ этимъ опредѣленіямъ. Въ дѣйствительности же оба они не внѣшни одно другому, ибо содержаніе должно быть тожествомъ основанія съ самимъ собою въ обоснованномъ и обоснованнаго въ основаніи. Обнаружилось, что сторона основанія есть сама положенное, а сторона обоснованнаго—сама основаніе; каждая въ ней самой есть это тожество цѣлаго. Но такъ какъ онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежатъ формѣ и составляютъ ея существенное различеніе, то каждая есть въ ея опредѣленности тожество цѣлаго съ собою. Или, если стать на сторону основанія, такъ какъ оно есть тожество, какъ основное отношеніе съ собою, то содержаніе окажется имѣющимъ въ немъ самомъ это различеніе формы и, какъ основаніе, другимъ, чѣмъ обоснованное.

Но тѣмъ, что основаніе и обоснованное имѣютъ различное содержаніе, отношеніе основанія перестало быть формальнымъ; возвратъ въ основаніе и выходъ изъ него къ положенному уже не есть тожесловіе; основаніе реализовано. Поэтому, если спрашиваютъ объ основаніи, то требуютъ собственно для основанія другого опредѣленія содержанія, чѣмъ то, объ основаніи котораго спрашиваютъ.

Это отношеніе опредѣляетъ себя за симъ далѣе. А именно, поскольку обѣ его стороны имѣютъ различное содержаніе, онѣ безразличны одна къ другой; каждая есть непосредственное тожественное себѣ опредѣленіе. Далѣе, какъ взаимоотношеніе основанія и обоснованнаго, основаніе есть рефлектированное въ иномъ, чѣмъ свое положеніе; такимъ образомъ, и содержаніе, присущее сторонѣ основанія, есть также въ обоснованномъ; послѣднее, какъ положенное, имѣетъ лишь въ этомъ содержаніи свое тожество съ собою и свою устойчивость. Но кромѣ этого содержанія основанія обоснованное имѣетъ еще также свое собственное (содержаніе) и есть тѣмъ самымъ единство двоякаго содержанія. Это един-

ство, хотя оно, какъ единство различенныхъ, есть ихъ отрицательное единство, но такъ какъ они суть взаимно-безразличныя опредѣленія содержанія, то оно есть лишь ихъ пустое, въ немъ самомъ безразличное отношеніе, а не ихъ опосредованіе,—одно или нѣчто, какъ ихъ внѣшнее сочетаніе.

Такимъ образомъ, въ реальномъ отношеніи основанія дано двоякое: во-первыхъ, опредѣленіе содержанія, которое есть основаніе, непрерывно продолжающее себя само въ положеніи такъ, что оно составляетъ просто тожественное въ основаніи и въ обоснованномъ; такимъ образомъ, обоснованное содержитъ основаніе совершенно внутри себя, его отношеніе есть безразличная существенная самобытность (Gediegenheit). То, что въ обоснованномъ еще присоединяется къ этой простой сущности, есть поэтому лишь нѣкоторая несущественная форма, внѣшнія опредѣленія содержанія, которыя, какъ таковыя, свободны отъ основанія и составляютъ собою непосредственное многообразіе. Для этого несущественнаго то существенное не есть поэтому основаніе, равно какъ послѣднее не есть основаніе отношенія обоихъ (существеннаго и несущественнаго) въ обоснованномъ. Это положительно-тожественное, присущее обоснованному, но не положенное въ немъ ни въ какомъ различеніи формы, а, какъ относящееся къ себѣ самому содержаніе, есть безразличная положительная основа. Съ другой стороны связанное въ чемъ-либо съ этою основою есть безразличное содержаніе, но какъ несущественная сторона. Главное есть отношеніе основы и несущественнаго многообразія. Но это отношеніе, поскольку относящіяся опредѣленія суть безразличное содержаніе, также не есть основаніе; первая, правда, опредѣлена, какъ существенное, второе, какъ несущественное или положенное содержаніе, но какъ къ относящемуся къ себѣ содержанію форма обѣимъ имъ внѣшняя. То одно въ нѣчто, которое составляетъ ихъ отношеніе, есть поэтому не отношеніе формы, но лишь внѣшняя связь, которая не содержитъ въ себѣ несущественнаго многообразнаго содержанія, какъ положеннаго; оно есть также лишь основа.

Основаніе, опредѣленное, какъ реальное, распадается тѣмъ самымъ въ виду различія содержанія, составляющаго его реальность, на внѣшнія опредѣленія. Оба отношенія—существенное содержаніе, какъ простое непосредственное тожество основанія и обоснованнаго, и затѣмъ нѣчто, какъ отношеніе размѣченнаго содержанія, суть двѣ разныя основы; тожественная себѣ форма основанія, которая есть одно и то же сначала, какъ существенная, а за симъ, какъ положенная, исчезла; отношеніе основанія стало такимъ образомъ, внѣшнимъ себѣ.

Поэтому лишь внѣшнее основаніе приводитъ въ связь различное содержаніе и опредѣляетъ, что въ немъ есть основаніе, и что—положенное черезъ послѣднее; въ самомъ обоюдномъ содержаніи этого опредѣленія нѣтъ. Реальное основаніе есть поэтому отношеніе къ другому, съ одной стороны, содержанія къ другому содержанію, съ другой стороны, самого отношенія основанія (формы) къ другому, именно къ непосредственному, не положенному имъ.

Примѣчаніе. Формальное отношеніе основанія имѣетъ лишь одно и то же со-

держаніе для основанія и обоснованнаго, въ этомъ тожествѣ заключается его необходимость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его тожесловіе. Реальное основаніе имѣетъ различное содержаніе, но при этомъ выступаетъ случайность и внѣшность отношенія основанія. Съ одной стороны, то, что считается существеннымъ и потому опредѣленіемъ основанія, не есть основаніе другихъ опредѣленій, связанныхъ съ нимъ. Съ другой стороны, остается неопредѣленнымъ, какое изъ многихъ опредѣленій содержанія нѣкоторой конкретной вещи должно быть принято за существенное и за основаніе; поэтому выборъ между ними оказывается свободнымъ. Такъ, въ первомъ отношеніи, наприм., основаніе дома есть его фундаментъ; то, что дѣлаетъ послѣдній такимъ основаніемъ, есть присущая чувственной матеріи тяжесть, которая совершенно тожественна какъ въ основаніи, такъ и въ основанномъ на немъ домѣ. То обстоятельство, что тяжелой матеріи свойственно такое различеніе, какъ основанія и различаемой отъ него модификаціи, вслѣдствіе которой онъ образуетъ собою жилище, совершенно безразлично для самого тяжелаго, его отношеніе къ другимъ опредѣленіямъ содержанія — цѣли, устройству дома и т. д. для него внѣшне; поэтому она есть правда, ихъ основа, но не ихъ основаніе. Тяжесть настолько же основаніе того, что домъ стоитъ, насколько и того, что камень падаетъ; камень имѣетъ внутри себя это основаніе, тяжесть; но что онъ имѣетъ дальнѣйшее опредѣленіе содержанія, вслѣдствіе котораго онъ не только есть нѣчто тяжелое, но камень, для тяжести внѣшне; далѣе положено черезъ другое, что онъ долженъ быть сначала удаленъ отъ тѣла, на которое онъ падаетъ, равно какъ другое, чѣмъ тяжесть, содержаніе есть время и пространство и ихъ отношеніе, движеніе, и они (какъ говорится) могутъ быть представлены безъ нея, слѣдовательно не положены ею по существу. Они также суть основаніе того, что брошенное тѣло совершаетъ движеніе, противоположное паденію. Изъ различія опредѣленій, основаніемъ которыхъ служитъ тяжесть, явствуетъ, что должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто другое, дѣлающее ее основаніемъ того или другого опредѣленія.

Если о природѣ говорится, что она есть основаніе міра, то то, что называется природою, съ одной стороны, есть то же, что и міръ, и міръ есть не что иное, какъ сама природа. Но они также и различены такъ, что природа есть болѣе неопредѣленное или по крайней мѣрѣ опредѣленное лишь въ общихъ различеніяхъ, которыя суть законы, тожественная себѣ сущность міра; и для того, чтобы природа стала міромъ, къ ней извнѣ присоединяется еще многообразіе опредѣленій. Но послѣднія имѣютъ свое основаніе не въ природѣ, какъ таковой, а она, напротивъ, безразлична къ нимъ, какъ къ случайностямъ. Таково же получается отношеніе, если Богъ опредѣляется, какъ основаніе природы. Какъ основаніе, Онъ есть ея сущность, природа содержитъ ее внутри себя и тожественна съ Нимъ; но она имѣетъ еще дальнѣйшее многообразіе, которое отличается отъ самого ея основанія; это многообразіе есть то третье, въ которомъ связаны оба эти различные; сказанное основаніе не есть основаніе ни различнаго отъ него многообразія, ни своей связи съ нимъ. Поэтому природа не познается изъ Бога, какъ изъ основанія,

ибо при этомъ Онъ былъ бы лишь ея общею сущностью, между тѣмъ какъ Онъ не содержитъ въ себѣ ея, какъ опредѣленной сущности и природы.

Указаніе на реальныя основанія вслѣдствіе этого различія содержанія основанія или собственно основы и того, что связано съ нею въ обоснованномъ, становится, такимъ образомъ, такъ же формализмомъ, какъ и указаніе на само формальное основаніе. Въ послѣднемъ тожественное себѣ содержаніе безразлично къ формѣ; въ реальномъ основаніи оказывается то же самое. А тѣмъ самымъ получается далѣе такой случай, что оно не содержитъ въ немъ самомъ указанія, какое изъ многообразныхъ опредѣленій должно считаться существеннымъ. Нѣчто есть конкретное такихъ многообразныхъ опредѣленій, которыя обнаруживаются въ немъ, какъ постоянныя и пребывающія. То или иное изъ нихъ можетъ, поэтому, также, какъ и другое, быть опредѣлено, какъ основаніе, именно какъ то существенное, сравнительно съ которымъ прочія суть лишь положенное. Съ этимъ связывается упомянутое выше, именно, что если дано нѣкоторое опредѣленіе, которое въ данномъ случаѣ принимается за основаніе другого, то отсюда не слѣдуетъ, что это другое въ другомъ случаѣ или вообще положено вмѣстѣ съ первымъ. Наказаніе, напримѣръ, опредѣляется разнообразно, какъ возмездіе, далѣе, какъ устрашающій примѣръ, установленный закономъ, какъ угроза для устрашенія, равнымъ образомъ, какъ нѣчто служащее для вразумленія и исправленія преступника. Каждое изъ этихъ различныхъ опредѣленій можетъ считаться основаніемъ наказанія, ибо каждое есть существенное опредѣленіе, и тѣмъ самымъ прочія, какъ отличенныя отъ него, опредѣляются относительно него, лишь какъ случайныя. Но то изъ нихъ, которое принимается за основаніе, не есть еще все наказаніе, какъ таковое; это конкретное содержитъ въ себѣ также и тѣ другія опредѣленія, которыя лишь соединены съ первымъ, не имѣя въ немъ основанія.

Или какое-либо должностное лицо имѣетъ служебную способность, какъ недѣлимое, состоитъ въ такомъ-то родствѣ, имѣетъ тѣ или иныя знакомства, имѣлъ такіе или такіе-то возможности или случаи отличиться и т. д. Каждое изъ этихъ свойствъ можетъ быть или считаться основаніемъ того, что онъ занимаетъ эту должность; это различное содержаніе, соединенное въ третьемъ; форма, долженствующая быть опредѣленною противоположностью существеннаго и положеннаго, для этого содержанія внѣшняя. Каждое изъ названныхъ свойствъ существенно для должностного лица, такъ какъ послѣднее черезъ это свойство дѣлается даннымъ опредѣленнымъ недѣлимымъ; поскольку на должность можно смотрѣть, какъ на внѣшне положенное опредѣленіе, каждое изъ этихъ свойствъ можетъ опредѣляться, какъ основанія послѣдняго, но и наоборотъ, послѣднее можетъ считаться положеннымъ, а должность — его основаніемъ. Какъ они относятся между собою въ дѣйствительности, т.-е. въ отдѣльномъ случаѣ, это для самыхъ отношенія, основаніи и содержанія есть внѣшнее опредѣленіе; это есть нѣчто третье, сообщающее имъ форму основанія и обоснованнаго.

Такимъ образомъ, каждое существованіе можетъ вообще имѣть разнообразныя основанія, каждое изъ опредѣленій его содержанія проникаетъ, какъ

тожественное себѣ, конкретное цѣлое и можетъ считаться поэтому существеннымъ; тѣмъ разнообразнымъ точкамъ зрѣнія, т.-е. опредѣленіямъ, которыя лежатъ внѣ вещи, открытъ поэтому полный просторъ въ виду случайности способовъ связи. Поэтому, случайно также, имѣетъ ли нѣкоторое основаніе то или иное слѣдствіе. Моральные мотивы, напримѣръ, суть существенныя опредѣленія нравственной природы, но то, что изъ нихъ слѣдуетъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторая различная отъ нихъ внѣшность, которая и слѣдуетъ и не слѣдуетъ изъ нихъ; она приводитъ къ нимъ лишь черезъ третье. Выражаясь точнѣе, слѣдуетъ сказать, что для моральнаго опредѣленія, если оно есть основаніе, не случайно нѣкоторое слѣдствіе или обоснованіе, но случайно вообще быть или не быть принятымъ за основаніе Но такъ какъ опять-таки содержаніе, составляющее его слѣдствіе, если моральное опредѣленіе принято за основаніе, имѣетъ характеръ внѣшности, то это содержаніе может быть непосредственно снято другою внѣшностью. Такимъ образомъ, изъ моральныхъ мотивовъ нѣкоторое дѣйствіе можетъ какъ произойти, такъ и не произойти. Наоборотъ нѣкоторое дѣйствіе можетъ имѣть разнообразныя основанія; какъ конкретное, оно содержитъ разнообразныя существенныя опредѣленія, изъ коихъ каждое можетъ поэтому быть принято за основаніе. Отысканіе и указаніе основаній, въ чемъ главнымъ образомъ состоитъ разсужденіе, есть поэтому безконечное шатаніе туда и сюда, не приводящее ни къ какому окончательному опредѣленію; всему и каждому можно указать одно или многія достаточныя основанія, также, какъ и его противоположному, и можетъ быть множество основаній, изъ которыхъ ничего не слѣдуетъ. То, что Сократъ и Платонъ называли софистикою, есть не что иное, какъ разсужденіе изъ основаній; Платонъ противоставляетъ ему разсмотрѣніе идеи, т.-е. вещи въ себѣ и для себя самой или въ ея понятіи. Основанія почерпаются лишь изъ существенныхъ опредѣленій содержанія, отношеній и точекъ зрѣнія, которыхъ каждой вещи присуще много, такъ же какъ и ея противоположности; каждое изъ нихъ въ своей формѣ существенности пригодно столько же, сколько и другое; такъ какъ оно не объемлетъ всей вещи, то оно есть одно изъ одностороннихъ основаній, которыя особы для каждой особенной вещи, и ни одно изъ которыхъ не исчерпываетъ вещи, составляющей ихъ соединеніе и содержащей ихъ всѣ; ни одно изъ нихъ не есть достаточное основаніе, т.-е. понятіе.

с. Полное основаніе.

1. Въ реальномъ основаніи основаніе, и какъ содержаніе, и какъ отношеніе, есть лишь основа. Первое положено, лишь какъ существенное и какъ основаніе; отношеніе же есть нѣчто въ обоснованномъ, неопредѣленный субстратъ различнаго содержанія, его связь, которая есть не собственная рефлексія, но внѣшняя и тѣмъ самымъ только положенная. Реальное отношеніе основаніе есть поэтому скорѣе основаніе, какъ снятое; оно образуетъ скорѣе сторону обоснованнаго или

положенія. Какъ положеніе же, основаніе само возвратилось въ свое основаніе; оно есть обоснованное, имѣющее нѣкоторое другое основаніе. Послѣднее поэтому опредѣляетъ себя такъ, что оно, во-первыхъ, есть тожественное съ реальнымъ основаніемъ, какъ съ обоснованнымъ имъ; обѣ стороны имѣютъ по этому опредѣленію одно и то же содержаніе; два опредѣленія содержанія и ихъ связь въ нѣчто находятся также въ новомъ основаніи. Но, во-вторыхъ, новое основаніе, въ которомъ снимается эта лишь внѣшняя связь, есть, какъ ея рефлексія въ себя, абсолютное отношеніе двухъ опредѣленій содержанія.

Возвратъ рельнаго основанія въ свое основаніе приводитъ къ возстановленію въ немъ тожества основанія и обоснованнаго или формальнаго основанія. Возникшее (вновь) отношеніе основанія есть поэтому полное, содержащее въ себѣ вмѣстѣ формальное и реальное основаніе и опосредывающее противоположенныя въ послѣднемъ непосредственныя опредѣленія содержанія.

2. Тѣмъ самымъ отношеніе основанія опредѣляется ближе слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, нѣчто имѣетъ нѣкоторое основаніе; оно содержитъ въ себѣ то опредѣленіе содержанія, которое есть основаніе, и еще второе, какъ положенное имъ. Но какъ безразличное содержаніе, первое не есть въ немъ самомъ основаніе, а второе не есть въ немъ самомъ обоснованное, а это отношеніе снято или положено въ непосредственности содержанія и, какъ таковое, имѣетъ свое основаніе въ чемъ-то другомъ. Это второе отношеніе, какъ различенное лишь по формѣ, имѣетъ такое же содержаніе, какъ и первое, а именно оба опредѣленія содержанія, но есть ихъ непосредственная связь. Но такъ какъ связываемое имѣетъ вообще различное содержаніе и тѣмъ самымъ взаимно безразличное опредѣленіе, то эта связь не есть по истинѣ ихъ абсолютное отношеніе, въ силу котораго одно изъ опредѣленій было бы тожественнымъ себѣ въ положеніи, а другое лишь этимъ положеніемъ того же самаго тожества; но нѣкоторое нѣчто служитъ ихъ носителемъ и составляетъ ихъ не рефлектированное, а лишь непосредственное отношеніе, которое поэтому есть лишь относительное основаніе того, что они связаны въ данномъ, а не въ другомъ нѣчто. Оба нѣчто оказались, такимъ образомъ, двумя различенными отношеніями содержанія. Они стоятъ въ тожественномъ формальномъ отношеніи основанія; они суть одно и то же все содержаніе, именно два опредѣленія содержанія и ихъ отношеніе; они отличаются лишь способомъ этого отношенія, которое въ одномъ есть отношеніе непосредственное, а въ другомъ—положенное, вслѣдствіе чего одно отличается отъ другого лишь по формѣ, какъ основаніе необоснованное. Во-вторыхъ, это отношеніе основанія не только формально, но и реально. Формальное основаніе, какъ показано, переходитъ въ реальное; моменты формы рефлектируютъ себя въ себя самихъ; они суть нѣкоторое самостоятельное содержаніе, и отношеніе основабія содержитъ въ себѣ также свое особое содержаніе, какъ основаніе, и особое, какъ обоснованное. Содержаніе образуетъ собою во-первыхъ непосредственное тожество обѣихъ сторонъ формальнаго основанія такъ, что онѣ имѣютъ одно и то же содержаніе. Но оно имѣетъ также форму въ немъ самомъ и есть такимъ об-

разомъ удвоенное содержаніе, относящееся, какъ основаніе и обоснованное. Одно изъ двухъ опредѣленій содержанія обоихъ нѣчто опредѣлено поэтому, не только какъ ихъ общее по внѣшнему сравненію, но какъ ихъ тожественный субстратъ и основа имъ отношенія. Въ противоположность другому опредѣленію содержанія оно есть существенное и основаніе послѣдняго, какъ положеннаго, именно въ томъ нѣчто, отношеніе котораго есть обоснованное. Въ первомъ нѣчто, которое есть отношеніе основанія, это второе опредѣленіе содержанія непосредственно и въ себѣ связано съ первымъ. Второе же нѣчто содержитъ въ себѣ лишь то содержаніе, по которому оно непосредственно тожественно первому нѣчто, другое же есть въ немъ положенное. Первое опредѣленіе содержанія есть основаніе послѣдняго потому, что оно въ первомъ нѣчто первоначально связано съ другимъ опредѣленіемъ содержанія.

Отношеніе основанія въ опредѣленіяхъ содержанія второго нѣчто такимъ образомъ опосредовано первымъ сущимъ въ себѣ отношеніемъ перваго нѣчто. Поскольку въ одномъ нѣчто опредѣленіе *B* связано съ опредѣленіемъ *A*, во второмъ нѣчто, которому присуще непосредственно лишь опредѣленіе *A*, заключеніе также связано съ *B*. Во второмъ нѣчто опосредовано не только это второе опредѣленіе, но опосредовано и его непосредственное основаніе именно черезъ его первоначальное отношеніе къ *B* въ первомъ нѣчто. Это отношеніе есть тѣмъ самымъ основаніе основанія *A*, и все отношеніе основанія во второмъ нѣчто есть положенное или обоснованное.

3. Реальное основаніе обнаруживается, какъ внѣшняя саморефлексія основанія; полное опосредованіе послѣдняго есть возстановленіе его тожества съ собою. Но поскольку послѣднее вслѣдствіе того пріобрѣло вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшность реальнаго основанія, то формальное отношеніе основанія въ этомъ единствѣ себя самого и реальнаго основанія есть столько же полагающее, столько и снимающее себя основаніе; отношеніе основаніе опосредываетъ себя съ собою черезъ свое отрицаніе. Отношеніе основанія есть, во-первыхъ, первоначальное отношеніе, отношеніе непосредственныхъ опредѣленій содержанія. Отношеніе основанія, какъ существенная форма, имѣетъ своими сторонами такія опредѣленія, которыя суть снятыя или моменты. Поэтому какъ форма непосредственныхъ опредѣленій, оно есть тожественное себѣ отношеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отношеніе своего отрицанія; тѣмъ самымъ основаніе есть не въ себѣ и не для себя самого, а отношеніе къ снятому отношенію основанія. Во-вторыхъ, снятое отношеніе или то непосредственное, которое и въ первоначальномъ, и въ положенномъ отношеніи есть тожественная основа, также не есть реальное основаніе въ себѣ и для себя самого, а есть основаніе, поскольку то положено черезъ эту первоначальную связь.

Отношеніе основанія въ его полнотѣ есть тѣмъ самымъ по существу предполагающая рефлексія; формальное основаніе предполагаетъ непосредственное опредѣленіе содержанія, а это опредѣленіе, какъ реальное основаніе, предполагаетъ форму. Основаніе есть, такимъ образомъ, форма, какъ непосредственная связь, но такъ, что она отталкиваетъ себя отъ себя самой и скорѣе предполагаетъ непосредственность, а потому относится въ ней къ себѣ, какъ къ чему-то

другому. Это непосредственное есть опредѣленіе содержанія, простое основаніе, но послѣднее, такъ таковое, т.-е. какъ основаніе, также отталкиваетъ себя отъ себя и относится къ себѣ также, какъ къ чему-то другому. Такимъ образомъ, полное отношеніе основанія опредѣлило себя, какъ обусловливающее опосредованіе.

C.

Условіе.

a. Относительно безусловное.

1. Основаніе есть непосредственное, а обоснованное—опосредованное. Но основаніе есть полагающая рефлексія и, какъ таковая, обращаетъ себя въ положеніе; оно есть также предполагающая рефлексія и, такимъ образомъ, относится къ себѣ, какъ къ снятому, какъ къ непосредственному, которымъ оно само опосредовано. Это опосредованіе, какъ переходъ отъ непосредственнаго къ основанію, не есть внѣшняя рефлексія, но, какъ оказалось, собственное дѣйствіе основанія, или, что то же самое, отношеніе основанія, какъ рефлексія, есть въ тожествѣ съ собою, равнымъ образомъ, по существу отчуждающая себя рефлексія. То непосредственное, къ которому основаніе относится, какъ къ своему существенному предположенію, есть условіе; поэтому реальное основаніе по существу обусловлено. Содержащаяся въ немъ опредѣленность есть инобытіе себя самого.

Условіе есть, такимъ образомъ, во-первыхъ, непосредственное многообразное существованіе. Во-вторыхъ, это существованіе поставлено въ отношеніе къ нѣкоторому другому, къ нѣчто, которое есть основаніе не этого существованія, а въ другомъ смыслѣ; ибо самое существованіе непосредственно и не имѣетъ основанія. По этому отношенію существованіе есть нѣчто положенное; непосредственное существованіе должно быть условіемъ не для себя, а для другого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ то, что оно есть бытіе для другого, также лишь положено; что оно есть положенное, это снято въ его непосредственности, и потому нѣкоторое существованіе безразлично къ тому, чтобы быть условіемъ. Въ-третьихъ, условіе есть непосредственное такимъ образомъ, что оно составляетъ предположеніе основанія. Условіе есть въ этомъ опредѣленіи возвратившееся въ тожество съ собою формальное отношеніе основанія и тѣмъ самымъ содержаніе послѣдняго. Но содержаніе, какъ таковое, есть, какъ и въ формѣ, лишь безразличное единство основанія; безъ формы нѣтъ содержанія. Оно освобождается отъ нея, поскольку отношеніе основанія становится—въ полномъ основаніи—нѣкоторымъ безразличнымъ къ своему тожеству внѣшнимъ отношеніемъ; но такъ какъ оно безразлично къ этой формѣ, то оно есть содержаніе лишь въ себѣ, такое, которое лишь должно стать содержаніемъ, т.-е. составляетъ матеріалъ для основанія. Положенное, какъ условіе, существованіе по второму моменту имѣетъ опредѣленіе—утратить свою безразличную непосредственность и стать моментомъ чего-либо другого.

По своей непосредственности оно безразлично къ этому отношенію; но поскольку оно вступаетъ въ послѣднее, оно образуетъ бытіе въ себѣ основанія и есть для него безусловное. Чтобы быть условіемъ, оно имѣетъ свое предположеніе въ основаніи и само условно; но это опредѣленіе для него внѣшне.

2. Нѣчто есть не въ силу своего условія; его условіе не есть его основаніе. Условіе есть для основанія моментъ безусловной непосредственности, но не есть само движеніе и положеніе, которое относится къ себѣ отрицательно и дѣлаетъ себя положеніемъ. Поэтому условіе противостоитъ отношенію основанія. Нѣчто имѣетъ также основаніе внѣ своего условія. Основаніе есть пустое движеніе рефлексіи, такъ какъ она имѣетъ непосредственность, какъ свое предположеніе, внѣ себя. Но она есть вся форма и самостоятельное опосредованіе, такъ какъ условіе не есть ея основаніе. Поскольку это опосредованіе относится къ себѣ, какъ положеніе, оно по этой своей сторонѣ есть также непосредственное и безусловное; оно, правда, предполагаетъ себя, но какъ отчужденное или снятое положеніе; напротивъ, то, что оно есть по своему опредѣленію, оно есть въ себѣ и для себя самого. Поскольку, такимъ образомъ, отношеніе основанія есть самостоятельное отношеніе къ себѣ и тожество рефлексіи въ ней самой, оно имѣетъ нѣкоторое собственное содержаніе, противоположное содержанію условія. Первое есть содержаніе основанія и потому по существу оформлено; напротивъ, второе есть лишь непосредственный матеріалъ, которому отношеніе къ основанію вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшне, и составляетъ его бытіе въ себѣ; тѣмъ самымъ оно есть смѣшеніе самостоятельнаго содержанія, не имѣющаго никакого отношенія къ содержанію опредѣленія основанія, и такого содержанія, которое входитъ внутрь этого опредѣленія и должно быть его матеріаломъ, моментомъ.

3. Обѣ стороны цѣлаго, условіе и основаніе, такимъ образомъ, съ одной стороны взаимно безразличны и безусловны; первое есть чуждое отношенію, которому внѣшне то отношеніе, въ коемъ оно есть условіе; второе—отношеніе или форма, для которой опредѣленное существованіе условія есть лишь матеріалъ, лишь нѣчто пассивное, форма котораго, присущая ему для себя, несущественна. Далѣе обѣ эти стороны опосредованы. Условіе есть бытіе въ себѣ основанія; первое есть въ такой мѣрѣ существенный моментъ отношенія основанія, что составляетъ простое тожество послѣдняго съ собою. Но и это снято; это бытіе въ себѣ есть лишь положенное; непосредственное существованіе безразлично къ тому, чтобы быть условіемъ. Что условіе есть для основанія бытіе въ себѣ,—это составляетъ, слѣдовательно, ту сторону перваго, по коей оно есть опосредованное. Равнымъ образомъ, отношеніе основанія имѣетъ въ своей самостоятельности также нѣкоторое предположеніе и свое бытіе въ себѣ — внѣ себя. Такимъ образомъ, каждая изъ обѣихъ сторонъ есть противорѣчіе безразличной непосредственности и существеннаго опосредованія,—обѣихъ въ одномъ и томъ же отношеніи; иначе противорѣчіе самостоятельной устойчивости и опредѣленія, лишь какъ момента.

b. Абсолютное безусловное.

Оба относительно-безусловныхъ прежде всего суть видимости, каждое въ другомъ; условіе, какъ непосредственное въ формальномъ отношеніи основанія, и это отношеніе въ непосредственномъ существованіи, какъ положеніе основанія; но каждое изъ нихъ внѣ этой видимости своего другого въ немъ самостоятельно и имѣетъ свое собственное содержаніе.

Прежде всего условіе есть непосредственное существованіе; его форма имѣетъ два момента, положеніе, по которому это существованіе, какъ условіе, есть матеріалъ и моментъ основанія, и бытіе въ себѣ, по которому оно составляетъ существенность основанія или его простую рефлексію въ себя. Обѣ стороны формы внѣшни для непосредственнаго существованія, такъ какъ оно есть снятое отношеніе основанія. Но, во-первыхъ, существованіе въ себѣ самомъ есть въ своей непосредственности лишь снятіе себя и исчезаніе въ основаніи. Бытіе вообще есть лишь становленіе сущности; его существенная природа состоитъ въ томъ, чтобы обратить себя въ положенное и въ тожество, которое есть непосредственное черезъ отрицаніе себя. Такимъ образомъ, опредѣленія формы, положеніе и тожественное себѣ бытіе въ себѣ, форма, черезъ которую непосредственное существованіе есть условіе, не внѣшня для него, но оно есть сама эта рефлексія. Во-вторыхъ, какъ условіе, бытіе также положено, какъ то, что оно есть существенно, именно какъ моментъ (тѣмъ самымъ) нѣкотораго другого и вмѣстѣ какъ бытіе въ себѣ также нѣкотораго другого; но оно есть въ себѣ также лишь чрезъ отрицаніе себя, именно черезъ основаніе и черезъ его снимающую себя и тѣмъ самымъ предполагающую рефлексію; бытіе въ себѣ бытія есть, такимъ образомъ, лишь нѣчто положенное. Это бытіе въ себѣ условія имѣетъ двѣ стороны, одну, по коей его существенность есть основаніе, и другую въ непосредственности ея существованія. Или, правильнѣе сказать, обѣ онѣ суть одно и то же. Существованіе есть нѣчто непосредственное, но эта непосредственность есть по существу опосредованное, а именно, черезъ само себя снимающее основаніе. Какъ эта опосредованная снимающимъ себя опосредованіемъ непосредственность, оно есть вмѣстѣ и бытіе въ себѣ основанія и его безусловное; но это бытіе въ себѣ само есть вмѣстѣ съ тѣмъ опять-таки также лишь моментъ или положеніе, ибо оно опосредовано; условіе есть, поэтому, вся форма отношенія основанія; первое есть предположенное бытіе въ себѣ второго, но тѣмъ самымъ само положеніе, и его непосредственность состоитъ въ томъ, чтобы обратить себя въ положеніе и тѣмъ самымъ такъ оттолкнуть себя отъ самого себя, чтобы исчезнуть въ основаніи, поскольку оно есть обратившее себя въ положеніе, а, стало быть, и въ обоснованное; и оба суть одно и то же.

Равнымъ образомъ, въ обусловленномъ основаніи бытіе въ себѣ есть не только видимость въ немъ нѣкотораго другого. Это основаніе есть самостоятельная, т.-е. относящаяся къ себѣ рефлексія положенія и тѣмъ самымъ тожественная себѣ; или, иначе, въ немъ самомъ есть его бытіе въ себѣ и его

содержаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть предполагающая рефлексія; оно относится къ себѣ отрицательно и противополагаетъ себѣ свое бытіе въ себѣ, какъ другое ему; и условіе, какъ по его моменту бытіе въ себѣ, такъ и непосредственнаго существованія есть собственный моментъ отношенія основанія; непосредственное существованіе таково по существу лишь черезъ свое основаніе и есть моментъ его, какъ предположенія. Поэтому основаніе есть также все цѣлое.

Такимъ образомъ, вообще дано лишь одно цѣлое формы, но также и лишь одно цѣлое содержанія. Ибо своеобразное содержаніе условія есть существенное содержаніе, лишь поскольку оно есть тожество рефлексіи въ себя, въ форму, или поскольку отношеніе основанія есть непосредственное существованіе въ немъ самомъ. Послѣднее есть далѣе условіе лишь черезъ предполагающую рефлексію основанія; оно есть тожество съ самимъ собою или противоположенное имъ себѣ его содержаніе. Поэтому, существованіе не есть просто безформенный матеріалъ для отношенія основанія, но такъ какъ существованіе въ немъ самомъ имѣетъ эту форму, оно есть оформленная матерія, и, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ тожествѣ съ собою безразличное ей, оно есть содержаніе. Оно есть, наконецъ, то же самое содержаніе, которое присуще основанію, ибо оно есть содержаніе, именно, какъ тожественное себѣ въ отношеніи формы.

Обѣ стороны цѣлаго, условіе и основаніе, суть, слѣдовательно, одно существенное единство, которое есть и содержаніе, и форма. Они переходятъ одно въ другое черезъ себя самихъ, или поскольку они суть рефлексіи, и такимъ образомъ, полагаютъ сами себя, какъ снятыя, относятся къ этому своему отрицанію и взаимно предполагаютъ себя. Но это есть вмѣстѣ съ тѣмъ лишь одна и та же рефлексія обоихъ, и потому ихъ предположеніе также лишь одно и то же; ихъ противоположеніе сводится собственно къ тому, что они предполагаютъ одно свое тожество, какъ свою устойчивость и свою основу. Послѣдняя, одно и то же содержаніе и единство формы обоихъ, есть истинно безусловное, мыслимая вещь (Sache) въ себѣ самой [1]). Условіе, какъ выяснилось выше, есть лишь относительно-безусловное. Поэтому, оно само можетъ быть разсматриваемо, какъ нѣчто обусловленное, и позволительно спрашивать о новомъ условіи, вслѣдствіе чего вступаетъ въ силу обычный прогрессъ въ безконечность отъ одного условія къ другому. Но почему же по поводу одного условія спрашивается о другомъ, т.-е. почему первое признается обусловленнымъ? Потому что оно есть нѣкоторое конечное существованіе? Но это есть дальнѣйшее опредѣленіе условія, не заключающееся въ его понятіи. Однако условіе, какъ таковое, потому есть обусловленное, что оно есть положенное бытіе въ себѣ; поэтому, оно снимается въ абсолютномъ безусловномъ.

Итакъ, послѣднее содержитъ въ себѣ обѣ стороны, условіе и основаніе, какъ свои моменты; оно есть единство, въ которое они возвратились. Обѣ онѣ вмѣстѣ образуютъ его форму или положеніе. Безусловная мыслимая вещь есть

---

[1]) Гегель различаетъ Sache отъ Ding, какъ еще не осуществленное, отъ осуществленнаго. Поэтому терминъ Sache мы переводимъ не совсѣмъ правда подходящимъ терминомъ мыслимая вещь.—*Прим. перев.*

условіе обѣихъ, но абсолютное, т.-е. такое условіе, которое само есть основаніе. Какъ основаніе же, она есть отрицательное тожество, оба момента котораго взаимно оттолкнулись; во-первыхъ, въ видѣ снятаго отношенія основанія, непосредственнаго, лишеннаго единства, внѣшняго самому себѣ многообразія, относящагося къ основанію, какъ къ чему-то чуждому себѣ, и составляющаго вмѣстѣ съ тѣмъ его бытіе въ себѣ; во-вторыхъ, въ видѣ внутренней простой формы, которая есть основаніе, но относится къ тожественному себѣ непосредственному, какъ къ другому, и опредѣляетъ его, какъ условіе, т.-е., это ея бытіе въ себѣ,—какъ ея собственный моментъ. Обѣ эти стороны предполагаютъ цѣлое такъ, что оно есть полагающее ихъ. Наоборотъ, такъ какъ онѣ предполагаютъ полноту, то, повидимому, послѣдняя опять-таки обусловлена ими, и мыслимыя вещи происходятъ изъ ихъ условія и изъ ихъ основанія. Но поскольку обѣ эти стороны оказались тожественными, то исчезаетъ отношеніе условія и основанія, послѣднія понижаются до видимости; абсолютно-безусловное въ своемъ движеніи положенія и предположенія есть лишь такое движеніе, въ которомъ эта видимость снимается. Дѣйствіе мыслимой вещи состоитъ въ томъ, чтобы обусловливать себя и противоставлять себѣ свои условія, какъ основаніе; но ея отношеніе, какъ условій и основанія, есть видимость внутри себя, и ея отношеніе къ нимъ есть ея совпаденіе съ самою собою.

c. Выходъ мыслимой вещи въ осуществленіе (Existenz) [1]).

Абсолютно-безусловное есть абсолютное тожественное своему условію основаніе, непосредственная мыслимая вещь, какъ истинно-существенная. Какъ основаніе, она относится отрицательно съ себѣ самой, дѣлаетъ себя положенною, но положенною такъ, что полная рефлексія въ обѣихъ ея сторонахъ и тожественное съ собою въ нихъ отношеніе формы таково, какъ то оказывается въ ея понятіи. Поэтому это положеніе есть, во-первыхъ, снятое основаніе, мыслимая вещь, какъ чуждое рефлексіи непосредственное,—сторона условій. Послѣдняя есть полнота опредѣленій мыслимой вещи, — она сама, но отброшенная во внѣшность бытія, возстановленный кругъ бытія. Въ условіи сущность отчуждаетъ единство своей рефлексіи въ себя, какъ нѣкоторую непосредственность, которая, однако, имѣетъ опредѣленіе быть обусловливающимъ предположеніемъ и по существу составлять лишь одну изъ своихъ сторонъ. Поэтому условія суть все содержаніе мыслимой вещи, такъ какъ они суть безусловное въ формѣ безформеннаго бытія. Но въ силу этой формы они имѣютъ еще и другой видъ, какъ опредѣленія содержанія, каково послѣднее въ мыслимой вещи, какъ таковой. Они являются лишеннымъ единства многообразіемъ, смѣшаннымъ съ внѣ-существеннымъ и другими обстоятельствами, не принадлежа-

[1]) Гегель различаетъ Daseyn отъ Existenz, какъ существованіе непосредственное, отъ существованія, обусловленнаго рефлексіею. Поэтому терминъ Existenz мы переводимъ терминомъ осуществленіе, не всегда впрочемъ вполнѣ подходящимъ.—*Прим. перев.*

щими къ кругу существованія, поскольку въ немъ заключены условія этой определенной мыслимой вещи. Для абсолютно-неограниченной мыслимой вещи условіемъ служитъ сфера самого бытія. Основаніе, возвратившееся въ себя, полагаетъ ее, какъ первую непосредственность, къ которой оно относится, какъ къ своему безусловному. Эта непосредственность, какъ снятая рефлексія, есть рефлексія въ элементѣ бытія, которое, такимъ образомъ, образуетъ изъ себя нѣкоторое цѣлое; форма разрастается въ опредѣленность бытія и является, такимъ образомъ, какъ нѣкоторое многообразное, различное отъ опредѣленія рефлексіи и безразличное къ ней содержаніе. Несущественное, присущее сферѣ бытія въ ней самой и отбрасываемое ею отъ себя, поскольку она есть условіе, есть опредѣленность непосредственности, въ которую погрузилось единство формы. Это единство формы, какъ отношеніе бытія, есть въ немъ ближайшимъ образомъ становленіе, переходъ одной опредѣленности бытія въ другую. Но становленіе бытія есть далѣе становленіе сущности и возвратъ къ основанію. Поэтому существованіе, составляющее условія, по истинѣ не опредѣляется чѣмъ-либо другимъ, какъ условіе, и не употребляется, какъ матеріалъ, но оно само дѣлаетъ себя черезъ себя само моментомъ нѣкотораго другого. Его становленіе не есть далѣе начинаніе отъ себя, какъ отъ по истинѣ перваго и непосредственнаго, но его непосредственность есть лишь предположенная, и движеніе его становленія есть дѣйствіе самой рефлексіи. Истина существованія состоитъ поэтому въ томъ, чтобы быть условіемъ; его непосредственность имѣетъ мѣсто лишь черезъ рефлексію отношенія основанія, полагающую себя, какъ снятую. Становленіе есть тѣмъ самымъ, какъ и непосредственность, лишь видимость безусловнаго, поскольку послѣднее предполагаетъ себя само и имѣетъ въ томъ свою форму; непосредственность бытія есть поэтому по существу лишь моментъ формы. Другая сторона этой видимости безусловнаго есть отношеніе основанія, какъ таковое, какъ форма, опредѣленная въ противоположность непосредственности условій и содержанія. Но она есть форма абсолютной мыслимой вещи, которая обладаетъ единствомъ ея формы съ собою самой или ея содержаніемъ въ ней самой, и которая, поскольку она опредѣляетъ его, какъ условіе, въ самомъ этомъ положеніи снимаетъ свое различіе и обращаетъ его въ моментъ; равно какъ, наоборотъ, она, какъ лишенная сущности форма, въ этомъ тожествѣ съ собою даетъ непосредственность устойчивости. Рефлексія основанія снимаетъ непосредственность условій и относитъ ихъ, какъ моменты, въ единство мыслимой вещи; но условія сами суть предположенное безусловною мыслимою вещью, и, такимъ образомъ, она тѣмъ самымъ снимаетъ свое собственное положеніе; или, иначе, ея положеніе тѣмъ самымъ само непосредственно дѣлаетъ себя также становленіемъ. То и другое есть поэтому одно и то же единство; движеніе условій въ нихъ самихъ есть становленіе, возвратъ въ основаніе и положеніе основанія; но основаніе, какъ положенное, т.-е., какъ снятое, есть непосредственное. Основаніе относится къ себѣ самому отрицательно, дѣлаетъ себя положеніемъ и обосновываетъ условія; но лишь вслѣдствіе того, что такимъ образомъ непосредственное существованіе опредѣлено, какъ положенное, основаніе его снимаетъ и дѣлаетъ себя основаніемъ. Такимъ образомъ,

эта рефлексія есть опосредованіе безусловной мыслимой вещи собою черезъ ея отрицаніе. Или, правильнѣе, рефлексія безусловнаго есть, во-первыхъ, предположеніе, но это снятіе ея самой есть непосредственно опредѣляющее положеніе; во-вторыхъ, она тѣмъ самымъ есть непосредственно снятіе предположеннаго и опредѣленіе изъ себя самой; поэтому это опредѣленіе есть опять-таки снятіе положенія и есть становленіе въ себѣ самомъ. Въ этомъ исчезло опосредованіе, какъ возвратъ къ себѣ черезъ отрицаніе; оно есть простая образующая видимость внутри себя рефлексіи и лишенное основанія абсолютное становленіе. Движеніе мыслимой вещи, состоящее въ томъ, что она, съ одной стороны, полагается черезъ ея условія, а съ другой, черезъ ея основаніе, есть лишь исчезаніе видимости опосредованія. Становленіе положенія мыслимой вещи есть тѣмъ самымъ выступленіе, простой выходъ въ осуществленіе, чистое движеніе ея къ себѣ самой.

Если налицо всѣ условія мыслимой вещи, то она осуществляется. Мыслимая вещь есть ранѣе, чѣмъ она осуществлена; и именно, во-первыхъ, какъ сущность или какъ безусловное; во-вторыхъ, она имѣетъ существованіе или опредѣлена и именно разсмотрѣннымъ выше двоякимъ образомъ, съ одной стороны, въ своихъ условіяхъ, съ другой—въ своемъ основаніи. Въ первыхъ она сообщила себѣ форму внѣшняго, лишеннаго основанія бытія, такъ какъ она, какъ абсолютная рефлексія, есть отрицательное отношеніе къ себѣ и обращаетъ себя въ свое предположеніе. Это предположенное безусловное есть поэтому лишенное основанія непосредственное, бытіе котораго состоитъ лишь въ томъ, чтобы существовать, какъ лишенное основанія. Такимъ образомъ, если всѣ условія мыслимой вещи налицо, т.-е. если положена полнота ея, какъ лишенная основанія непосредственность, то это разсѣянное многообразіе углубляется въ себя само. Вся мыслимая вещь должна существовать въ ея условіяхъ, или, иначе, всѣ условія принадлежатъ ея осуществленію, ибо всѣ составляютъ рефлексію; иначе существованіе, поскольку оно есть условіе, опредѣлено формою, его опредѣленія суть поэтому опредѣленія рефлексіи и съ каждымъ изъ нихъ положены и другія. Самоуглубленіе условій есть ближайшимъ образомъ уничтоженіе непосредственнаго существованія и становленіе основанія. Но тѣмъ самымъ основаніе есть положенное, т.-е. оно, поскольку оно основаніе, въ той же мѣрѣ снято, какъ основаніе, и есть непосредственное бытіе. Если поэтому налицо всѣ условія мыслимой вещи, то они снимаютъ себя, какъ непосредственное существованіе и предположеніе, и равнымъ образомъ снимаетъ себя основаніе. Основаніе обнаруживаетъ себя, какъ видимость, которая непосредственно исчезаетъ; этотъ выходъ есть тѣмъ самымъ тожественное движеніе мыслимой вещи къ себѣ, и ея опосредованіе черезъ условія и основаніе есть ихъ исчезаніе. Выходъ въ осуществленіе поэтому столь непосредственъ, что онъ опосредованъ лишь черезъ исчезаніе опосредованія.

Мыслимая вещь происходитъ изъ основанія. Она не обосновывается или не полагается имъ такъ, что основаніе остается за нею, но ея положеніе есть выходъ основанія изъ себя къ себѣ и простое его исчезаніе.

Черезъ соединенiе съ условiями оно прiобрѣтаетъ внѣшнюю непосредственность и моментъ бытiя. Но оно прiобрѣтаетъ ихъ, не какъ нѣчто внѣшнее и не черезъ внѣшнее отношенiе; какъ основанiе, оно дѣлаетъ себя положеннымъ, его простая существенность совпадаетъ съ собою въ положенiи и есть въ этомъ снятiи себя самой исчезанiе его различiя отъ его положенiя, стало быть, простая существенная непосредственность.

Такимъ образомъ, основанiе не остается чѣмъ-то различнымъ отъ обоснованнаго, но истина обоснованнаго состоитъ въ томъ, что основанiе въ немъ соединено съ самимъ собою, и потому его рефлексiя въ другое есть его рефлексiя въ себя само. Поэтому мыслимая вещь, какъ безусловное, есть также равнымъ образомъ лишенное основанiя и происходитъ изъ основанiя, лишь поскольку послѣднее уничтожено, поскольку его уже нѣтъ, т.-е. изъ лишеннаго основанiя, изъ собственной существенной отрицательности или чистой формы. Это опосредованное основанiемъ и условiемъ и черезъ снятiе опосредованiя ставшая тожественною себѣ непосредственность есть осуществленiе (Existenz).

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Явленiе.

Сущность должна являться. Бытiе есть абсолютная отвлеченность; эта отрицательность есть для него не только нѣчто внѣшнее, но оно есть бытiе и не что иное, чѣмъ бытiе, лишь какъ эта абсолютная отрицательность. Вслѣдствiе того бытiе, какъ лишь снимающее себя бытiе, и есть сущность. Но сущность, какъ простое равенство съ собою, есть обратно также бытiе. Ученiе о бытiи содержитъ первое предложенiе: бытiе есть сущность. Второе предложенiе: сущность есть бытiе составляетъ содержанiе перваго отдѣла ученiя о сущности. Но это бытiе, какимъ дѣлаетъ себя сущность, есть существенное бытiе, осуществленiе,—выходъ изъ отрицательности и внутренности.

Такимъ образомъ, сущность является. Рефлексiя есть видимость сущности внутри ея самой. Опредѣленiя рефлексiи заключены въ единство, лишь какъ положенныя, снятыя; иначе, она есть въ своемъ положенiи непосредственно тожественная себѣ сущность. Но поскольку послѣдняя есть основанiе, она опредѣляетъ себя реально черезъ свою снимающую себя или возвращающуюся въ себя рефлексiю; поскольку далѣе это опредѣленiе или инобытiе отношенiя основанiя снимается въ рефлексiи основанiя и становится осуществленiемъ, то опредѣленiя формы прiобрѣтаютъ тѣмъ самымъ элементъ самостоятельной устойчивости. Ихъ видимость восполняется въ явленiе.

Достигшая непосредственности существенность есть ближайшимъ образомъ осуществленiе и осуществленное или вещь (Ding), какъ безразличное единство сущности и ея непосредственности. Вещь, правда, содержитъ

въ себѣ рефлексію, но ея отрицательность ближайшимъ образомъ угасла въ ея непосредственности; однако, такъ какъ ея основаніе есть по существу рефлексія, то ея непосредственность снимается; она дѣлаетъ себя положенною.

Такимъ образомъ, она есть, во-вторыхъ, явленіе. Явленіе есть то, что есть вещь въ себѣ или истина послѣдней. Но это лишь положенное, рефлектированное въ инобытіе осуществленіе есть равнымъ образомъ выходъ за себя въ свою безконечность; міру явленія противостоитъ рефлектированный въ себя, сущій въ себѣ міръ.

Но являющее и существенное бытіе находятся въ простомъ взаимномъ отношеніи. Такимъ образомъ, осуществленіе есть, въ-третьихъ, существенное отношеніе; въ являющемся обнаруживается существенное, и послѣднее имѣетъ бытіе въ своемъ явленіи. Отношеніе это есть еще неполное соединеніе рефлексіи въ инобытіе и рефлексіи въ себя; полное взаимное проникновеніе обѣихъ есть дѣйствительность.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Осуществленіе.

Какъ предложеніе основанія говоритъ: все, что есть, имѣетъ нѣкоторое основаніе, иначе, есть положенное, опосредованное; также должно быть установлено и выражено предложеніе осуществленія: все, что есть, осуществлено. Истиною бытія должно быть не нѣкоторое первое непосредственное, но перешедшая въ непосредственность сущность.

Но если даже сказано также: что осуществлено, имѣетъ основаніе и обусловлено, то также должно быть сказано: оно не имѣетъ основанія и безусловно. Ибо осуществленіе есть непосредственность, возникшая отъ снятія опосредованія черезъ основанія и условія, непосредственность, которая въ своемъ возникновеніи снимаетъ самое это возникновеніе.

Поскольку здѣсь могутъ быть упомянуты доказательства существованія [1]) Бога, то слѣдуетъ предварительно припомнить, что кромѣ непосредственнаго бытія, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, Existenz, бытія, возникшаго изъ сущности, есть еще далѣе бытіе, возникающее изъ понятія,—объективность. Доказательство есть вообще опосредованное познаніе. Различные виды бытія требуютъ свойственныхъ именно имъ видовъ опосредованія или содержатъ ихъ въ себѣ; поэтому и природа доказательства относительно каждаго изъ нихъ различна. Онтологическое доказательство исходитъ отъ понятія; оно кладетъ въ основаніе совокупность всѣхъ реальностей и за симъ

[1]) Здѣсь терминъ Existenz приходится перевести терминомъ „существованіе“, такъ какъ нѣсколько странно говорить объ „осуществленіи“ Бога. Слѣдуетъ только и здѣсь помнить, что различіе Existenz отъ Daseyn состоитъ въ томъ, что второе есть совершенно непосредственное, а первое—достигшее непосредственности черезъ снятіе опосредованія.—*Прим. перев.*

подводитъ существованіе (Existenz) подъ понятіе реальности. Такимъ образомъ, оно есть опосредованіе, имѣющее характеръ умозаключенія и не подлежащее разсмотрѣнію здѣсь. Уже выше было обращено вниманіе на то, что Кантъ говоритъ по этому поводу, и указано, что Кантъ подъ существованіемъ, какъ Existenz, разумѣетъ определенное существованіе (Daseyn), черезъ которое нѣчто вступаетъ въ совокупность всего опыта, т.-е. въ опредѣленіе инобытія и въ отношеніе къ другому. Такимъ образомъ, нѣчто, какъ существующее (Existirendes), опосредовано другимъ, и существованіе (Existenz) есть вообще сторона этого опосредованія. Но въ томъ, что Кантъ называетъ понятіемъ, именно въ нѣчто, поскольку оно принимается просто, лишь какъ относящееся къ себѣ, или въ представленіи, какъ таковомъ, нѣтъ его опосредованія; въ его отвлеченномъ тожествѣ съ собою отброшено всякое противоположеніе. Онтологическое доказательство имѣетъ цѣлью показать, что абсолютное понятіе, именно понятіе Бога, приходитъ къ опредѣленному существованію, къ опосредованію, или, иначе, какимъ образомъ простая сущность опосредываетъ себя съ опосредованіемъ. Это достигается черезъ вышеуказанное подведеніе существованія подъ его общее, именно подъ реальность, которая принимается за посредствующее между Богомъ и Его понятіемъ, съ одной стороны, и существованіемъ, съ другой. Объ этомъ опосредованіи, поскольку оно имѣетъ форму умозаключенія, здѣсь, какъ сказано, нѣтъ рѣчи. Но каково поистинѣ это опосредованіе, сущность съ существованіемъ (Existenz), это уже изложено выше. Природа самого доказательства подлежитъ разсмотрѣнію въ ученіи о познаніи. Здѣсь нужно лишь указать на то, что относится вообще къ природѣ опосредованія.

Доказательства существованія Бога даютъ нѣкоторое основаніе этого существованія. Это основаніе должно быть не объективнымъ основаніемъ существованія Бога, такъ какъ послѣднее есть въ себѣ и для себя самого. Поэтому оно есть лишь основаніе для познанія. Тѣмъ самымъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается чѣмъ-то такимъ, что исчезаетъ въ предметѣ, который является ближайшимъ образомъ обоснованнымъ имъ. Но основаніе, почерпнутое изъ случайности міра, содержитъ въ себѣ ея возвратъ въ абсолютную сущность, ибо случайное есть въ себѣ самомъ лишенное основанія и снимающее себя. Такимъ образомъ, абсолютная сущность возникаетъ въ дѣйствительности изъ того, что лишено основанія; основаніе снимаетъ само себя, и тѣмъ самымъ исчезаетъ и видимость того отношенія, будто Богъ данъ, какъ нѣчто обоснованное въ другомъ. Посему это опосредованіе есть истинное. Но сказанная доказующая рефлексія не знаетъ въ своемъ опосредованіи этой природы; она принимаетъ себя, съ одной стороны, за нѣчто только субъективное и тѣмъ самымъ отстраняетъ свое опосредованіе отъ самого Бога, съ другой же стороны, именно потому не познаетъ того опосредывающаго движенія, которое есть, и какъ оно есть въ самой сущности. Ея истинное отношеніе состоитъ въ томъ, что она есть и то, и другое въ одномъ, опосредованіе, какъ таковое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и субъективное, внѣшнее, именно внѣшнее себѣ опосредованіе, которое снова снимаетъ себя въ немъ самомъ. Въ этомъ

изложеніи осуществленіе получаетъ превратное отношеніе, лишь являясь опосредованнымъ или положеннымъ.

Съ другой стороны, существованіе не можетъ быть здѣсь разсматриваемо также, какъ только непосредственное. Взятое въ опредѣленіи чего-то непосредственнаго пониманіе существованія Бога выражается, какъ нѣчто недоказуемое, и знаніе о немъ, какъ только непосредственное сознаніе, какъ вѣра. Знаніе должно придти къ тому результату, что оно не знаетъ ничего, т.-е. что оно само снова отказывается отъ своего опосредывающаго движенія и присущихъ ему опредѣленій. Это видно и изъ предыдущаго; но слѣдуетъ прибавить, что рефлексія, поскольку она оканчивается снятіемъ себя самой, не даетъ тѣмъ самымъ въ результатѣ ничто, такъ чтобы положительное знаніе о сущности, какъ непосредственное отношеніе къ ней, было отдѣлено отъ этого результата и было самопроизведеніемъ, лишь самоначинающимся актомъ; но именно самый этотъ конецъ, это уничтоженіе опосредованія есть вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе, изъ коего происходитъ непосредственное. Языкъ (нѣмецкій), какъ выше было указано, соединяетъ значеніе уничтоженія и основанія; такъ говорится, что сущность Бога есть пучина (Abgrund) для конечнаго разума. Она дѣйствительно такова, поскольку онъ въ ней отказывается отъ своей конечности и погружаетъ въ нее свое опосредывающее движеніе; но эта пучина, это отрицательное основаніе, есть вмѣстѣ съ тѣмъ положительное въ происхожденіи сущаго, въ себѣ самой непосредственной сущности; опосредованіе есть существенный моментъ. Опосредованіе черезъ основаніе снимаетъ себя, но не оставляетъ подъ собою основанія такъ, чтобы происходящее изъ него было положеннымъ, имѣющимъ свою сущность гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, именно въ основаніи; но это основаніе, какъ пучина, есть исчезнувшее опосредованіе, и, наоборотъ, лишь исчезнувшее опосредованіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе и лишь черезъ это отрицаніе—равное самому себѣ и непосредственное.

Такимъ образомъ, осуществленіе не должно быть понимаемо здѣсь, какъ предикатъ или опредѣленіе сущности такъ, чтобы можно было сказать: сущность осуществлена или имѣетъ осуществленіе, но сущность перешла въ осуществленіе; осуществленіе есть ея абсолютное самоотчужденіе, за которымъ не осталось ничего. Слѣдуетъ поэтому сказать: сущность есть осуществленіе; она неотличима отъ своего осуществленія. Сущность перешла въ осуществленіе, поскольку сущность, какъ основаніе, уже не отличается отъ себя, какъ отъ обоснованнаго, или поскольку это основаніе сняло себя. Но это отрицаніе есть равнымъ образомъ по существу ея положеніе или просто положительная непрерывность съ собою самою; осуществленіе есть рефлексія основанія въ себя, его достигшее тожества съ самимъ собою отрицаніе, слѣдовательно, опосредованіе, положенное, какъ тожественное себѣ, и тѣмъ самымъ, какъ непосредственность.

Поскольку же осуществленіе есть по существу тожественное себѣ опосредованіе, первое имѣетъ опредѣленія опосредованія въ немъ, но такъ, что они вмѣстѣ съ тѣмъ рефлектированы въ себя и обладаютъ существенною и непосредственною устойчивостью. Какъ непосредственность, полагающая себя

черезъ снятіе, осуществленіе есть отрицательное единство и бытіе внутри себя; оно опредѣляетъ себя поэтому непосредственно, какъ нѣчто существующее или вещь (Ding).

A.

Вещь и ея свойства.

Осуществленіе, какъ осуществленное, положено въ формѣ отрицательнаго единства, каково оно есть по существу. Но это отрицательное единство есть ближайшимъ образомъ лишь непосредственное опредѣленіе и тѣмъ самымъ одно нѣчто вообще. Но осуществленное нѣчто отлично отъ сущаго нѣчто. Первое есть по существу такая непосредственность, которая возникла черезъ рефлексію опосредованія въ само себя. Такимъ образомъ, осуществленное нѣчто есть нѣкоторая вещь.

Вещь отличается отъ своего осуществленія, какъ нѣчто можетъ быть отличено отъ своего бытія. Вещь и осуществленное есть непосредственно одно и то же. Но такъ какъ осуществленіе не есть первая непосредственность бытія, а имѣетъ въ немъ самомъ моментъ опосредованія, то опредѣленіе его, какъ вещи, и отличеніе ихъ одного отъ другой есть собственно не переходъ, а анализъ; и осуществленіе, какъ таковое, содержитъ въ себѣ самое это различеніе въ моментѣ его опосредованія,—различеніе вещи въ себѣ и внѣшняго осуществленія.

a. Вещь въ себѣ и осуществленіе.

1. Вещь въ себѣ есть осуществленное, какъ данное черезъ снятое опосредованіе существенное непосредственное. При этомъ вещи въ себѣ столь же существенно и опосредованіе; но такое различеніе въ этомъ первомъ и непосредственномъ осуществленіи распадается на безразличныя опредѣленія. Одна сторона, именно опосредованіе вещи, есть ея нерефлектированная непосредственность, слѣдовательно, ея бытіе вообще, которое, такъ какъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено, какъ опосредованіе, есть иное относительно себя самого, внутри себѣ многообразное и внѣшнее существованіе. Но оно есть не только существованіе, а находится въ отношеніи къ снятому опосредованію и существенной непосредственности; поэтому оно есть существованіе несущественное, положенное. (Если вещь отличена отъ ея осуществленія, то она есть возможное, вещь представляемая, которая, какъ таковая, не должна вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно быть осуществленною. Но объ опредѣленіи возможности и о противоположности вещи и ея осуществленія будетъ сказано далѣе). Но вещь въ себѣ и ея опосредованное бытіе обѣ содержатся въ осуществленіи и обѣ осуществлены; вещь въ себѣ осуществлена, какъ существенное, опосредованное бытіе, какъ несущественное осуществленіе вещи.

Вещь въ себѣ, какъ простое рефлектированіе осуществленія въ себя, не есть основаніе несущественнаго существованія; она есть неподвижное, неопредѣленное единство именно потому, что ей свойственно опредѣленіе быть

снятымъ опосредованіемъ и потому лишь основою этого существованія. Поэтому и рефлексія, какъ опосредывающее себя черезъ другое существованіе, совершается внѣ вещи въ себѣ. Послѣдняя не должна въ ней самой имѣть никакого опредѣленнаго многообразія и потому пріобрѣтаетъ оное, лишь будучи перенесена во внѣшнюю рефлексію, при чемъ остается къ нему безразличною (вещь въ себѣ имѣетъ цвѣтъ, лишь будучи поднесена къ глазу, запахъ—къ носу и т. п.). Ея различія возникаютъ лишь черезъ соображеніе другого, они суть опредѣленныя отношенія этого другого къ вещи въ себѣ, а не ея собственныя опредѣленія.

2. Это другое есть рефлексія, которая опредѣляется, какъ внѣшняя, во-первыхъ, внѣшне относительно себя самой и есть опредѣленное многообразіе. За симъ она внѣшня и относительно существенно-осуществленнаго и относится къ нему, какъ къ своему абсолютному предположенію. Но оба момента внѣшней рефлексіи, ея собственное многообразіе и ея отношеніе къ иной для нея вещи въ себѣ, суть одно и то же. Ибо это осуществленіе лишь внѣшне, поскольку оно относитъ себя къ своему существенному тожеству, какъ къ нѣкоторому другому. Поэтому многообразіе не имѣетъ внѣ вещи въ себѣ собственной самостоятельной устойчивости, но есть лишь ея (вещи) видимость, есть, въ своемъ необходимомъ отношеніи къ ней, лишь преломленный въ ней рефлексъ. Такимъ образомъ, различіе дано, какъ отношеніе нѣкотораго другого къ вещи въ себѣ; но это другое есть не устойчивое для себя, а лишь отношеніе къ вещи въ себѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть отраженіе отъ нея и потому лишенная устойчивости противоположность себѣ внутри себя самого.

Вещи же въ себѣ, такъ какъ она есть существенное тожество осуществленія, не присуща поэтому такая несущественная рефлексія, но послѣдняя совпадаетъ внутри себя самой внѣшне для вещи. Она уничтожается и тѣмъ самымъ сама становится существеннымъ тожествомъ или вещью въ себѣ. Это можетъ быть также понимаемо такъ: чуждое сущности осуществленіе имѣетъ свою рефлексію въ вещи въ себѣ; оно относится къ ней прежде всего, какъ къ своему другому; но какъ другое въ противоположность тому, что есть въ себѣ, оно есть лишь снятіе себя самого и становленіе бытія въ себѣ. Тѣмъ самымъ вещь въ себѣ тожественна внѣшнему осуществленію.

Это проявляется въ вещи въ себѣ такъ. Вещь въ себѣ есть относящееся къ себѣ существенное осуществленіе; она есть лишь постольку тожество съ собою, поскольку въ ней содержится отрицаніе рефлексіи въ себя саму; то, что является внѣшнимъ ей осуществленіемъ, есть поэтому моментъ въ ней самой. Поэтому она есть также отталкивающая себя отъ себя вещь въ себѣ, которая такимъ образомъ относится къ себѣ, какъ къ нѣкоторому другому. Тѣмъ самымъ даны многія вещи въ себѣ, стоящія одна къ другой въ отношеніи внѣшней рефлексіи. Это несущественное осуществленіе есть ихъ отношеніе между собою, какъ къ другимъ; но оно далѣе существенно для нихъ самихъ, или, иначе, это несущественное осуществленіе, поскольку оно совпадаетъ въ себя, есть вещь въ себѣ, хотя другая, чѣмъ та первая; ибо

та первая есть непосредственная существенность, эта же произошла изъ несущественнаго осуществленія: Но эта другая вещь въ себѣ есть лишь другое вообще, ибо, какъ тожественная себѣ вещь, она не имѣетъ относительно первой никакой дальнѣйшей опредѣленности; она есть рефлексія въ себя несущественнаго осуществленія также, какъ и первая. Опредѣленность различныхъ вещей въ себѣ одной относительно другой приходится поэтому на внѣшнюю рефлексію.

3. Эта внѣшняя рефлексія есть теперь взаимное отношеніе вещей въ себѣ, ихъ взаимное опосредованіе, какъ другихъ. Вещи въ себѣ суть, такимъ образомъ, крайніе термины нѣкотораго умозаключенія, среднимъ терминомъ котораго служитъ ихъ внѣшнее осуществленіе, осуществленіе, черезъ котороя они суть различенные и другіе одинъ для другого. Это ихъ различеніе касается лишь ихъ отношенія; они какъ бы лишь посылаютъ опредѣленія отъ своей поверхности въ то отношеніе, къ коему они, какъ абсолютно рефлектированные въ себя, остаются безразличными. А это отношеніе и образуетъ собою полноту осуществленія. Вещь въ себѣ стоитъ въ отношеніи къ внѣшней для нея рефлексіи, черезъ которую первая получаетъ многообразныя опредѣленія; это есть отталкиваніе ея отъ себя самой въ другую вещь въ себѣ; это отталкиваніе совершается ими внутри ихъ самихъ, при чемъ каждая есть нѣкоторое другое только, какъ обратная видимость въ другомъ; она имѣетъ свое положеніе не въ ней самой, а въ другомъ, опредѣлена лишь черезъ опредѣленность другого; а это другое опредѣлено также лишь черезъ опредѣленность перваго. Но обѣ вещи въ себѣ, такъ какъ онѣ тѣмъ самымъ имѣютъ различіе не въ себѣ самихъ, а каждая лишь въ другой, не суть различенныя; вещь въ себѣ, поскольку она должна относиться къ другому крайнему термину, какъ другая вещь въ себѣ, относится къ чему-то неотличенному отъ нея, а внѣшняя рефлексія, которая должна бы была составлять опосредывающее отношеніе между крайними терминами, оказывается отношеніемъ вещи въ себѣ лишь къ самой себѣ или по существу ея рефлексіею въ себя; тѣмъ самымъ она есть сущая въ себѣ опредѣленность или опредѣленность вещи въ себѣ. Послѣдняя обладаетъ, такимъ образомъ, этою опредѣленностью не въ нѣкоторомъ во внѣшнемъ ей отношеніи къ другой вещи въ себѣ и другой къ ней; опредѣленность есть не только нѣкоторая ея поверхность, но существенное опосредованіе ея съ самой собою, какъ съ чѣмъ-то другимъ. Обѣ вещи въ себѣ, которыя должны быть крайними терминами отношенія, поскольку онѣ оказываются не имѣющими въ себѣ никакой опредѣленности одна противъ другой, въ дѣйствительности совпадаютъ: это лишь одна вещь въ себѣ, которая относится къ себѣ самой во внѣшней рефлексіи, и опредѣленность которой состоитъ въ ея собственномъ отношеніи къ себѣ, какъ къ нѣкоторому другому.

Эта опредѣленность вещи въ себѣ есть свойство вещи.

b. Свойство.

Качество есть непосредственная опредѣленность нѣчто, то самое отрицательное, черезъ которое бытіе есть нѣчто. Такимъ же образомъ и

свойство вещи есть отрицательность рефлексіи, черезъ которую осуществленіе вообще становится осуществленнымъ и, какъ простое тожество съ собою, вещью въ себѣ. Но отрицательность рефлексіи, снятое опосредованіе, есть по существу само опосредованіе и отношеніе; но не къ другому вообще, какъ качество, которое есть не рефлектированная опредѣленность, а отношеніе къ себѣ, какъ къ другому; иначе опосредованіе, которое есть непосредственно также тожество съ собою. Отвлеченная вещь въ себѣ есть сама это возвратившееся въ себя изъ другого отношеніе; тѣмъ самымъ она опредѣлена въ себѣ самой; но ея опредѣленность есть состояніе (Beschaffenheit), которое, какъ таковое, есть само опредѣленіе и, какъ отношеніе къ другому, не переходитъ въ инобытіе и чуждо измѣненію.

Нѣкоторая вещь имѣетъ свойства; они суть, во-первыхъ, ея опредѣленныя отношенія къ другому; свойство дано лишь какъ нѣкоторый способъ взаимнаго отношенія; оно есть поэтому внѣшняя рефлексія и сторона положенія вещи. Но, во-вторыхъ, вещь въ этомъ положеніи есть въ себѣ; она сохраняется въ отношеніи къ другому; она есть, такимъ образомъ, все же лишь нѣкоторая поверхность, вмѣстѣ съ которою осуществленіе предается становленію бытія и измѣненію; поэтому свойство въ ней не теряется. Вещь имѣетъ свойство, состоящее въ томъ, чтобы производить въ другомъ то или иное и обнаруживать себя своеобразнымъ способомъ въ своемъ отношеніи. Она проявляетъ это свойство лишь при условіи нѣкотораго соотвѣтственнаго состоянія другой вещи, но это свойство вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразно для нея и есть ея тожественная себѣ основа; потому это рефлектированное качество именуется свойствомъ. Вещь переходитъ въ немъ во внѣшность, но свойство въ ней сохраняется. Черезъ свои свойства вещь становится причиною, а причина состоитъ въ томъ, чтобы сохранять себя, какъ дѣйствіе. Но здѣсь вещь опредѣлена, лишь какъ покоящаяся вещь со многими свойствами, а не какъ дѣйствительная причина; первая есть лишь сущая въ себѣ, а не есть сама полагающая рефлексія своихъ опредѣленій.

Такимъ образомъ, вещь въ себѣ, какъ это выяснилось, есть по существу не только такая вещь въ себѣ, свойства которой суть положеніе внѣшней рефлексіи, но они суть ея собственныя опредѣленія, черезъ которыя она относится опредѣленнымъ образомъ; она не есть нѣкоторая находящаяся по ту сторону ея внѣшняго осуществленія неопредѣленная основа, но дана въ своихъ свойствахъ, какъ основаніе, т.-е. какъ тожество съ собою въ своемъ положеніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ она дана, какъ обусловленное основаніе, т.-е. ея положеніе есть равнымъ образомъ внѣшняя себѣ рефлексія; она лишь постольку рефлектирована въ себѣ и есть въ себѣ, поскольку она внѣшня. Чрезъ осуществленіе вещь въ себѣ вступаетъ во внѣшнія отношенія, и осуществленіе состоитъ въ этой внѣшности; оно есть непосредственность бытія, и тѣмъ самымъ вещь подвержена измѣненію; но оно есть также рефлектированная непосредственность основанія и потому вещь есть въ себѣ въ своемъ измѣненіи. Это упоминаніе объ отношеніи основанія не должно быть, однако, принимаемо здѣсь въ томъ смыслѣ, чтобы вещь вообще была опредѣлена, опредѣлена какъ основаніе своихъ свойствъ;

вещность (die Dingheit) сама, какъ таковая, есть опредѣленіе основанія, свойство не отличено отъ своего основанія и не составляетъ просто положенія, а есть перешедшее въ свою внѣшность и потому поистинѣ рефлектированное въ себя основаніе; свойство само, какъ таковое, есть основаніе, сущее въ себѣ положеніе или, иначе, образуетъ форму своего тожества съ собою; его опредѣленность есть внѣшняя себѣ рефлексія основанія; а все цѣлое есть относящееся къ себѣ въ своемъ отталкиваніи и опредѣленіи, въ своей внѣшней непосредственности основаніе. Вещь въ себѣ осуществляется, такимъ образомъ, существенно, и то, что она осуществляется, означаетъ, наоборотъ, что осуществленіе, какъ внѣшняя непосредственность, есть вмѣстѣ съ тѣмъ бытіе въ себѣ.

Примѣчаніе. Уже выше (1 ч., 1 отд., стр. 28) по поводу момента существованія, бытія въ себѣ, было упомянуто о вещи въ себѣ, при чемъ было указано, что вещь въ себѣ, какъ таковая, есть не что иное, какъ пустое отвлеченіе отъ всякой опредѣленности, о коемъ, конечно, нельзя ничего знать, именно потому, что оно есть отвлеченность отъ всякой опредѣленности. Поскольку, такимъ образомъ, вещь въ себѣ предположена, какъ неопредѣленное, то всякое опредѣленіе падаетъ внѣ ея, въ чуждую ей рефлексію, къ которой она безразлична. Трансцендентальный идеализмъ признаетъ за такую внѣшнюю рефлексію сознаніе. Такъ какъ эта философская система перемѣщаетъ всякую опредѣленность вещей, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, въ сознаніе, то съ этой точки зрѣнія во мнѣ, въ субъектѣ совершается то, что я вижу листья дерева не черными, а зелеными, солнце—круглымъ, а не квадратнымъ, что сахаръ для моего вкуса сладокъ, а не горекъ, что первый и второй ударъ часовъ я опредѣляю, какъ послѣдовательные, а не какъ одновременные, а также, первый не какъ причину, ниже какъ дѣйствіе второго и т. д. Это рѣзкое изложеніе субъективнаго идеализма непосредственно противорѣчитъ сознанію свободы, по которому я знаю себя, напротивъ, какъ общее и неопредѣленное, отдѣляю отъ себя эти многообразныя и необходимыя опредѣленія и признаю ихъ, какъ нѣчто внѣшнее мнѣ, присущими лишь вещамъ. Въ этомъ сознаніи своей свободы *я* есть то поистинѣ рефлектированное въ себя тожество, которымъ должна быть вещь въ себѣ. Въ другомъ мѣстѣ я показалъ, что этотъ трансцендентальный идеализмъ не выходитъ за ограниченность *я* объектомъ, вообще за конечный міръ, но измѣняетъ лишь форму предѣла, остающагося для него абсолютнымъ, перемѣщая лишь ее изъ объективной въ субъективную область и дѣлая опредѣленностями *я* и происходящею въ немъ, какъ въ вещи, дикою смѣною то, что признается обычнымъ сознаніемъ за нѣкоторыя принадлежащія лишь внѣшнимъ ему вещамъ многообразіе и измѣненіе. Съ теперешней точки зрѣнія лишь противоставляются вещь въ себѣ и ближайшая къ ней внѣшняя рефлексія; послѣдняя не опредѣлила еще себя, какъ сознаніе, а вещь въ себѣ, какъ *я*. Изъ природы вещи въ себѣ и внѣшней рефлексіи оказалось, что это внѣшнее само опредѣлило себя, какъ вещь въ себѣ, и, наоборотъ, стало собственнымъ опредѣленіемъ той первой вещи въ себѣ. Существенная же недостаточность той точки зрѣнія, на которой останавливается сказанная философія, состоитъ въ томъ, что она

упорно удерживаетъ на отвлеченной вещи въ себѣ, какъ на окончательномъ опредѣленіи, и противоставляетъ рефлексію или опредѣленность и многообразіе качествъ вещи въ себѣ; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности вещь въ себѣ по существу имѣетъ эту внѣшнюю рефлексію въ ней самой и опредѣляетъ себя, какъ причастную собственнымъ опредѣленіямъ, свойствамъ, обнаруживаетъ ложность опредѣленія себя, какъ отвлеченной вещи, какъ чистой вещи въ себѣ.

c. Взаимодѣйствіе вещей.

Вещь въ себѣ осуществлена существенно; внѣшняя непосредственность и опредѣленность принадлежитъ ея бытію въ себѣ или ея рефлексіи въ себя. Тѣмъ самымъ вещь въ себѣ есть вещь, имѣющая свойства, и тѣмъ самымъ суть многія вещи, отличающіяся между собою не по чуждымъ имъ соображеніямъ, а черезъ самихъ себя. Эти многія различныя вещи состоятъ въ существенномъ взаимодѣйствіи черезъ свои свойства; свойство есть самое это взаимодѣйствіе, и вещь внѣ ихъ есть ничто; взаимное опредѣленіе, средній терминъ между вещами въ себѣ, долженствующими, какъ крайніе термины, быть безразличными къ этому ихъ отношенію, есть само тожественная себѣ рефлексія и вмѣстѣ съ тѣмъ та вещь въ себѣ, которая должна составлять эти крайніе термины. Тѣмъ самымъ вещность понижается до формы неопредѣленнаго тожества съ собою, имѣющаго свою существенность лишь въ своихъ свойствахъ. Если поэтому поднимается рѣчь о какой-либо вещи или о вещахъ вообще безъ опредѣленнаго свойства, то ея отличеніе есть лишь безразличное, количественное. То, что признается за одну вещь, можетъ быть превращено равнымъ образомъ во многія вещи или признано за многія вещи; это внѣшнее раздѣленіе или соединеніе. Книга есть вещь, и каждый ея листокъ — также вещь, равно какъ каждая часть ея листковъ и т. д. до безконечности. Опредѣленность, въ силу которой нѣкоторая вещь есть именно эта вещь, заключается единственно въ ея свойствахъ. Черезъ нихъ она отличается отъ другихъ вещей, такъ какъ свойство есть отрицательная рефлексія и отличеніе; поэтому вещь лишь въ своемъ свойствѣ есть нѣчто отличное отъ другихъ, есть въ ней самой. Свойство есть рефлектированное въ себя отличеніе, въ силу котораго вещь въ своемъ положеніи, т.-е. въ своемъ отношеніи къ другому, безразлична вмѣстѣ и къ другому и къ своему отношенію. Поэтому въ вещи безъ ея свойствъ остается лишь отвлеченное бытіе въ себѣ, несущественный объемъ и внѣшнее совпаденіе съ собою. Истинное бытіе въ себѣ есть бытіе въ себѣ, въ своемъ положеніи; послѣднее и есть свойство. Тѣмъ самымъ вещность перешла въ свойство.

Вещь должна бы была относиться къ свойству, какъ сущій для себя крайній терминъ, а свойство — составлять средній терминъ между соотносящимися вещами. Лишь въ этомъ отношеніи вещи встрѣчаются, какъ отталкивающая себя отъ себя рефлексія, въ которой онѣ различены и приведены въ отношеніе. Это ихъ различеніе и ихъ отношеніе есть одна и та же ихъ рефлексія

и одна и та же ихъ непрерывность. Тѣмъ самымъ вещи сами впадаютъ лишь въ эту непрерывность, которая и есть свойство, и исчезаютъ, какъ устойчивые крайніе термины, осуществленные внѣ этого свойства.

Свойство, которое должно бы было составлять отношеніе самостоятельныхъ крайнихъ терминовъ, есть поэтому само самостоятельное. Напротивъ, вещи суть несущественное. Онѣ суть нѣчто существенное, лишь какъ относящаяся къ себѣ черезъ отличеніе себя отъ себя рефлексія; но это есть свойство. Послѣднее не есть такимъ образомъ снятое въ вещи или просто ея моментъ; но вещь въ дѣйствительнести есть лишь тотъ несущественный объемъ, который представляетъ собою, правда, отрицательное единство, но лишь какъ одно въ нѣчто, именно какъ непосредственное одно. Если ранѣе вещь была опредѣлена, какъ несущественный объемъ въ томъ смыслѣ, что она стала таковымъ черезъ внѣшнее отвлеченіе, отбрасывающее ея свойство, то теперь это отвлеченіе произошло черезъ переходъ вещи въ себѣ въ самое свойство, но съ обратнымъ значеніемъ, такъ что если первому отвлеченію предпосылалась отвлеченная вещь безъ ея свойства, еще какъ существенное, свойство же, — какъ нѣкоторое внѣшнее опредѣленіе, то теперь вещь, какъ таковая, опредѣлилась черезъ себя саму, какъ безразличная внѣшняя форма свойства. Тѣмъ самымъ послѣднее теперь освобождено отъ того неопредѣленнаго и безсильнаго соединенія, которое есть одно вещи; свойство есть то, что составляетъ устойчивость вещи,—самостоятельная матерія. Такъ какъ оно есть простая непрерывность съ собою, то она имѣетъ ближайшимъ образомъ форму лишь различія въ немъ; поэтому даны многообразныя также самостоятельныя матеріи, и вещь состоитъ изъ нихъ.

B.

Составъ вещи изъ матерій.

Переходъ свойства въ нѣкоторую матерію или въ самостоятельное вещество (Stoff) есть тотъ извѣстный переходъ, который по отношенію къ чувственной матеріи дѣлается химіею, когда она пытается изобразить свойства цвѣта, запаха, вкуса и т. д., какъ свѣтовое, цвѣтное, пахучее, кислое, горькое и т. д. вещества, или прямо принимаетъ другія вещества, какъ теплородъ, электрическую, магнетическую матерію, и питаетъ убѣжденіе въ томъ, что она, такимъ образомъ, вступаетъ въ общеніе со свойствами въ ихъ подлинности. Столь же общеупотребительно выраженіе, что вещи состоятъ изъ различныхъ матерій или веществъ. Остерегаются называть эти матеріи или вещества вещами; хотя еще и допускается, что, напримѣръ, пигментъ есть нѣкоторая вещь, но мнѣ неизвѣстно, чтобы, напримѣръ, называли также вещами свѣтовое или тепловое вещество или электрическую матерію и т. д. Различаютъ вещи и ихъ составныя части, не указывая точно, суть ли послѣднія и въ какой мѣрѣ вещи или хотя бы полувещи; но во всякомъ случаѣ онѣ суть по меньшей мѣрѣ осуществленныя.

Необходимость перейти отъ свойствъ къ матеріямъ или признать, что свойства суть поистинѣ матеріи, выяснилась изъ того, что свойства суть существенное и потому истинно самостоятельные въ вещахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, рефлексія въ себя свойства есть лишь одна сторона полной рефлексіи,—именно снятіе различенія и непрерывность съ самимъ собою свойства, которое должно быть осуществленіемъ для другого. Вещность, какъ отрицательная рефлексія въ себя и оттолкнувшее себя отъ другого различеніе, понижается тѣмъ самымъ въ несущественный моментъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ тѣмъ самымъ опредѣляется далѣе. Этотъ отрицательный моментъ, во-первыхъ, сохранился, ибо свойство лишь постольку стало непрерывною съ собою и самостоятельною матеріею, поскольку снято различеніе вещей; такимъ образомъ, непрерывность свойства въ его инобытіи сама содержитъ въ себѣ моментъ отрицательнаго, и его (свойства) самостоятельность есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отрицательное единство, возстановленное нѣчто вещности, отрицательная самостоятельность въ противоположность положительной самостоятельности вещества. Во-вторыхъ, вещь тѣмъ самымъ изъ состоянія неопредѣленности достигла полной опредѣленности. Какъ вещь въ себѣ, она есть отвлеченное тожество, просто отрицательное осуществленіе или опредѣляется, какъ неопредѣленное; теперь же она опредѣляется своими свойствами, которыми она должна отличаться отъ другихъ; но такъ какъ она черезъ свойство скорѣе непрерывна съ другими, то это неполное отличеніе снимается; тѣмъ самымъ вещь возвратилась въ себя и опредѣлена, какъ опредѣленная; она есть опредѣленное въ себѣ или эта вещь.

Но, въ-третьихъ, хотя этотъ возвратъ въ себя есть относящееся къ себѣ опредѣленіе, но послѣднее вмѣстѣ съ тѣмъ несущественно; непрерывная съ собою устойчивость образуетъ самостоятельную матерію, въ которой различеніе вещей, ихъ въ себѣ и для себя сущая опредѣленность снята и есть нѣчто внѣшнее. Вещь, какъ эта, есть, такимъ образомъ, хотя и полная опредѣленность, но это есть неопредѣленность въ элементѣ несущественности.

Разсматриваемое со стороны движенія свойства сказанное выводится такъ. Свойство есть не только внѣшнее опредѣленіе, но сущее въ себѣ осуществленіе. Это единство внѣшности и существенности, поскольку въ немъ содержится рефлексія въ себя и рефлексія въ другое, отталкиваетъ себя отъ себя самого и есть, съ одной стороны, опредѣленіе, какъ простое тожественно себѣ относящееся къ себѣ самостоятельное, въ которомъ отрицательное единство, одно вещи, есть снятое; съ другой стороны—это же опредѣленіе въ противоположность другому, но также какъ рефлектированное въ себя, опредѣленное въ себѣ одно; такимъ образомъ, съ одной стороны, матеріи, съ другой — эта вещь. Таковы два момента тожественной себѣ внѣшности или рефлектированнаго въ себя свойства. Свойство было тѣмъ, чѣмъ вещи должны были отличаться между собою; такъ какъ оно освободилось отъ этой его отрицательной стороны, отъ того, чтобы быть присущимъ другому, то тѣмъ самымъ и вещь освободилась отъ ея опредѣленія другими вещами и возвратилась въ себя изъ отношенія къ другому; но она есть вмѣстѣ съ тѣмъ лишь ставшая

себѣ другою вещь въ себѣ, такъ какъ многообразныя качества стали съ своей стороны самостоятельными, а тѣмъ самымъ и ихъ отрицательное отношеніе стало внутри „одного" вещей лишь снятымъ; поэтому она есть тожественное себѣ отрицаніе лишь въ противоположность положительной непрерывности вещества.

Такимъ образомъ, это составляетъ полную опредѣленность вещи въ томъ смыслѣ, что эта опредѣленность есть вмѣстѣ съ тѣмъ лишь внѣшняя. Вещь состоитъ изъ самостоятельныхъ матерій, безразличныхъ къ ихъ отношенію внутри вещи. Потому это отношеніе есть лишь ихъ несущественная связь, и отличеніе одной вещи отъ другой сводится къ тому, находятся ли въ ней различныя матеріи и въ какомъ количествѣ. Онѣ выходятъ изъ этой вещи, продолжаются въ другихъ, и принадлежность ихъ этой вещи не служитъ для нихъ никакимъ предѣломъ.

Столь же мало служатъ онѣ ограниченіемъ одна другой, такъ какъ ихъ отрицательное отношеніе есть лишь безсильное „это". Поэтому ихъ связь въ немъ не приводитъ къ ихъ снятію; какъ самостоятельныя, онѣ непроницаемы одна для другой, относятся въ своей опредѣленности лишь къ себѣ, а одна противъ другой суть безразличное многообразіе устойчивости; онѣ способны лишь къ количественному ограниченію. Вещь, какъ эта, есть просто это ея количественное отношеніе, простое собраніе, состоящее также изъ такихъ же. Она состоитъ изъ нѣкотораго опредѣленнаго количества одного вещества, также изъ опредѣленнаго количества другого, также другихъ; эта связь, которая сводится къ отсутствію связи, единственно и составляетъ вещь.

C.

Разложеніе вещи.

Эта вещь, опредѣлившая себя, какъ просто количественная связь свободныхъ веществъ, совершенно измѣнчива. Ея измѣненіе состоитъ въ томъ, что одна или многія матеріи выдѣляются изъ этой совокупности, или присоединяются къ этому также, или что взаимное отношеніе ихъ количествъ измѣняется. Происхожденіе и уничтоженіе этой вещи есть внѣшнее разложеніе ея внѣшняго сочетанія или сочетаніе того, чему безразлично быть или не быть сочетаннымъ. Вещества неудержимо выходятъ изъ этой вещи или входятъ въ нее; она сама есть абсолютная пористость безъ собственной мѣры или формы.

Такимъ образомъ, вещь въ ея абсолютной опредѣленности, какъ эта, совершенно разложима. Это разложеніе есть нѣкоторое внѣшнее опредѣленіе, равно какъ и бытіе вещи; но ея разложеніе и внѣшность ея бытія есть существенное въ этомъ бытіи; она есть лишь „также"; она состоитъ лишь въ этой внѣшности. Но она состоитъ также изъ своихъ матерій, и не тольно отвлеченное это, какъ таковое, но вся эта вещь есть разложеніе себя самой. А именно вещь опредѣлена, какъ внѣшняя совокупность самостоятельныхъ матерій; эти матеріи не суть вещи, онѣ не имѣютъ отрицательной самостоятельности,

но суть свойства, какъ самостоятельное, именно какъ опредѣленность, рефлектированная, какъ таковая, въ себя. Поэтому хотя матеріи просты и относятся лишь къ самимъ себѣ, но ихъ содержаніе есть нѣкоторая опредѣленность; рефлексія въ себя есть лишь форма этого содержанія, которое, какъ таковое, не рефлектировано въ себя, но по своей опредѣленности относится къ другому, Поэтому вещь есть не только также совокупность такихъ же, отношеніе ихъ, какъ взаимо-безразличныхъ, но равнымъ образомъ, ихъ отрицательное отношеніе; по ихъ опредѣленности матеріи сами суть эта ихъ отрицательная рефлексія, составляющая пунктуальность вещи. Одна матерія не есть то же, что есть другая, по взаимной опредѣленности ихъ содержанія; и по ихъ самостоятельности одна не есть, поскольку есть другая.

Поэтому, вещь есть такое взаимное отношеніе матерій, изъ которыхъ она состоитъ, что въ немъ состоятъ также одна и другая, но что вмѣстѣ съ тѣмъ одна не состоитъ, поскольку состоитъ другая. Поскольку, слѣдовательно, въ вещи есть одна матерія, другая тѣмъ самымъ снимается; но вещь есть вмѣстѣ съ тѣмъ также или состояніе другихъ. Поэтому въ состояніи одной матеріи другая не состоитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя также состоитъ въ первой; и такъ относятся взаимно всѣ эти различныя матеріи. Такъ какъ поэтому въ томъ же смыслѣ, въ какомъ состоитъ одна, состоятъ и другія, въ каковомъ одномъ ихъ состояніи и заключается пунктуальность или отрицательное единство вещи, онѣ совершенно проникаютъ одна другую; а такъ какъ вещь вмѣстѣ съ тѣмъ есть также ихъ совокупность, и матеріи рефлектированы въ ихъ опредѣленности, то онѣ взаимно безразличны и въ своемъ проникновеніи не соприкасаются. Поэтому матеріи по существу пористы, такъ что одна существуетъ въ порахъ или въ несуществованіи другихъ; но эти другія также пористы; въ ихъ порахъ или ихъ несуществованіи существуютъ также и первая, и всѣ прочія; ихъ устойчивость есть вмѣстѣ ихъ снятіе и устойчивость другихъ; и эта устойчивость другихъ есть, равнымъ образомъ, ихъ снятіе и устойчивость первой, а также и всѣхъ прочихъ. Поэтому вещь есть самопротиворѣчащее опосредованіе съ собою самостоятельной устойчивости черезъ ея противоположность, именно черезъ ея отрицаніе, или одной самостоятельной матеріи черезъ устойчивость и неустойчивость другой. Осуществленіе достигло въ этой вещи своей полноты, будучи въ одномъ и томъ же и сущимъ въ себѣ бытіемъ или самостоятельною устойчивостью, и несущественнымъ осуществленіемъ; истина осуществленія состоитъ поэтому въ томъ, чтобы имѣть свое бытіе въ себѣ въ несущественности или свою устойчивость въ другомъ и именно въ абсолютно-другомъ, иначе, имѣть своею основою свое уничтоженіе (Nichtigkeit). Поэтому оно есть явленіе.

Примѣчаніе. Одно изъ обычнѣйшихъ опредѣленій представленія заключается въ томъ, что вещь состоитъ изъ многихъ самостоятельныхъ матерій. Съ одной стороны, вещь разсматривается такъ, что она имѣетъ свойства, устойчивость которыхъ и есть вещь. Съ другой стороны, эти различныя опредѣленія принимаются за матеріи, относительно которыхъ вещь

не есть нѣчто устойчивое, но, наборотъ, вещь состоитъ изъ нихъ; она сама есть лишь ихъ внѣшнее сочетаніе и количественная граница. То и другое, свойства и матеріи, суть одни и тѣ же опредѣленія содержанія, но тамъ они суть лишь моменты, рефлектированные въ ихъ отрицательное единство, какъ въ отличную отъ нихъ самихъ основу, въ вещность, а здѣсь — самостоятельно различныя, каждое рефлектированное въ свое собственное единство съ собою.

Эти матеріи опредѣляютъ себя далѣе, какъ самостоятельную устойчивость; но онѣ суть также вмѣстѣ въ нѣкоторой вещи. Эта вещь имѣетъ два опредѣленія, во-первыхъ, она есть это, а во-вторыхъ — также. Также есть то, что во внѣшнемъ воззрѣніи выступаетъ, какъ пространственное протяженіе; а это, отрицательное единство, есть пунктуальность вещи. Матеріи суть вмѣстѣ въ пунктуальности, и ихъ также, или протяженность, есть во всякомъ случаѣ эта же пунктуальность; ибо также, какъ вещность, опредѣляется также по существу, какъ отрицательное единство. Гдѣ, поэтому, есть одна изъ этихъ матерій, въ той же самой точкѣ есть и другая; вещь не имѣетъ въ одномъ мѣстѣ своего цвѣта, въ другомъ — своего запаха, въ третьемъ — своей теплоты и т. д., но въ той точкѣ, въ которой она тепла, она также имѣетъ цвѣтъ, кисла, электризована и т. д. А такъ какъ эти вещества находятся не внѣ одно другого, а въ одномъ этомъ, то они принимаются за пористыя, такъ что одно существуетъ въ промежуткахъ другого. Но то изъ нихъ, которое находится въ промежуткахъ другого, само пористо; поэтому другое существуетъ, наоборотъ, въ его порахъ, и не только оно, но и третье, десятое и т. д. Всѣ пористы, и въ промежуткахъ каждаго находятся всѣ другія также, какъ и оно находится со всѣми другими въ этихъ порахъ каждаго изъ нихъ. Поэтому они суть нѣкоторое множество, такъ взаимно проникающее себя, что вмѣстѣ съ тѣмъ каждое проникаетъ свое собственное проникновеніе. Каждое положено, какъ его отрицаніе, и это отрицаніе есть устойчивость другого; но эта устойчивость есть равнымъ образомъ отрицаніе этого другого и устойчивость перваго.

Уловка, при помощи которой представленіе отстраняетъ противорѣчіе самостоятельной устойчивости многихъ матерій въ одномъ и томъ же или ихъ взаимное безразличіе при ихъ проникновеніи, состоитъ, какъ извѣстно, въ признаніи малой величины частей и поръ. Тамъ, гдѣ выступаетъ отличеніе въ себѣ, противорѣчіе и отрицаніе отрицанія, вообще тамъ, гдѣ является требованіе понять, представленіе впадаетъ во внѣшнее, количественное отличеніе; по отношенію къ происхожденію и уничтоженію оно прибѣгаетъ къ постепенности, а по отношенію къ бытію къ малости, при чемъ исчезающее превращается въ незамѣтное, противорѣчіе въ смѣшеніе понятій и истинное отношеніе въ игру неопредѣленнаго представленія, смутность котораго спасаетъ его отъ снятія себя.

При ближайшемъ освѣщеніи этой смутности она оказывается противорѣчіемъ, отчасти субъективнымъ противорѣчіемъ представленія, отчасти объективнымъ — предмета; самое представленіе содержитъ въ себѣ вполнѣ его элементы. А

именно то, что оно, во-первыхъ, дѣлаетъ само, есть противорѣчіе, состоящее въ томъ, что оно держится за воспріятіе и стремится имѣть передъ собою существующія вещи, а съ другой стороны, приписываетъ невоспринимаемому, опредѣленному черезъ рефлексію, чувственное существованіе; малыя части и поры должны быть вмѣстѣ и чувственннымъ существованіемъ, и о ихъ положеніи говорится, какъ о томъ же родѣ реальности, которая присуща цвѣту, теплотѣ и т. д. Если бы далѣе представленіе разсмотрѣло ближе этотъ предметный туманъ, поры и малыя частицы, то оно признало бы въ немъ не только нѣкоторую матерію, а также ея отрицаніе, такъ что здѣсь оказалась бы матерія, а рядомъ ея отрицаніе, пора, рядомъ же съ послѣдней опять матерія и т. д., но нашло бы въ этой вещи 1, самостоятельную матерію, 2, ея отрицаніе или пористость и другую самостоятельную матерію въ одной и той же точкѣ, такъ что эта пористость и самостоятельная устойчивость матерій одной въ другихъ, какъ въ одномъ, есть взаимное отрицаніе и проникновеніе проникновенія. Новѣйшія физическія изложенія распространенія водяныхъ паровъ въ атмосферномъ воздухѣ и взаимнаго распространенія газовъ, опредѣленнѣе выдвигаютъ одну сторону получающагося здѣсь понятія о природѣ вещей. А именно, они показываютъ, что, напримѣръ, извѣстный объемъ принимаетъ одинаковое количество водяного пара, все равно, свободенъ ли первый отъ атмосфернаго воздуха или наполненъ имъ; также, что различные газы распространяются одинъ въ другомъ такъ, какъ бы каждый по отношенію къ другому былъ пустотою; по крайней мѣрѣ, если они не вступаютъ между собою въ химическое соединеніе, то каждый остается непрерывнымъ съ собою въ своемъ распространеніи черезъ другой; и что въ своихъ взаимныхъ проникновеніяхъ они относятся одинъ къ другому безразлично. Но дальнѣйшій моментъ въ понятіи вещи состоитъ въ томъ, что въ этой вещи одна матерія находится тамъ же, гдѣ и другая, и что проникающее въ той же самой точкѣ есть и проникаемое, или, что самостоятельное есть непосредственно самостоятельность и нѣкотораго другого. Это противорѣчиво, но вещь есть не что иное, какъ это самое противорѣчіе; поэтому она есть явленіе.

То же самое, что имѣетъ мѣсто относительно этихъ матерій, имѣетъ мѣсто и въ области духа относительно душевныхъ силъ или душевныхъ способностей. Духъ есть въ гораздо болѣе глубокомъ смыслѣ это, отрицательное единство, въ которомъ его опредѣленія проникаютъ одно другое. Но представляемый, какъ душа, онъ часто принимается за вещь. Какъ человѣка вообще считаютъ состоящимъ изъ души и тѣла, изъ коихъ каждая считается самостоятельною для себя, также и душу считаютъ состоящею изъ такъ называемыхъ душевныхъ силъ, каждая изъ которыхъ имѣетъ самостоятельность для себя или есть непосредственно для себя по своей опредѣленности дѣйствующая дѣятельность. Дѣло представляется такъ, что здѣсь дѣйствуетъ для себя разсудокъ, тамъ сила воображенія, что можно упражнять разсудокъ, память и т. д. каждые для себя, и въ потребныхъ случаяхъ оставлять другія силы въ такомъ же бездѣйствіи, какъ лѣвую руку, пока до нихъ дойдетъ, а

можетъ быть, и вовсе не дойдетъ очередь. Такъ какъ онѣ перемѣщаются въ въ матеріально-простую душевную вещь, которая признается просто нематеріальною, то способности, правда, не представляются какъ отдѣльныя матеріи; но какъ силы, онѣ признаются столь же взаимно безразличными, какъ и эти матеріи. Но духъ не есть такое же противорѣчіе, какъ вещь, которая разлагается и переходитъ въ явленіе; онъ есть уже въ себѣ самомъ перешедшее въ свое абсолютное единство, т.-е. въ понятіе, противорѣчіе, въ коемъ различенія должны быть мыслимы, уже не какъ самостоятельныя, а какъ отдѣльные моменты субъекта, простой индивидуальности.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Явленіе.

Осуществленіе есть непосредственность бытія, къ которой вновь возстановила себя сущность. Эте непосредственность есть въ себѣ рефлексія сущности въ себя. Сущность, какъ осуществленіе, выступила изъ своего основанія, которое само перешло въ нее. Осуществленіе есть рефлектированныя непосредственность, поскольку оно въ немъ самомъ есть абсолютная отрицательность. Теперь оно положена, какъ послѣдняя, такъ какъ она опредѣлила себя, какъ явленіе.

Явленіе есть поэтому, ближайшимъ образомъ, сущность въ своемъ осуществленіи; сущность непосредственно въ немъ дана. Что явленіе есть не непосредственное, а рефлектированное осуществленіе, это есть въ немъ моментъ сущности; или, иначе, осуществленіе, какъ существенное осуществленіе, есть явленіе.

Нѣчто есть только явленіе—въ томъ смыслѣ, что осуществленіе, какъ таковое, есть лишь положенное, а не сущее въ себѣ и для себя. Въ этомъ состоитъ его существенность, именно въ томъ, чтобы имѣть въ немъ самомъ отрицательность рефлексіи, природу сущности. Это не есть нѣкоторая чуждая, внѣшняя рефлексія, къ которой принадлежала бы сущность, и которая объявляла бы осуществленіе черезъ сравненіе его съ сущностью за явленіе; но, какъ выяснилось, эта существенность осуществленія, состоящая въ томъ, чтобы быть явленіемъ, есть собственная истина осуществленія. Рефлексія, черезъ кокоторое оно таково, принадлежитъ ему самому.

Но если говорится, что нѣчто есть только явленіе, въ томъ смыслѣ, какъ бы истина состояла въ противоположномъ ему непосредственномъ осуществленіи, то, напротивъ, явленіе должно быть признано за высшую истину; ибо явленіе есть существенное осуществленіе, какъ, наоборотъ, осуществленіе есть еще несущественное явленіе; ибо осуществленіе имѣетъ въ себѣ лишь одинъ изъ моментовъ явленія, именно есть осуществленіе, какъ непосредственное, еще не какъ отрицательная рефлексія явленія. Если явленіе называется несущественнымъ, то моментъ его отрицательности мыслится

такъ, какъ будто въ противоположность ему непосредственное было положительнымъ и истиннымъ; между тѣмъ, это непосредственное не содержитъ еще въ немъ самомъ существенной истины. Осуществленіе, напротивъ, перестаетъ быть несущественнымъ, переходя въ явленіе.

Сущность, прежде всего, имѣетъ видимость внутри себя самой, въ своемъ простомъ тожествѣ; такимъ образомъ, она есть отвлеченная рефлексія, чистое движеніе ничто черезъ ничто къ себѣ самому. Когда же сущность является, то она есть реальная видимость, поскольку моменты видимости осуществлены. Явленіе есть, какъ выяснилось, вещь, какъ отрицательное опосредованіе ея съ самою собою; содержащіяся въ ней различенія суть самостоятельныя матеріи, противорѣчіе которыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ непосредственно устойчивы и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ свою устойчивость лишь въ чуждой имъ самостоятельности, т.-е. въ отрицаніи собственной устойчивости, и опять-таки именно потому только въ отрицаніи этой чуждой самостоятельности или въ отрицаніи своего собственнаго отрицанія. Видимость есть такое же опосредованіе, но его неустойчивые моменты имѣютъ въ явленіи видъ непосредственной самостоятельности. Напротивъ, непосредственная самостоятельность, присущая осуществленію, съ своей стороны, понижается въ моментъ. Явленіе есть поэтому единство видимости и осуществленія.

Явленіе опредѣляетъ себя теперь ближе. Оно есть существенное осуществленіе; существенность послѣдняго отличаетъ себя отъ него, какъ несущественнаго, и обѣ эти стороны вступаютъ во взаимное отношеніе. Поэтому явленіе есть, во-первыхъ, простое тожество съ собою, содержащее въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ различныя опредѣленія содержанія, остающіяся, равно какъ и ихъ отношеніе, равными себѣ въ смѣнѣ явленія; законъ явленія.

Но, во-вторыхъ, простой въ своемъ различіи законъ переходитъ въ противоположность; существенное явленія противополагается самому явленію, и въ противоположность являющемуся міру выступаетъ сущій въ себѣ міръ.

Въ-третьихъ, эта противоположность возвращается въ свое основаніе; сущее въ себѣ опредѣлилось въ явленіи, и, наоборотъ, являющееся опредѣлилось, какъ принятое въ свое бытіе въ себѣ; явленіе становится отношеніемъ [1]).

A.

Законъ явленія.

1. Явленіе есть осуществленное, опосредованное черезъ свое отрицаніе, которое составляетъ его устойчивость. Хотя это его отрицаніе есть другое самостоятельное, но послѣднее есть равнымъ образомъ по существу снятое. Поэтому осуществленное есть возвратъ себя въ себя само черезъ свое отрицаніе и черезъ отрицаніе этого своего отрицанія; оно обладаетъ поэтому существенною самостоятельностью, равно какъ оно есть также непосредственно просто положеніе, имѣющее свою устойчивость въ нѣкоторомъ осно-

[1]) Терминъ „отношеніе", конечно, имѣетъ здѣсь иной смыслъ, чѣмъ въ категоріи количества.—*Прим. перев.*

ваніи и нѣкоторомъ другомъ. Такимъ образомъ, явленіе есть, во-первыхъ, осуществленіе вмѣстѣ съ существенностью послѣдняго, положенія съ его основаніемъ; но это основаніе есть отрицаніе, а другое самостоятельное, основаніе перваго, есть также лишь положеніе. Иначе сказать, осуществленное, какъ являющееся, рефлектировано въ другое и имѣетъ его своимъ основаніемъ, которое само состоитъ лишь въ томъ, чтобы быть рефлектированнымъ въ другое. Присущая ему существенная самостоятельность, поскольку оно есть возвратъ въ себя само, есть въ виду отрицательности моментовъ возвратъ въ себя ничто черезъ ничто, черезъ себя само; самостоятельность осуществленнаго есть поэтому лишь существенная видимость. Связь взаимно обусловливающихъ себя осуществленныхъ состоитъ поэтому въ этомъ взаимномъ отрицаніи, въ томъ, что устойчивость одного есть не устойчивость другого, а его положеніе, и это его отношеніе, какъ положенія, составляетъ единственно его устойчивость. Основаніе дано такъ, какъ оно есть въ своей истинѣ, именно какъ первое, которое есть только предположенное.

Въ этомъ заключается отрицательная сторона явленія. Но въ этомъ отрицательномъ опосредованіи непосредственно содержится положительное тожество осуществленнаго съ собою. Ибо оно не есть положеніе въ противоположность существенному основанію или видимость въ чемъ-либо самостоятельномъ, но положеніе, относящееся къ нѣкоторому положенію или видимость въ нѣкоторой видимости. Въ этомъ своемъ отрицаніи или въ своемъ другомъ, которое само есть нѣчто снятое, оно относится къ себѣ самому, есть, слѣдовательно, тожественная себѣ или положительная существенность. Это тожественное есть не непосредственность, присущая осуществленію, какъ таковая, а состоящая лишь въ томъ несущественномъ, что оно имѣетъ свою устойчивость въ нѣкоторомъ другомъ. Оно есть существенное содержаніе явленія, имѣющее двѣ стороны, во-первыхъ, форму положенія или внѣшней непосредственности, во-вторыхъ, положенія, какъ тожественнаго себѣ. По первой сторонѣ оно есть существованіе, но случайное, несущественное, подлежащее по своей непосредственности переходу, происхожденію и прехожденію. По второй сторонѣ оно есть простое чуждое всякой смѣнѣ опредѣленіе содержанія, то, что сохраняется въ послѣднемъ.

Независимо отъ того, что это содержаніе есть вообще простое въ преходящемъ, оно есть также опредѣленное, внутри себя различное содержаніе. Оно есть рефлексія въ себя явленія, отрицательнаго существованія, поэтому содержитъ въ себѣ опредѣленность по существу. Явленіе есть сущее многообразное различіе, сбросившее себя въ несущественное многообразіе; напротивъ, его рефлектированное содержаніе есть его многообразіе, сведенное къ простому различенію. А именно опредѣленное существенное содержаніе ближайшимъ образомъ не только опредѣлено вообще, но есть, какъ существенное въ явленіи, полная опредѣленность, — одно и его другое. Въ явленіи его устойчивость есть въ другомъ такъ, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть его неустойчивость. Это противорѣчіе снимается, и рефлексія его въ себя есть такое тожество его двухсторонняго существованія, что положеніе одного

есть также положеніе другого. Они образуютъ одну устойчивость, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ различное, взаимно безразличное содержаніе. Въ существенной сторонѣ явленія тѣмъ самымъ отрицательное несущественнаго содержанія, его снятіе себя, перешло въ тожество; оно есть безразличная устойчивость, которая есть не снятіе, но скорѣе устойчивость другого.

Это единство есть законъ явленія.

2. Законъ есть, такимъ образомъ, положительное въ опосредованіи явленія. Явленіе есть ближайшимъ образомъ осуществленіе, какъ отрицательное опосредованіе съ собою, такъ что осуществленное опосредывается съ собою черезъ свою собственную неустойчивость, черезъ другое и опять-таки черезъ неустойчивость этого другого. Въ этомъ заключается, во-первыхъ, простая видимость и исчезаніе того и другого, несущественное явленіе; во-вторыхъ, также его сохраненіе или законъ; ибо то и другое осуществляется въ этомъ снятіи другого; и положеніе явленія, какъ и его отрицательность, есть вмѣстѣ тожественное, положительное положеніе его.

Эта сохраняющаяся устойчивость, обладаемая явленіемъ въ законѣ, тѣмъ самымъ, какъ она опредѣлила себя, во-первыхъ противоположна непосредственности бытія, присущей осуществленію. Хотя эта непосредственность въ себѣ есть рефлектированное, именно возвратившееся въ себя основаніе, но въ явленіи различены эта простая отъ рефлектированной непосредственности, которыя впервые начали раздѣляться въ вещи. Осуществленная вещь стала въ своемъ разложеніи этою противоположностью; положительное въ ея разложеніи есть это тожество съ собою являющагося, какъ положенія, въ своемъ другомъ положеніи. Во-вторыхъ, эта рефлектированная непосредственность сама опредѣлена, какъ положеніе, въ противоположность сущей непосредственности осуществленія. Это положеніе есть теперь существенное и истинно положительное. Нѣмецкое названіе закона (Gesetz) также содержитъ въ себѣ это опредѣленіе. Въ этомъ положеніи заключается существенное отношеніе обѣихъ сторонъ содержащагося въ законѣ отличенія; онѣ суть различное противоположное непосредственное содержаніе, и суть послѣднее, какъ рефлексія принадлежащаго явленію исчезающаго содержанія. Въ существенномъ различіи различаемыя суть простыя относящіяся къ себѣ опредѣленія содержанія. Но равнымъ образомъ, ни одно изъ нихъ не непосредственно для себя, но каждое есть по существу положеніе, т.-е. есть лишь постольку, поскольку есть другое.

Въ-третьихъ, явленіе и законъ имѣютъ одно и то же содержаніе. Законъ есть рефлексія явленія въ тожество съ собою; такимъ образомъ, явленіе противостоитъ, какъ уничтоженное (das nichtige) непосредственное, рефлектированному въ себя, и они различаются по этой формѣ. Но рефлексія явленія, въ силу которой оно есть различеніе, есть также существенное тожество самого явленія и его рефлексіи, въ чемъ вообще и состоитъ природа рефлексіи; она есть тожественное съ собою въ положеніи и безразлична къ тому различенію, которое есть форма или положеніе,—слѣдовательно, нѣкоторое содержаніе, непрерывно продолжающееся изъ явленія въ законъ, содержаніе и закона, и явленія.

Это содержаніе образуетъ тѣмъ самымъ основу явленія; законъ есть эта самая основа, явленіе имѣетъ одинаковое съ нимъ содержаніе, но содержитъ въ себѣ еще болѣе, именно несущественное содержаніе своего непосредственнаго бытія. А именно, и опредѣленіе формы, коимъ явленіе, какъ таковое, отличается отъ закона, есть также нѣкоторое содержаніе и также отлично отъ содержанія закона. Ибо осуществленіе, какъ непосредственность, есть вообще также тожество между собою матеріи и формы, которое безразлично къ своимъ опредѣленіямъ формы и потому есть содержаніе; оно есть вещность со своими свойствами и матеріями. Но оно есть такое содержаніе, самостоятельная непосредственность котораго есть вмѣстѣ лишь неустойчивость. Но его тожество съ собою въ этой своей неустойчивости есть другое, существенное содержаніе.. Это тожество, основа явленія или законъ, есть собственный моментъ явленія, та положительная сторона существенности, черезъ которую осуществленіе есть явленіе.

Поэтому законъ не потустороненъ явленію, но непосредственно присущъ послѣднему; царство законовъ есть покоящійся образъ осуществляющагося или являющагося міра. Но правильнѣе сказать, что оба составляютъ одно цѣлое, и что осуществленный міръ самъ есть царство законовъ, которое, какъ простое тожественное, вмѣстѣ съ тѣмъ тожественно себѣ и въ положеніи или въ саморазлагающейся самостоятельности осуществленія. Осуществленіе возвращается въ законъ, какъ въ свое основаніе; явленіе содержитъ въ себѣ то и другое, простое основаніе и разлагающее движеніе являющейся вселенной, существенность котораго оно составляетъ.

3. Законъ есть, такимъ образомъ, существенное явленіе; онъ есть рефлексія послѣдняго въ себя въ его (явленія) положеніи, тожественное содержаніе себя и несущественнаго осуществленія. Но, во-первыхъ, это тожество закона съ его осуществленіемъ есть лишь непосредственное простое тожество, и законъ безразличенъ къ своему осуществленію; явленіе имѣетъ еще иное содержаніе кромѣ содержанія закона. Первое содержаніе, правда, несущественно и есть возвратъ въ послѣднее; но для закона оно первое и не положено этимъ вторымъ содержаніемъ; поэтому, какъ содержаніе, первое внѣшнимъ образомъ связано съ закономъ. Явленіе есть множество ближайшихъ опредѣленій, принадлежащихъ этому или конкретному и не содержащихся въ законѣ, но опредѣленныхъ черезъ нѣкоторое другое. Во-первыхъ, то, что явленіе содержитъ въ себѣ различнаго отъ закона, опредѣлило себя, какъ нѣчто положительное или какъ нѣкоторое другое содержаніе; но оно есть существенно нѣчто отрицательное; оно есть присущія явленію форма и ея движеніе, какъ таковое. Царство законовъ есть покоящееся содержаніе явленія; явленіе же есть то же самое содержаніе, но представляющееся въ безпокойной смѣнѣ и какъ рефлексія въ другое. Явленіе есть законъ, какъ отрицательное совершенно измѣнчивое осуществленіе, движеніе перехода въ противоположное, снятіе себя и возвратъ въ единство. Этой стороны безпокойной формы или отрицательности нѣтъ въ законѣ; поэтому явленіе есть относительно закона полнота, ибо оно содержитъ въ себѣ законъ и еще болѣе—именно моментъ самодвижущейся формы. Этотъ недостатокъ присущъ, въ-третьихъ, закону такъ, что содержаніе

закона есть прежде всего лишь нѣчто различное и тѣмъ самымъ безразличное къ себѣ; поэтому взаимное тожество его сторонъ есть лишь непосредственное и потому внутренее или еще не необходимое. Въ законѣ соединены, какъ существенныя, два опредѣленія содержанія (напр., въ законѣ паденія тѣлъ величины пространства и времени: пройденныя пространства относятся между собою, какъ квадраты протекшихъ временъ); они суть какъ соединенныя; это отношеніе есть лишь непосредственное. Поэтому оно есть также лишь нѣчто положенное, такъ какъ вообще въ явленіи непосредственное получаетъ значеніе положенія. Существенное единство обѣихъ сторонъ закона было бы ихъ отрицательностью, состоящею въ томъ, что одна въ ней самой содержала бы другую; но это существенное единство еще не выступаетъ въ законѣ (такъ въ понятіи пройденнаго въ паденіи пространства не содержится того, что ему соотвѣтствуетъ, именно квадратъ времени. Такъ какъ паденіе есть чувственно-воспринимаемое движеніе, то оно есть отношеніе времени и пространства; но, во-первыхъ, въ самомъ опредѣленіи времени—т.-е. какъ время взято по его представленію—не дано, что оно относится къ пространству, и, наоборотъ; говорится, что время можно вполнѣ удобно представлять себѣ безъ пространства и пространство—безъ времени; одно привходитъ, такимъ образомъ, къ другому внѣшнимъ образомъ, каковое внѣшнее отношеніе и есть движеніе. Во-вторыхъ, безразлично и ближайшее опредѣленіе, какую величину имѣетъ въ движеніи отношеніе между пространствомъ и временемъ. Законъ этого отношенія познается изъ опыта, и постольку онъ есть лишь непосредственный; для познанія требуется еще нѣкоторое доказательство, т.-е. опосредованіе того, что законъ не только имѣетъ мѣсто, но и необходимъ; самый законъ, какъ таковой, не содержитъ въ себѣ этого доказательства и своей объективной необходимости). Поэтому законъ есть лишь положительная существенность явленія, а не отрицательная, по которой опредѣленія содержанія суть моменты формы и, какъ таковые, переходятъ въ свое другое и въ нихъ самихъ суть равнымъ образомъ не они, а ихъ другое. Такимъ образомъ, хотя въ законѣ положеніе одной его стороны есть положеніе другой, но ея содержаніе безразлично къ этому отношенію, оно не содержитъ въ немъ самомъ этого положенія. Поэтому законъ есть, правда, существенная форма, но еще не есть рефлектированная въ ея сторонахъ, какъ содержаніе, реальная форма.

B.

Являющійся и сущій въ себѣ міръ.

1. Осуществленный міръ спокойно повышается до нѣкотораго царства законовъ; уничтоженное содержаніе многообразнаго существованія этого міра имѣетъ свою устойчивость въ нѣкоторомъ другомъ; поэтому его устойчивость есть его разложеніе. Но въ этомъ другомъ являющееся также совпадаетъ съ самимъ собою; такимъ образомъ, явленіе въ своемъ превращеніи есть также сохраненіе, и его положеніе есть законъ. Законъ есть это простое тожество себѣ

явленія, поэтому основа, а не основаніе послѣдняго; ибо онъ есть не отрицательное единство явленія, но, какъ его простое тожество, непосредственное, поскольку оно есть отвлеченное, единство, на-ряду съ которымъ поэтому имѣетъ мѣсто также и другое содержаніе явленія. Содержаніе есть это, связано внутри себя или имѣетъ свою отрицательную рефлексію внутри самого себя. Оно рефлектировано въ нѣчто другое; это другое само есть осуществленіе явленія; являющіяся вещи имѣютъ свои основанія и условія въ другихъ являющихся вещахъ.

Но въ дѣйствительности законъ есть также другое явленія, какъ такового, и отрицательная рефлексія послѣдняго, какъ бы въ его другомъ. Содержаніе явленія, различное отъ содержанія закона, есть осуществленное, имѣющее свою отрицательность своимъ основаніемъ или рефлектированное въ свое небытіе. Но это другое, которое есть также осуществленное, есть равнымъ образомъ такое же рефлектированное въ свое небытіе; оно есть, такимъ образомъ, то же самое, и являющееся въ дѣйствительности рефлектировано тутъ не въ другое, а въ себя; именно эта рефлексія положенія въ себя и есть законъ. Но какъ являющееся, онъ по существу рефлектированъ въ свое небытіе, и его тожество сама есть по существу также его отрицательность и его другое. Рефлексія въ себя явленія, законъ, есть, такимъ образомъ, также не только тожественная основа явленія, но имѣетъ въ немъ (законѣ) свою противоположность, и законъ есть отрицательное единство явленія.

Тѣмъ самымъ опредѣленіе закона въ немъ самомъ измѣняется. Ближайшимъ образомъ онъ есть лишь различное содержаніе и формальная рефлексія въ себя положенія, такъ что положеніе одной его стороны есть положеніе и другой. Но такъ какъ оно есть также отрицательная рефлексія въ себя, то обѣ его стороны относятся одна къ другой не только, какъ различныя, но и какъ отрицательныя. Или иначе, если разсматривать законъ только для себя, то стороны его содержанія взаимно безразличны; но равнымъ образомъ онѣ сняты черезъ свое тожество, стало быть, устойчивость каждой изъ нихъ есть неустойчивость ея самой. Это положеніе одной изъ нихъ въ другой есть ихъ отрицательное единство, и каждая изъ нихъ есть не только положеніе себя, но и также другой, или каждая сама есть это отрицательное единство. То положительное тожество, которое онѣ имѣютъ въ законѣ, какъ таковомъ, есть лишь ихъ внутреннее единство, требующее доказательства и опосредованія, такъ какъ это отрицательное единство еще не положено въ нихъ. Но поскольку различныя стороны закона теперь опредѣлены, какъ различныя въ ихъ отрицательномъ единствѣ или какъ такія, изъ коихъ каждая содержитъ свое другое въ себѣ самой и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ самостоятельное, отталкиваетъ отъ себя это свое инобытіе, то тожество закона есть теперь также положенное и реальное.

Такимъ образомъ, законъ тѣмъ самымъ пріобрѣлъ также недостававшій моментъ отрицательной формы своихъ сторонъ, моментъ, который ранѣе того принадлежалъ еще явленію; тѣмъ самымъ осуществленіе вполнѣ возвратилась въ себя и рефлектировало себя въ свое абсолютное сущее въ себѣ и для себя инобытіе; то, что было ранѣе закономъ, есть поэтому уже не одна изъ сто-

ронъ цѣлаго, другою стороною котораго было явленіе, какъ таковое, но само есть цѣлое. Оно есть существенная полнота явленія, такъ что хотя оно и содержитъ въ себѣ также и присущій еще ему моментъ несущественности, но какъ несущественность рефлектированную, сущую въ себѣ, т.-е. какъ существенную отрицательность. Законъ опредѣленъ вообще, какъ непосредственное содержаніе, отличенное отъ другихъ законовъ, и ихъ существуетъ неопредѣленное множество. Но такъ какъ онъ имѣетъ существенную отрицательность лишь въ немъ самомъ, то онъ уже не содержитъ въ себѣ такого лишь безразличнаго, случайнаго опредѣленія содержанія, а содержаніе его есть вообще всякая опредѣленность въ существенномъ, сдѣлавшемъ себя полнотою отношенія. Такимъ образомъ, рефлектированное въ себя явленіе есть теперь нѣкоторый міръ, который возвышается надъ являющимся міромъ, какъ сущій въ себѣ и для себя.

Царство законовъ содержитъ въ себѣ лишь простое, неизмѣнное, но разнообразное содержаніе осуществленнаго міра. Но поскольку оно есть полная рефлексія послѣдняго, оно содержитъ также моментъ несущественнаго многообразія міра. Этотъ моментъ измѣнчивости и измѣненія, какъ рефлектированный въ себя, существенный, есть абсолютная отрицательность или форма вообще, какъ такова, моменты которой имѣютъ, однако, въ сущемъ въ себѣ и для себя мірѣ реальность самостоятельнаго, хотя рефлектированнаго осуществленія; также какъ, наоборотъ, эта рефлектированная самостоятельность имѣетъ теперь форму въ ней самой, и тѣмъ самымъ ея содержаніе есть не только многообразное, а существенно связанное съ собою.

Этотъ въ себѣ и для себя сущій міръ называется также сверхчувственнымъ міромъ, поскольку осуществленный міръ опредѣляется, какъ чувственный, т.-е. какъ такой, который есть для воззрѣнія, для непосредственнаго отношенія къ нему сознанія. Сверхчувственный міръ также обладаетъ непосредственностью, осуществленіемъ, но осуществленіемъ рефлектированнымъ, существеннымъ. Сущность еще не имѣетъ существованія, но она есть, и въ болѣе глубокомъ смыслѣ, чѣмъ бытіе; вещь есть начало рефлектированнаго осуществленія; она есть непосредственность, еще не положенная, какъ существенная или рефлектированная; она не есть еще поистинѣ сущее непосредственное. Лишь какъ вещи другого сверхчувственнаго міра, вещи, положены, во-первыхъ, какъ истинно-осуществленныя, а, во-вторыхъ, какъ истинныя въ противоположность сущему; въ нихъ признается, что есть нѣкоторое бытіе, отличное отъ непосредственнаго бытія, истинно осуществленное. Съ одной стороны, въ этомъ опредѣленіи преодолѣвается чувственное представленіе, приписывающее осуществленіе лишь непосредственно чувствуемому и созерцаемому бытію; съ другой стороны—та безсознательная рефлексія, которая, правда, имѣетъ представленіе о вещахъ, силахъ, внутреннемъ и т. д., но не знаетъ, что эти опредѣленія суть не чувственная или сущая непосредственность, но рефлектированное осуществленіе.

2. Сущій въ себѣ и для себя міръ есть полнота осуществленія; нѣтъ ничего иного внѣ его. Но такъ какъ онъ въ немъ самомъ есть абсолютная

отрицательность или форма, то его рефлексія въ себя есть отрицательное отношеніе къ себѣ. Онъ содержитъ въ себѣ противоположность и отталкиваетъ себя внутрь себя, какъ существенный міръ, и внутрь же себя, какъ міръ инобытія или міръ явленій. Поэтому, такъ какъ онъ есть полнота, онъ есть лишь одна изъ ея сторонъ и въ этомъ опредѣленіи составляетъ въ противоположность міру явленій различную отъ него самостоятельность. Являющійся міръ имѣетъ въ существенномъ мірѣ свое отрицательное единство, въ которомъ первый уничтожается и возвращается въ свое основаніе. Далѣе, существенный міръ есть также полагающее основаніе являющагося міра; ибо, содержа въ себѣ абсолютную форму въ ея существенности, его тожество съ собою снимается, дѣлаетъ себя положеніемъ и, какъ эта положенная непосредственность, есть являющійся міръ.

Существенный міръ есть далѣе не только вообще основаніе являющагося міра, но его опредѣленное основаніе. Уже какъ царство законовъ, первый есть многообразное содержаніе, и именно существенное содержаніе являющагося міра, и, какъ содержательное основаніе, — опредѣленное основаніе другого, но лишь по этому содержанію; ибо являющійся міръ имѣлъ еще многообразное содержаніе, иное, чѣмъ содержаніе этого царства, такъ какъ этому міру былъ присущъ еще и отрицательный моментъ. Но такъ какъ царство законовъ имѣетъ этотъ моментъ также въ немъ, то оно есть полнота содержанія являющагося міра и основаніе всего его многообразія. Но существенный міръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніе являющагося міра и такимъ образомъ противоположный послѣднему міръ. А именно въ тожествѣ обоихъ міровъ, и поскольку одинъ по формѣ опредѣленъ, какъ существенный, а другой, хотя и тожественный ему, какъ положенный и несущественный, ихъ отношеніе основанія, правда, снова возстановляется, но оно возстановляется вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отношеніе основанія явленія, именно какъ отношеніе не нѣкотораго тожественнаго содержанія, ниже просто различнаго, каковъ законъ, но какъ цѣлостное отношеніе или какъ отрицательное тожество и существенное отношеніе содержанія, какъ противоположнаго. Царство законовъ состоитъ не только въ томъ, что положеніе нѣкотораго содержанія есть положеніе другого, но что ихъ тожество, какъ оказалось, есть также отрицательное единство; каждая изъ обѣихъ сторонъ закона есть въ отрицательномъ единствѣ въ ней самой ея другое содержаніе; другое есть поэтому не неопредѣленно-другое вообще, но ея другое, иначе содержитъ также ея опредѣленіе содержанія; такимъ образомъ обѣ стороны противоположны. А такъ какъ царство законовъ имѣетъ въ немъ этотъ отрицательный моментъ и противоположность и потому раздѣляетъ себя, какъ полноту, на сущій въ себѣ и для себя и являющійся міры, то тожество ихъ есть существенное отношеніе противоположенія. Отношеніе основанія, какъ таковое, есть въ своемъ противорѣчіи возвратившаяся въ свое основаніе противоположность; а осуществленіе есть совпавшее съ собою самимъ основаніе. Но осуществленіе становится явленіемъ; основаніе снято въ осуществленіи; оно возстановляется вновь, какъ возвратъ явленія въ себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ снятое, именно

какъ отношеніе основанія противоположныхъ опредѣленій; ихъ тожество есть по существу становленіе и переходъ, а уже не отношеніе основанія, какъ таковое. Итакъ въ себѣ и для себя сущій міръ есть въ цѣлостности многообразнаго содержанія самъ внутри себя различенный міръ; онъ тожественъ міру являющемуся или положенному, поскольку есть основаніе послѣдняго, но ихъ тожественная связь опредѣлена вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ противоположеніе, такъ какъ форма являющагося міра есть рефлексія въ его инобытіе, и потому онъ поистинѣ внутри себя самого есть столь же возвращенный въ сущій въ себѣ и для себя міръ, сколько послѣдній ему противоположенъ. Отношеніе ихъ поэтому опредѣлено, какъ такое, при которомъ сущій въ себѣ и для себя міръ есть изнанка являющагося.

C.

Разложеніе явленія.

Сущій въ себѣ и для себя міръ есть опредѣленное основаніе являющагося міра и таковъ постольку, поскольку онъ есть въ немъ самомъ отрицательный моментъ и тѣмъ самымъ полнота опредѣленій содержанія и ихъ измѣненій, соотвѣтствующая являющемуся міру, но вмѣстѣ съ тѣмъ образующая его совершенно противоположную сторону. Оба міра относятся такимъ образомъ одинъ къ другому такъ, что то, что положительно въ являющемся мірѣ, отрицательно въ мірѣ, сущемъ въ себѣ и для себя, и наоборотъ, что отрицательно въ первомъ, положительно во второмъ. Сѣверный полюсъ въ являющемся мірѣ есть въ себѣ и для себя южный полюсъ и наоборотъ; положительное электричество есть въ себѣ отрицательное и т. д. То, что въ являющемся мірѣ есть зло, несчастіе и т. д., въ себѣ и для себя есть добро и счастіе.

Въ дѣйствительности именно въ этой противоположности исчезаетъ различеніе обоихъ міровъ, и то, чѣмъ долженъ быть сущій въ себѣ и для себя міръ, есть самъ являющійся міръ, а послѣдній, наоборотъ, въ немъ самомъ есть существенный міръ. Являющійся міръ опредѣленъ ближайшимъ образомъ, какъ рефлексія въ инобытіе, такъ что его опредѣленія и осуществленія имѣютъ въ другомъ ихъ основаніе и устойчивость; но поскольку это другое есть также такое рефлектированное въ нѣчто другое, то они относятся тѣмъ самымъ лишь къ снимающему себя другому, стало быть къ себѣ самому; поэтому являющійся міръ есть въ немъ самомъ равный себѣ законъ. Наоборотъ, сущій въ себѣ и для себя міръ есть ближайшимъ образомъ тожественное себѣ, изъятое отъ инобытія и измѣненія содержаніе; но такъ какъ послѣднее есть полная рефлексія являющагося міра въ него самого, или иначе такъ какъ его различіе внутри себя есть рефлектированное и абсолютное различеніе, то это содержаніе заключаетъ въ себѣ отрицательный моментъ и отношеніе къ себѣ, какъ къ инобытію; оно становится тѣмъ самымъ противоположнымъ себѣ, перевернутымъ на изнанку, несущественнымъ содержаніемъ. Далѣе это содержаніе сущаго въ себѣ и для себя міра тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ форму непосредственнаго осуществленія. Ибо онъ есть ближайшимъ образомъ основаніе являющагося міра;

но такъ какъ первый имѣетъ противоположеніе въ немъ самомъ, то онъ есть равнымъ образомъ снятое основаніе и непосредственое осуществленіе.

Являющійся и существенный міры суть поэтому каждый въ немъ самомъ полнота тожественной себѣ рефлексіи и рефлексіи въ другое или бытія въ себѣ и для себя и явленія. Они оба суть самостоятельныя цѣлыя осуществленія; одинъ долженъ бы былъ быть лишь рефлектированнымъ осуществленіемъ, а другой—непосредственнымъ осуществленіемъ; но каждый непрерывно продолжается въ его другомъ и есть поэтому въ немъ самомъ тожество обоихъ этихъ моментовъ. То, что стало быть дано, есть эта полнота, которая отталкиваетъ себя отъ себя самой въ двѣ полноты, одну рефлектированную полноту и другую непосредственную. Оба міра суть прежде всего самостоятельные, но они таковы, лишь какъ полноты, и таковы постольку, поскольку каждый имѣетъ въ немъ по существу моментъ другого. Различенныя самостоятельности каждаго, опредѣленныхъ одинъ, какъ непосредственый, и другой, какъ рефлектированный, положены теперь поэтому такъ, чтобы каждый былъ существеннымъ отношеніемъ къ другому и имѣлъ свою самостоятельность въ этомъ единствѣ обоихъ.

Исходнымъ пунктомъ служилъ законъ явленія; онъ есть тожество нѣкотораго различнаго содержанія съ нѣкоторымъ другимъ содержаніемъ, такъ что положеніе одного есть положеніе другого. Закону присуще еще то отличеніе, что тожество его сторонъ есть еще лишь внутреннее, и эти стороны не имѣютъ еще его въ нихъ самихъ; поэтому съ одной стороны это тожество не реализовано, содержаніе закона есть не тожественное, а безразличное различное содержаніе; съ другой стороны оно тѣмъ самымъ опредѣлено въ себѣ такъ, что положеніе одного есть положеніе другого; это еще не дано въ немъ. Теперь же законъ реализованъ; его внутреннее тожество есть вмѣстѣ съ тѣмъ существующее, и, наоборотъ, содержаніе закона идеализовано, ибо оно въ немъ самомъ есть снятое, рефлектированное въ себя, такъ какъ каждая сторона имѣетъ въ ней ея другую и тѣмъ самымъ поистинѣ тожественна и съ нею, и съ собою.

Такимъ образомъ, законъ есть существенное отношеніе. Истина несущественнаго міра есть ближайшимъ образомъ нѣкоторый другой, сущій въ себѣ и для себя міръ; но послѣдній есть полнота, такъ какъ онъ есть и онъ самъ, и тотъ первый міръ; слѣдовательно, оба суть непосредственныя осуществленія и тѣмъ самымъ рефлексіи въ ихъ инобытіе, такъ какъ они именно также потому по истинѣ рефлектированы въ себя. Слово міръ означаетъ вообще безформенную полноту многообразнаго; этотъ міръ, какъ существенный, такъ и являющійся, въ основаніи уничтожился, такъ какъ многообразіе перестало быть только различнымъ; такимъ образомъ онъ хотя и остался еще полнотою или вселенною, но какъ существенное отношеніе. Въ явленіи возникли двѣ полноты содержанія; онѣ ближайшимъ образомъ опредѣлены, какъ безразличныя самостоятельныя одна въ противоположность другой, и хотя имѣютъ форму каждая въ ней самой, но не одна въ противоположность другой; но эта форма обнаружилась также, какъ ихъ отношеніе, и существенное отношеніе есть завершеніе единства ихъ формы.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Существенное отношеніе.

Истина явленія есть существенное отношеніе. Содержаніе послѣдняго есть непосредственная самостоятельность, и именно (вмѣстѣ) сущая самостоятельность и рефлектированная самостоятельность или тожественная себѣ рефлексія. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно въ этой самостоятельности есть нѣчто относительное, просто лишь рефлексія въ свое другое или единство отношенія со своимъ другимъ. Въ этомъ единствѣ самостоятельное содержаніе есть нѣчто положенное, снятое; но именно это единство составляетъ его существенность и самостоятельность; эта рефлексія въ другое есть рефлексія въ себя само. Отношеніе имѣетъ стороны, такъ какъ оно есть рефлексія въ другое; такимъ образомъ оно имѣетъ въ немъ отличеніе себя самого; и стороны имѣютъ самостоятельную устойчивость, такъ какъ онѣ преломлены въ себя самихъ въ ихъ взаимномъ безразличномъ различіи; такъ что устойчивость каждой изъ нихъ равнымъ образомъ имѣетъ свое значеніе лишь въ отношеніи къ другой или въ ихъ отрицательномъ единствѣ.

Существенное отношеніе не есть поэтому еще истинное третье относительно сущности и осуществленія; но оно уже содержитъ въ себѣ опредѣленное соединеніе обѣихъ. Сущность реализована въ немъ такъ, что она обладаетъ въ своей устойчивости самостоятельными осуществленіями; и эти послѣднія возвратились изъ ихъ безразличія въ ихъ существенное единство, такъ что имѣютъ устойчивость лишь въ немъ. Опредѣленія рефлексіи—положительное и отрицательное — также рефлектированы въ себѣ, лишь какъ рефлектированныя въ противоположное имъ; но они не имѣютъ никакого иного опредѣленія кромѣ этого своего отрицательнаго единства; напротивъ, существенное отношеніе имѣетъ эти опредѣленія въ своихъ сторонахъ, которыя положены, какъ самостоятельныя полноты. Это такое же противоположеніе, какъ положительнаго и отрицательнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое, какъ міра и его изнанки. Каждая сторона существеннаго отношенія есть полнота, но такая, которой существенно обладаніе своею противоположностью, своимъ потусторроннимъ; это отношеніе есть лишь явленіе; его осуществленіе есть собственно не его, а его другого. Поэтому оно есть нѣчто преломленное внутри себя самого; но это его снятіе состоитъ въ томъ, что оно есть единство себя самого и его другого, стало быть нѣкоторое цѣлое, и именно потому ему принадлежитъ самостоятельное осуществленіе, и оно есть существенная рефлексія въ себя.

Таково понятіе отношенія. Но содержащееся въ немъ тожество ближайшимъ образомъ есть еще не полное; полнота, свойственная каждому относительному въ себѣ самомъ, есть еще нѣчто внутреннее; каждая сторона отношенія ближайшимъ образомъ положена въ одномъ изъ опредѣленій отрица-

тельнаго единства; собственная самостоятельность каждой изъ обѣихъ сторонъ есть то, что составляетъ форму отношенія. Его тожество поэтому есть лишь внѣшнее отношеніе (Beziehung), внѣ котораго остается ихъ самостоятельность; именно она остается свойственною сторонамъ; здѣсь не дано еще рефлектированнаго единства этого тожества и самостоятельныхъ осуществленій, еще не дано субстанціи. Поэтому, правда, выяснилось, что понятіе отношенія есть единство рефлектированной и непосредственной самостоятельности. Но, во-первыхъ, это понятіе само есть еще непосредственное, а потому и его моменты непосредственны одинъ въ противоположность другому, а единство ихъ есть существенное отношеніе, которое лишь постольку есть истинное, соотвѣтствующее понятію единство, поскольку оно реализовало себя, т.-е. положило себя, какъ это единство, черезъ свое движеніе.

Существенное отношеніе есть поэтому непосредственно отношеніе цѣлаго и частей,—отношеніе рефлектированной и непосредственной самостоятельности, такъ что обѣ суть вмѣстѣ съ тѣмъ лишь взаимно-обусловливающія и предполагающія одна другую.

Въ этомъ отношеніи ни одна изъ сторонъ еще не положена, какъ моментъ другой, ихъ тожество есть поэтому само одна изъ сторонъ; иначе говоря, оно не есть ихъ отрицательное единство. Поэтому, во-вторыхъ, дѣло сводится къ тому, чтобы одна изъ нихъ была моментомъ другой и была въ послѣдней, какъ въ своемъ основаніи, въ истинно-самостоятельномъ ихъ обѣихъ,—отношеніе силы и ея обнаруженія.

Въ третьихъ, еще остающееся неравенство этого отношенія снимаетъ себя, и послѣднее отношеніе есть отношеніе внутренняго и внѣшняго. Въ этомъ, ставшемъ совершенно формальнымъ отличеніи, самое отношеніе въ своемъ основаніи исчезаетъ, и выступаетъ субстанція или дѣйствительное, какъ абсолютное единство непосредственнаго и рефлектированнаго осуществленія.

A.

Отношеніе цѣлаго и частей.

Существенное отношеніе содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, рефлектированную въ себя самостоятельность осуществленія; такимъ образомъ это отношеніе есть простая форма, опредѣленія которой хотя и суть также осуществленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ суть положенные, содержащіеся въ единствѣ моменты. Эта рефлектированная въ себя самостоятельность есть вмѣстѣ съ тѣмъ рефлексія въ ея противоположность, а именно въ непосредственную самостоятельность; и ея устойчивость есть по существу также ея собственная самостоятельность, тожество съ ея противоположностью. А именно тѣмъ самымъ непосредственно положена во-вторыхъ и другая сторона; непосредственная самостоятельность, опредѣленная, какъ другое, есть многообразіе внутри себя, но такъ, что это многообразіе имѣетъ въ немъ по существу также отношеніе другой стороны, единство рефлектированной самостоятельности. Одна сторона, цѣлое, есть самостоятельность, которую образовалъ сущій въ себѣ и для себя

міръ; другая сторона, части, есть то непосредственное осуществленіе, которымъ оказался являющійся міръ. Въ отношеніи цѣлаго и частей обѣ стороны суть эти самостоятельности, но такъ, что каждая изъ нихъ содержитъ въ себѣ видимость другой и вмѣстѣ съ тѣмъ есть лишь это тожество обѣихъ. А такъ какъ существенное отношеніе есть прежде всего лишь первое, непосредственное, то въ немъ отрицательное единство и положительная самостоятельность соединены посредствомъ также; обѣ стороны, правда, положены, какъ моменты, но равнымъ образомъ и какъ осуществленныя самостоятельности. Что обѣ онѣ положены, какъ моменты, это распредѣляется между ними такъ, что, во-первыхъ, цѣлое, рефлектированная самостоятельность, какъ осуществленная и сама, и въ ней другая сторона, есть непосредственное, какъ моментъ; здѣсь цѣлое образуетъ единство обѣихъ сторонъ, ихъ основу, и непосредственное осуществленіе есть положеніе. Наоборотъ, съ другой стороны, именно со стороны частей, непосредственное, многообразное внутри себя осуществленіе есть самостоятельная основа; напротивъ, рефлектированное единство, цѣлое, есть лишь внѣшнее отношеніе.

Это отношеніе содержитъ въ себѣ такимъ образомъ самостоятельность сторонъ, а равнымъ образомъ ихъ снятіе, и то и другое просто въ одномъ внѣшнемъ отношеніи (Beziehung). Цѣлое есть самостоятельное, части суть лишь моменты этого единства; но, равнымъ образомъ, онѣ суть также самостоятельныя, и ихъ рефлектированное единство есть лишь нѣкоторый моментъ; и каждая сторона есть въ своей самостоятельности просто относительное другой. Поэтому это отношеніе есть въ немъ самомъ непосредственное противорѣчіе и снимаетъ себя.

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что цѣлое есть рефлектированное единство, имѣющее для себя самостоятельную устойчивость; но эта устойчивость равнымъ образомъ оттолкнута отъ единства; цѣлое есть отрицательное единство, отрицательное отношеніе къ себѣ самому; такимъ образомъ оно отчуждено отъ себя; оно имѣетъ свою устойчивость въ своемъ противоположномъ, въ многообразной непосредственности частей. Поэтому цѣлое состоитъ изъ частей, такъ что оно не есть нѣчто безъ нихъ. Оно есть такимъ образомъ все отношеніе и самостоятельная полнота; но именно по этому основанію оно есть лишь отрицательное, ибо то, что дѣлаетъ его полнотою, есть собственно его другое, части; и оно имѣетъ свою устойчивость не въ себѣ самомъ, а въ своемъ другомъ.

Такъ и части суть равнымъ образомъ все отношеніе. Онѣ суть непосредственная самостоятельность въ противоположность рефлектированной и не находятся въ цѣломъ, но суть для себя. Далѣе онѣ имѣютъ въ нихъ это цѣлое, какъ свой моментъ; онъ составляетъ ихъ отношеніе; безъ цѣлаго нѣтъ частей. Но такъ какъ онѣ суть самостоятельное, то это ихъ отношеніе есть лишь нѣкоторый внѣшній моментъ, къ которому онѣ въ себѣ и для себя безразличны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ части совпадаютъ внутри себя самихъ, какъ многообразное осуществленіе, ибо послѣднее есть чуждое рефлексіи бытіе; онѣ имѣютъ свою самостоятельность лишь въ рефлектированномъ единствѣ, которое

есть какъ это единство, такъ и осуществленное многообразіе; т.-е. онѣ имѣютъ самостоятельность лишь въ цѣломъ, которое, однако, есть вмѣстѣ съ тѣмъ другая относительно нихъ самостоятельность.

Поэтому цѣлое и части взаимно себя обусловливаютъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣнное здѣсь отношеніе стоитъ выше, чѣмъ взаимное отношеніе обусловленнаго и условія, какъ это послѣднее отношеніе опредѣлилось ранѣе. Это отношеніе здѣсь реализовано; а именно положено, что условіе есть существенная самостоятельность обусловленнаго въ томъ смыслѣ, что эта самостоятельность предполагается обусловленнымъ. Условіе, какъ таковое, есть лишь непосредственное и предположено лишь въ себѣ. Цѣлое же есть хотя и условіе частей, но въ немъ самомъ вмѣстѣ съ тѣмъ содержится непосредственно, что и оно есть лишь постольку, поскольку его предположеніемъ служатъ части. Поскольку такимъ образомъ обѣ стороны отношенія положены, какъ взаимно обусловливающія одна другую, каждая есть въ ней самой непосредственная самостоятельность, но ихъ самостоятельность равнымъ образомъ опосредована или положена черезъ другую. Все отношеніе есть черезъ эту противоположность возвратъ обусловленности въ себя саму, есть не-относительное, безусловное.

Поскольку же каждая изъ сторонъ отношенія имѣетъ свою самостоятельность не въ самой себѣ, а въ своемъ другомъ, то дано лишь одно тожество обѣихъ, въ которомъ обѣ онѣ суть моменты; но такъ какъ каждая въ ней самой самостоятельна, то онѣ суть два самостоятельныхъ осуществленія, безразличныя одно относительно другого.

Съ первой точки зрѣнія—существеннаго тожества этихъ сторонъ—цѣлое равно частямъ, и части равны цѣлому. Нѣтъ ничего въ цѣломъ, чего не было бы въ частяхъ, и нѣтъ ничего въ частяхъ, чего не было въ цѣломъ. Цѣлое не есть отвлеченное единство, но единство нѣкотораго различнаго многообразія; но это единство, какъ то, въ чемъ многообразное взаимно къ себѣ относится, есть его опредѣленность, стало-быть, часть. Такимъ образомъ отношенію свойственно нераздѣльное тожество и лишь одна самостоятельность.

Но далѣе цѣлое равно частямъ; однако не имъ, какъ частямъ; цѣлое есть рефлектированное единство, части же составляютъ опредѣленный моментъ или инобытіе единства и суть различное многообразное. Цѣлое равно имъ, не какъ этому самостоятельному различному, но какъ имъ въ совокупности. Но ихъ совокупность есть не что иное, какъ ихъ единство, цѣлое, какъ таковое. Такимъ образомъ цѣлое равно въ частяхъ лишь самому себѣ, и равенство его и частей означаетъ лишь то тожесловіе, что цѣлое, какъ цѣлое, равно не частямъ, а цѣлому.

Равнымъ образомъ части равны цѣлому; но такъ какъ онѣ суть въ нихъ самихъ моментъ инобытія, то онѣ равны цѣлому, не какъ единству, а такъ, что одно изъ его многообразныхъ опредѣленій присуще частямъ, иначе, что онѣ равны ему, какъ многообразному; т.-е. онѣ равны ему, какъ раздѣленному на части цѣлому, т.-е. какъ частямъ. Тѣмъ самымъ

дано такое же тожесловіе, именно, что части, какъ части, равны не цѣлому, какъ таковому, но равны въ немъ себѣ самимъ, частямъ.

Такимъ образомъ цѣлое и части безразлично выпадаютъ одно изъ другого; каждая изъ этихъ сторонъ относится лишь къ себѣ. Но взятыя такъ одно внѣ другого онѣ сами себя разрушаютъ. Цѣлое, безразличное къ частямъ, есть отвлеченное, неразличимое внутри себя тожество; послѣднее есть цѣлое, лишь какъ различаемое внутри себя самого и при томъ такъ, что эти многообразныя опредѣленія рефлектированы въ себя и обладаютъ непосредственною самостоятельностью. А тожество рефлексіи обнаружило черезъ свое движеніе, что его истина есть эта рефлексія въ его другое. Равнымъ образомъ части, какъ безразличныя къ единству цѣлаго, суть лишь лишенное отношенія многообразное, другое внутри себя, которое, какъ таковое, есть другое себя самого и лишь снимающее себя. Это отношеніе къ себѣ каждой изъ обѣихъ сторонъ есть ихъ самостоятельность; но эта самостоятельность, которую каждая имѣетъ для себя, есть скорѣе отрицаніе ихъ самихъ. Поэтому каждая имѣетъ свою самостоятельность не въ ней самой, а въ другой; эта другая, составляющая собою устойчивое, есть ея предположенное непосредственное, долженствующее быть первымъ и ея началомъ; но это первое каждой стороны само лишь таково, что оно есть не первое, а имѣетъ свое начало въ другомъ.

Истина отношенія состоитъ, такимъ образомъ, въ опосредованіи; его сущность есть отрицательное единство, въ которомъ равно снимаются и рефлектированная, и сущая непосредственность. Отношеніе есть противорѣчіе, возвращающееся въ свое основаніе, въ единство, которая, какъ возвращающееся, есть рефлектированное единство; но поскольку послѣднее положило себя также, какъ снятое, то оно относится отрицательно къ себѣ самому, снимаетъ себя и дѣлаетъ себя сущимъ непосредственнымъ. Но это его отрицательное отношеніе, поскольку оно есть первое и непосредственное, есть лишь опосредованное черезъ его другое и также нѣчто положенное. Это другое, сущая непосредственность, есть также лишь снятое; его самостоятельность есть первое, но лишь какъ исчезающее, и имѣетъ существованіе, которое положено и опосредовано.

Въ этомъ опредѣленіи отношеніе уже не есть отношеніе цѣлаго и частей; непосредственность, которую имѣли его стороны, перешла въ положеніе и опосредованіе; каждая изъ нихъ положена, поскольку она непосредственна, какъ снимающая себя и переходящая въ другую; и поскольку она есть сама отрицательное отношеніе,—также какъ обусловленная другою, какъ ея положительнымъ; равно какъ ея непосредственный переходъ есть также опосредованіе, именно нѣкоторое снятіе, положенное другою. Такимъ образомъ, отношеніе цѣлаго и частей перешло въ отношеніе силы и ея обнаруженія,

Примѣчаніе. Выше, по поводу понятія количества, была разсмотрѣна антиномія безконечной дѣлимости матеріи. Количество есть единство непрерывности и дискретности; оно содержитъ въ самостоятельномъ одномъ свое совпадающее съ другимъ теченіе и въ этомъ безъ перерыва продолжающемся тожествѣ съ собою—также и его отрицаніе. Такъ какъ

непосредственное отношеніе этихъ моментовъ количества выражается въ существенномъ отношеніи цѣлаго и частей, количественнаго одного, какъ части, къ его непрерывности, какъ цѣлаго, состоящаго изъ частей, то антиномія состоитъ въ противорѣчіи, проявившемся и разрѣшенномъ въ отношеніи цѣлаго и частей. А именно цѣлое и части настолько же относятся между собою существенно и образуютъ лишь одно тожество, насколько онѣ взаимно безразличны и обладаютъ самостоятельною устойчивостью. Отношеніе есть поэтому эта антиномія въ томъ смыслѣ, что одинъ моментъ тѣмъ самымъ, что онъ освобождается отъ другого, непосредственно приводитъ за собою другой.

Такимъ образомъ, если осуществленное опредѣлено, какъ цѣлое, то оно имѣетъ части, и части составляютъ его устойчивость; единство цѣлаго есть отношеніе лишь положенное, внѣшнее сопоставленіе, несоотвѣтствующее самостоятельно-осуществленному. Поскольку же послѣднее есть часть, то она не есть цѣлое, не есть сложное, а, стало быть, есть простое. Но такъ какъ отношеніе къ нѣкоторому цѣлому ей внѣшне, то это отношеніе не соотвѣтствуетъ послѣднему; поэтому самостоятельное въ себѣ не есть также часть; ибо оно есть самостоятельное лишь черезъ это отношеніе. Но такъ какъ самостоятельное не есть часть, то оно есть цѣлое, ибо дано лишь это отношеніе цѣлаго и частей, и самостоятельное есть одно изъ двухъ. А такъ какъ оно есть цѣлое, то оно опять-таки сложно; оно состоитъ изъ частей и такъ далѣе до безконечности. Эта безконечность состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ постоянной смѣнѣ обоихъ опредѣленій отношенія, въ которой каждое непосредственно возникаетъ изъ другого такъ, что положеніе каждаго есть его собственное исчезаніе. Матерія, опредѣленная, какъ цѣлое, состоитъ изъ частей, и въ нихъ цѣлое становится несущественнымъ отношеніемъ и исчезаетъ. Но часть, взятая такъ для себя, также есть не часть, а цѣлое. Если ближе сопоставить антиномію этого умозаключенія, то получается собственно слѣдующее: такъ какъ цѣлое не есть самостоятельное, то самостоятельное есть часть; но такъ какъ последняя самостостоятельна лишь безъ цѣлаго, то она самостоятельна, не какъ часть, а скорѣе, какъ цѣлое. Возникающая тутъ безконечность процесса сводится къ неспособности привести къ согласію обѣ мысли, которыя содержатся въ этомъ опосредованіи, такъ что каждое изъ обоихъ опредѣленій черезъ его самостоятельность и отдѣленіе отъ другого переходитъ въ несамостоятельность и въ другое.

B.

Отношеніе силы и ея обнаруженія.

Сила есть отрицательное единство, въ которомъ разрѣшается противорѣчіе цѣлаго и частей, истина этого перваго отношенія. Отношеніе цѣлаго и частей есть безсмыслица, въ которую ближайшимъ образомъ впадаетъ представленіе; или понимаемое объективно оно есть мертвый механическій аггрегатъ, правда, имѣющій опредѣленія формы, черезъ которыя многообразія его самостоятельныхъ матерій соотносятся между собою въ нѣкоторомъ единствѣ, но

это единство имъ внѣшне. Отношеніе же силы есть высшій возвратъ въ себя, въ которомъ единство цѣлаго, составлявшее отношеніе самостоятельнаго инобытія, перестаетъ быть внѣшнимъ и безразличнымъ къ этому многообразію.

Какъ существенное отношеніе опредѣлилось теперь, непосредственная и рефлектированная самостоятельности внутри его положены, какъ снятыя или какъ моменты, которые въ предыдущемъ отношеніи были устойчивыми для себя сторонами или крайними терминами. Въ этомъ содержится, во-первыхъ, то, что и рефлектированное единство, и непосредственное существованіе, поскольку они оба суть первыя и непосредственныя, снимаются въ себѣ самихъ и переходятъ въ ихъ другое; первое, сила, переходитъ въ ея обнаруженіе, а внѣшнее есть нѣчто исчезающее, возвращающееся въ силу, какъ въ свое основаніе, и есть лишь постольку, поскольку оно носится и полагается ею. Во-вторыхъ, этотъ переходъ есть не только нѣкоторое становленіе и исчезаніе, но отрицательное отношеніе къ себѣ, или, иначе, то, что измѣняетъ его опредѣленіе, и тѣмъ самымъ рефлектировано въ себя и сохранено; движеніе силы есть нестолько нѣкоторый переходъ, сколько состоитъ въ томъ, что она сама себя переводитъ (übersetzt) и въ этомъ положенномъ черезъ саму себя измѣненіи остается тѣмъ, что она есть. Въ-третьихъ, это рефлектированное, относящееся къ себѣ единство, само есть снятое и моментъ; оно опосредовано своимъ другимъ и имѣетъ послѣднее своимъ условіемъ; его отрицательное отношеніе къ себѣ, которое есть первое, и съ котораго начинается движеніе его перехода изъ себя, также имѣетъ предположеніе, коимъ оно возбуждается (sollicitirt wird), и другое, съ котораго оно начинаетъ.

a. Обусловленность силы.

Разсматриваемая въ своихъ ближайшихъ опредѣленіяхъ сила имѣетъ, во-первыхъ, въ ней моментъ сущей непосредственности. Она же сама опредѣлена напротивъ, какъ отрицательное единство; но послѣднее въ опредѣленіи непосредственнаго бытія есть нѣкоторое осуществленное нѣчто. Нѣчто, такъ какъ оно есть отрицательное единство, какъ непосредственное, является, какъ первое, сила же, такъ какъ она есть рефлектированное, — какъ положеніе и потому какъ принадлежащее осуществленной вещи или нѣкоторой матеріи. Сила не есть форма этой вещи, и вещь не опредѣляется черезъ нее; вещь, какъ непосредственное, безразлична къ ней. Въ вещи по этому опредѣленію нѣтъ основанія имѣть какую-либо силу; напротивъ, сила, какъ сторона положенія, имѣетъ своимъ существеннымъ предположеніемъ вещь. Если, спрашивается поэтому, какимъ образомъ вещь или матерія приходитъ къ тому, чтобы имѣть нѣкоторую силу, то послѣдняя является внѣшне связанною съ ними и внѣдренною въ вещь посредствомъ нѣкоторой внѣшней мощи.

Какъ эта непосредственная устойчивость, сила есть вообще покоящееся опредѣленіе вещи, не нѣчто обнаруживающееся во внѣ, но нѣчто непосредственно внѣшнее. Такъ, сила обозначается также, какъ матерія, и вмѣсто

магнетической, электрической и т. д. силы принимается магнетическая, электрическая и т. д. матерія; или вмѣсто пресловутой притягательной силы, тонкій эѳиръ, который связываетъ все. Это матеріи, въ которыя разлагается бездѣятельное, безсильное отрицательное единство вещи и которыя были разсмотрѣны выше.

Но сила содержитъ въ себѣ непосредственное осуществленіе, какъ моментъ, какъ нѣчто такое, что хотя и есть условіе, но преходящее и снимающееся, слѣдовательно, не какъ осуществленная вещь. Сила есть далѣе не отрицаніе, какъ опредѣленность, но отрицательное рефлектирующее себя въ себя единство. Вещь, которой должна бы была быть присущею сила, тѣмъ самымъ не имѣетъ здѣсь никакого значенія; сама сила есть скорѣе положеніе внѣшности, являющейся, какъ осуществленіе. Она не есть также только нѣкоторая опредѣленная матерія; такая самостоятельность уже давно перешла въ положеніе и въ явленіе.

Во-вторыхъ, сила есть единство рефлектированной и непосредственной устойчивости или единства формы и внѣшней самостоятельности. Она есть та и другая въ одномъ; она есть соприкосновеніе такихъ сторонъ, изъ коихъ одна есть, поскольку нѣтъ другой; тожественная себѣ и положительная и отрицаемаая рефлексія. Сила есть, такимъ образомъ, отталкивающее себя отъ самого себя противорѣчіе; она дѣятельна; или, иначе, она есть относящееся къ себѣ отрицательное единство, въ которомъ положена рефлектированная непосредственность или существенное бытіе внутри себя, лишь какъ снятое или какъ моментъ, поскольку тѣмъ самымъ она отличаетъ себя отъ непосредственнаго осуществленія, въ которое она переходитъ. Такимъ образомъ, сила положена, какъ опредѣленіе рефлектированнаго единства цѣлаго, какъ становящееся изъ себя самого осуществленнымъ внѣшнее многообразіе.

Но, въ-третьихъ, сила есть лишь сущая въ себѣ и непосредственная дѣятельность; она есть рефлектированное единство, а также по существу его отрицаніе; такъ какъ она отлична отъ послѣдняго, но есть также лишь тожество ея самой и ея отрицанія, то она существенно относится къ послѣднему, какъ нѣкоторая чуждая ему непосредственность, и имѣетъ его своимъ предположеніемъ и условіемъ.

Но это предположеніе не есть нѣкоторая противостоящая ей вещь; эта безразличная самостоятельность снята въ силѣ; какъ условіе послѣдней, это нѣкоторое другое относительно силы самостоятельно. А такъ какъ оно не есть вещь, но самостоятельная непосредственность опредѣлила здѣсь себя вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ относящееся къ себѣ самому отрицательное единство, то оно само есть сила. Дѣятельность силы обусловлена сама собою, какъ своимъ другимъ, какъ нѣкоторою силою.

Такимъ образомъ сила есть отношеніе, въ коемъ каждая сторона есть то же, что и другая. Въ отношеніи находятся силы и при томъ онѣ относятся взаимно существенно. Далѣе онѣ ближайшимъ образомъ вообще лишь различны; единство ихъ отношенія есть пока лишь внутреннее сущее въ себѣ единство. Такимъ образомъ обусловленность другого силою есть въ себѣ

дѣйствіе самой силы; иначе сказать оно есть вслѣдствіе того лишь предполагающее, лишь отрицательно относящееся къ себѣ дѣйствіе; эта другая сила находится еще внѣ ея полагающей дѣятельности, т.-е. непосредственно въ своемъ опредѣленіи возвращающейся въ себя рефлексіи.

b. Возбужденіе (Sollicitation) силы.

Сила обусловлена, такъ какъ содержащійся въ ней моментъ непосредственнаго осуществленія есть лишь положенное, но тамъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть непосредственное, то предположенное, въ коемъ сила отрицаетъ себя саму. Предлежащая силѣ внѣшность есть поэтому самая ея собственная предполагающая дѣятельность, которая ближайшимъ образомъ положена, какъ нѣкоторая другая сила.

Далѣе это предположеніе взаимно. Каждая изъ обѣихъ силъ содержитъ въ себѣ рефлектированное въ себя единство, какъ снятое, и потому есть предполагающее; она полагаетъ саму себя, какъ внѣшнее; этотъ моментъ внѣшности есть ея собственный; но такъ какъ она есть также рефлектированное въ себя единство, то она вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ эту свою внѣшность не въ себѣ самой, но какъ другую силу.

Но внѣшнее, какъ таковое, есть снимающее само себя; далѣе рефлектирующая себя въ себя дѣятельность относится по существу къ этому внѣшнему, какъ въ своему другому, но также, какъ къ уничтоженному въ себѣ и тожественному ей. Такъ какъ предполагающая дѣятельность есть равнымъ образомъ рефлексія въ себя, то она есть снятіе этого своего отрицанія и полагаетъ послѣднее, какъ себя саму или какъ свое внѣшнее. Такимъ образомъ, сила, какъ обусловливающее, есть толчокъ для другой силы, относительно которой первая дѣятельна. Ея отношеніе не есть пассивность опредѣляемости, такъ чтобы въ нее входило нѣчто другое, но толчокъ лишь возбуждаетъ (sollicitirt) ее. Она есть въ самой себѣ своя отрицательность, отталкиваніе себя отъ себя въ свое собственное положеніе. Ея дѣйствіе состоитъ поэтому въ томъ, чтобы снять внѣшность этого толчка; она дѣлаетъ эту внѣшность нѣкоторымъ простымъ толчкомъ и полагаетъ ее, какъ собственное отталкиваніе самой себя отъ себя, какъ свое собственное обнаруженіе.

Обнаруживающая себя сила есть, такимъ образомъ, то, что ранѣе было лишь предполагающею дѣятельностью,—именно то, что дѣлаетъ себя внѣшнимъ; но сила, какъ обнаруживающая себя, есть вмѣстѣ съ тѣмъ отрицающая внѣшность и полагающая ее, какъ свою дѣятельность. Поскольку же въ этомъ разсужденіи начинаютъ съ силы, какова она есть, какъ отрицательное единство себя самой и тѣмъ самымъ какъ предполагающая рефлексія, то въ результатѣ получается то же самое, какъ если бы въ обнаруженіи силы начинали съ возбуждающаго толчка. Такимъ образомъ сила въ ея понятіи опредѣляется прежде всего, какъ снимающее себя тожество, а въ ихъ реаль-

ности — одна изъ обѣихъ силъ, какъ становящаяся возбуждающею, другая же, какъ становящаяся возбуждаемою. Но понятіе силы есть вообще тожество полагающей и предполагающей рефлексіи или рефлектированнаго и непосредственнаго единства, и каждое изъ этихъ опредѣленій — просто лишь моментъ въ единствѣ и тѣмъ самымъ опосредованный черезъ другое. Но равнымъ образомъ ни въ одной изъ находящихся во взаимномъ отношеніи силъ не дано опредѣленія, которая изъ нихъ становится возбуждающею или возбуждаемою, или, правильнѣе сказать, каждой изъ нихъ одинаково присущи оба опредѣленія. Но это тожество есть не внѣшнее тожество сравненія, а нѣкоторое существенное ихъ единство.

А именно, одна изъ силъ опредѣлена ближайшимъ образомъ, какъ возбуждающая, другая же, какъ возбуждаемая; эти опредѣленія формы являются, такимъ образомъ, непосредственными, данными въ себѣ отличеніями обѣихъ силъ. Но они по существу опосредованы. Одна изъ силъ возбуждается; этотъ толчокъ есть нѣкоторое извнѣ положенное въ нее опредѣленіе. Но сила сама есть предполагающее; она по существу есть рефлектирующее себя въ себя и снимающее то опредѣленіе, по коему толчокъ есть нѣчто внѣшнее. Что она возбуждена, это есть поэтому ея собственное дѣйствіе, или, иначе, ею самою опредѣлено, что другая сила есть вообще другая и возбуждающая. Возбуждающая сила относится къ своей другой отрицательно, снимая ея внѣшность, и потому она есть полагающая; но она такова лишь при томъ предположеніи, что ей противоположна нѣкоторая другая сила; т.-е. она сама есть возбуждающая, лишь поскольку въ ней есть нѣкоторая внѣшность, стало быть, поскольку она есть возбуждаемая. Или, иначе, она есть возбуждающая, лишь поскольку она возбуждается къ тому, чтобы быть возбуждающею. Тѣмъ самымъ, наоборотъ, первая становится возбуждаемою, лишь поскольку она сама возбуждается второю возбуждать ее, т.-е. первую. Каждая изъ обѣихъ силъ получаетъ такимъ образомъ, толчокъ отъ другой; но толчокъ, даваемый ею, какъ дѣйствующею, состоитъ въ томъ, что она получаетъ толчокъ отъ другой; получаемый ею толчокъ возбуждается ею самою. То и другое, даваемый и получаемый толчокъ, или дѣятельное обнаруженіе и пассивная внѣшность, суть поэтому не нѣчто непосредственное, но опосредованное, и именно каждая изъ обѣихъ силъ есть тѣмъ самымъ сама та же опредѣленность, какую имѣетъ относительно нея другая, опосредована другою, и это опосредывающее другое есть опять-таки собственное опредѣляющее положеніе первой.

Такимъ образомъ то, что происходитъ толчокъ силы отъ нѣкоторой другой силы, что первая тѣмъ самымъ хотя и относится пассивно, но вновь переходитъ отъ этой пассивности къ активности, есть возвратъ силы въ себя саму. Она обнаруживаетъ себя. Обнаруженіе есть реакція въ томъ смыслѣ, что оно полагаетъ внѣшность, какъ свой собственный моментъ, и тѣмъ самымъ снимаетъ то, что она возбуждается нѣкоторою другою силою. То и другое есть поэтому одно и то же, какъ то обнаруженіе силы, черезъ которое она сообщаетъ себѣ посредствомъ своего отрицательнаго дѣйствія на саму себя существованіе для другого, такъ и безконечный возвратъ къ себѣ въ этой внѣшности, черезъ

который она относится лишь къ себѣ. Предполагающая рефлексія, которой принадлежитъ обусловленность и толчокъ, есть поэтому также непосредственно возвращающаяся въ себя рефлексія, и дѣятельность есть по существу реагирующая, направленная противъ себя. Положеніе толчка или внѣшняго само есть его снятіе, и, наоборотъ, снятіе толчка есть положеніе внѣшности.

c. Безконечность силы.

Сила конечна, поскольку ея моменты имѣютъ еще форму непосредственности; ихъ предполагающая и ихъ относящаяся къ себѣ рефлексія въ этомъ опредѣленіи различены; первая является устойчивою для себя внѣшнею силою, а вторая въ отношеніи къ ней пассивною. Такимъ образомъ, сила обусловлена по формѣ, а также ограничена по содержанію, ибо опредѣленность по формѣ содержитъ въ себѣ ограниченіе содержанія. Но дѣятельность силы состоитъ въ томъ, чтобы обнаруживать себя, т.-е., какъ выяснилось, въ томъ, чтобы снять внѣшность и опредѣлить ее, какъ то, въ чемъ сила тожественна себѣ. Поэтому обнаруживаемое по истинѣ силою состоитъ въ томъ, что ея отношеніе къ другому есть отношеніе къ самой себѣ, что ея пассивность состоитъ въ самой ея активности. Толчокъ, возбуждающій ее къ дѣятельности, возбуждается ею самою; внѣшность, оказывающаяся въ ней, равно какъ ея собственное существенное тожество съ собою суть не непосредственныя, но опосредованныя черезъ ея же отрицаніе; или, иначе, въ силѣ обнаруживается, что ея внѣшность тожественна ея внутренности.

C.

Отношеніе внѣшняго и внутренняго.

1. Отношеніе цѣлаго и частей есть непосредственное; внутри его рефлектированная и сущая непосредственность имѣютъ каждая свою собственную самостоятельность; но такъ какъ онѣ находятся въ существенномъ отношеніи, то ихъ самостоятельность есть лишь ихъ отрицательное единство. Это и положено въ обнаруженіи силы; рефлектированное единство есть по существу становленіе другого, какъ переводъ себя самого во внѣшность; но послѣдняя также непосредственно вбирается обратно въ первое; отличеніе самостоятельныхъ силъ снимаетъ себя; внѣшность силы есть лишь нѣкоторое опосредованіе рефлектированнаго единства съ самимъ собою. Остается лишь пустое прозрачное отличеніе, видимость, но эта видимость есть такое опосредованіе, которое само есть самостоятельная устойчивость. Это не только противоположныя опредѣленія, снимающія себя въ нихъ самихъ, и ихъ движеніе—не только переходъ, но непосредственность, съ которой начинаютъ и которая переходитъ въ инобытіе, сама отчасти есть лишь положенная, отчасти же тѣмъ самымъ каждое изъ опредѣленій въ его непосредственности есть уже единство со своимъ другимъ, а потому и переходъ есть равнымъ образомъ просто полагающій себя возвратъ въ себя.

Внутреннее опредѣлено, какъ форма рефлектированной непосредственности или сущности въ противоположность внѣшнему, какъ формѣ бытія, но и то, и другое суть одно и то же тожество. Это тожество есть, во-первыхъ, самообоснованное единство ихъ обоихъ, какъ полная содержанія ихъ основа, или какъ абсолютная (мыслимая) вещь, оба опредѣленія которой суть безразличные, внѣшніе моменты. Тѣмъ самымъ оно есть содержаніе и полнота, которая есть внутреннее въ той же мѣрѣ, какъ и внѣшнее, но при томъ есть не ставшее или перешедшее, а равное самому себѣ. Внѣшнее по этому опредѣленію не только равно по содержанію внутреннему, но оба суть одна и та же (мыслимая) вещь. Но эта вещь, какъ простое тожество съ собою, различна отъ своихъ опредѣленій формы, и послѣднія ей внѣшни; поэтому она сама есть нѣчто внутреннее, отличное отъ своей внѣшности. Но эта внѣшность состоитъ въ томъ, что ее образуютъ эти самыя оба опредѣленія, именно внутреннее и внѣшнее. Но самая вещь есть не что иное, какъ ихъ единство. Тѣмъ самымъ обѣ эти стороны снова тожественны по содержанію. Но въ вещи онѣ суть взаимно проникающее себя тожество, полная содержанія основа. Но во внѣшности онѣ, какъ формы вещи, безразличны къ этому тожеству, а потому и взаимны одна къ другой.

2. Такимъ образомъ, онѣ суть различныя опредѣленія формы, имѣющія тожественную основу не въ нихъ самихъ, а въ нѣкоторомъ другомъ, опредѣленія рефлексіи, сущія для себя: внутреннее, какъ форма рефлексіи въ себя, существенности; а внѣшнее, какъ форма рефлектированной въ другое непосредственности или несущественности. Но природа отношенія показала, что эти опредѣленія составляютъ просто одно тожество. Сила въ своемъ обнаруженіи состоитъ въ томъ, что предположенное и возвращающееся въ себя опредѣленіе есть одно и то же. Поэтому, поскольку внутреннее и внѣшнее разсматриваются, какъ опредѣленія формы, то они суть, во-первыхъ, сама простая форма, а, во-вторыхъ, такъ какъ они въ ней опредѣлены вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ противоположныя, то ихъ единство есть чистое отвлеченное опосредованіе, въ коемъ одно есть непосредственно второе и второе потому, что оно есть одно. Такимъ образомъ, внутреннее есть непосредственно лишь внѣшнее, и оно потому есть опредѣленность внѣшности, что оно есть внутреннее; наоборотъ, внѣшнее есть лишь внутреннее, такъ какъ оно есть лишь внѣшнее. Такъ какъ именно это единство формы содержитъ въ себѣ оба его опредѣленія, какъ противоположныя, то ихъ тожество есть лишь этотъ переходъ; и въ немъ дано лишь другое обоихъ, а не ихъ полное содержанія тожество. Или, иначе, это сохраненіе формы есть вообще сторона опредѣленности. То, что положено по ней, есть не реальная полнота цѣлаго, а полнота или сама вещь лишь въ опредѣленности формы; такъ какъ послѣдняя есть просто связанное вмѣстѣ единство обоихъ противоположныхъ опредѣленій, то, поскольку одно изъ нихъ берется за первое,—а все равно, какое берется такимъ образомъ — объ основѣ или вещи, слѣдуетъ сказать, что она тѣмъ самымъ имѣетъ столь же существенно другую опредѣленность, но также лишь въ другой; также, какъ уже было сказано, что она есть лишь въ первой.

Такимъ образомъ нѣчто, которое есть еще лишь внутреннее, именно потому есть лишь внѣшнее. Или наоборотъ нѣчто, которое есть лишь внѣшнее, именно потому есть лишь внутреннее. Или, иначе, такъ какъ внутреннее опредѣлено, какъ сущность, а внѣшнее—какъ бытіе, то нѣкоторая (мыслимая) вещь, поскольку она есть въ своей сущности, именно потому есть лишь непосредственное бытіе; или вещь, которая только есть, именно потому находится еще въ своей сущности. Внѣшнее и внутреннее суть опредѣленность, положенная такъ, что каждое изъ этихъ опредѣленій не только предполагаетъ другое и переходитъ въ него, какъ въ свою истину, но что оно, поскольку оно есть эта истина другого, остается положеннымъ, какъ опредѣленность, и указываетъ на полноту ихъ обоихъ. Внутреннее есть тѣмъ самъ завершеніе сущности по формѣ. Сущность, поскольку она именно опредѣлена, какъ внутреннее, содержитъ въ себѣ указаніе на то, что она недостаточна и есть лишь отношеніе къ своему другому, къ внѣшнему; но послѣднее есть равнымъ образомъ нетолько бытіе или также осуществленіе, а относящееся къ сущности или къ внутреннему. Но дано нетолько взаимное отношеніе обоихъ, а то опредѣленное отношеніе абсолютной формы, по коему каждое непосредственно есть его противоположность, и ихъ обоюдное отношеніе къ ихъ третьему или, правильнѣе, къ ихъ единству. Ихъ опосредованіе лишено однако этой содержащей ихъ оба тожественной основы; ихъ отношеніе есть поэтому непосредственное превращеніе одного въ другое; и это связывающее ихъ отрицательное единство есть простая безсодержательная точка.

Примѣчаніе. Движеніе сущности есть вообще становленіе понятія. Въ отношеніи внутренняго и внѣшняго именно выступаетъ тотъ существенный моментъ понятія, что каждое изъ нихъ есть непосредственно нетолько свое другое, но также полнота цѣлаго. Но эта полнота въ понятіи, какъ таковомъ, есть общее, — основа, которой въ отношеніи внутренняго и внѣшняго еще нѣтъ. Въ отрицательномъ тожествѣ внутренняго и внѣшняго, составляющемъ непосредственное превращеніе одного изъ этихъ опредѣленій въ другое, еще не достаетъ также той основы, которая была ранѣе названа мыслимою вещью (Sache).

Весьма важно обратить вниманіе на неопосредованное тожество формы, какъ оно положено здѣсь еще безъ полнаго содержаніемъ движенія самой вещи. Оно выступаетъ въ вещи, какъ послѣдняя есть въ своемъ началѣ. Такъ чистое бытіе есть непосредственно ничто. Вообще, все реальное въ своемъ началѣ есть такое лишь непосредственное тожество; ибо въ его началѣ моменты еще не противоположены и не развиты, съ одной стороны, еще не приняты внутрь (errinert) изъ внѣшности, а съ другой—еще не обнаружены и не выдѣлены извнутри черезъ свою дѣятельность; поэтому оно есть внутреннее, лишь какъ опредѣленность относительно внѣшняго, и внѣшнее, лишь какъ опредѣленность относительно внутренняго. Тѣмъ самымъ оно есть отчасти лишь непосредственное бытіе; отчасти же, поскольку оно есть также отрицательность, долженствующая стать дѣятельностью развитія, оно, какъ таковое, есть по существу пока лишь нѣчто внутреннее. Во всякомъ

природномъ, научномъ и духовномъ развитіи вообще оказывается, и очень важно убѣдиться въ этомъ, что первое, пока нѣчто есть лишь внутреннее или также внутри своего понятія, именно потому есть лишь непосредственное, пассивное существованіе послѣдняго. Такъ, обращаясь къ ближайшему примѣру—разсмотрѣнное здѣсь существенное отношеніе прежде, чѣмъ оно получило движеніе и реализовалось черезъ опосредованіе, черезъ отношеніе силы, есть лишь отношеніе въ себѣ, его понятіе, или есть пока внутреннее. Но именно потому оно есть лишь внѣшнее, непосредственное отношеніе, отношеніе цѣлаго и частей, стороны котораго имѣютъ одна противъ другой безразличную устойчивость. Такъ сфера бытія вообще есть сначала просто лишь еще внутреннее, и потому она есть сфера сущей непосредственности или внѣшности. Сущность есть сначала лишь внутреннее; и именно потому она принимается также за вполнѣ внѣшнюю безсистемную совокупность; говорятъ сущность школы, сущность газеты, разумѣя подъ этимъ нѣчто сочетанное черезъ внѣшнюю связь существующихъ предметовъ, поскольку она возникаетъ безъ всякаго существеннаго соединенія, безъ организаціи. Или, обращаясь къ конкретнымъ предметамъ, зародышъ растенія или дитя еще внутреннее растеніе, внутренній человѣкъ. Но именно потому растеніе или человѣкъ, какъ зародышъ, есть нѣчто непосредственное, внѣшнее, не сообщившее еще себѣ отрицательнаго отношенія къ себѣ самому, нѣчто пассивное, преданное инобытію. Такъ, и Богъ въ своемъ непосредственномъ понятіи не есть духъ; духъ не есть непосредственная, противоположная опосредованію, но, напротивъ, вѣчно полагающая свою непосредственность и возвращающаяся отъ нея къ себѣ сущность. Непосредственно Богъ есть поэтому лишь природа. Или, иначе, природа есть лишь внутренній, дѣйствительной не какъ духъ и потому не истинный Богъ. Или, иначе, Богъ въ мышленіи, какъ первомъ мышленіи, есть лишь чистое бытіе, или также сущность, отвлеченное абсолютное, а не Богъ, какъ абсолютный духъ, составляющій единственно истинную природу Бога.

3. Первое изъ разсмотрѣнныхъ тожествъ внутренняго и внѣшняго есть безразличная какъ къ отличенію этихъ опредѣленій, такъ и къ какой-либо ихъ внѣшней формѣ основа или содержаніе. Второе есть неопосредованное тожество различаемаго въ нихъ, непосредственное превращеніе каждаго въ свою противоположность или чистая форма. Но оба эти тожества суть лишь стороны одной и той же полноты, или, иначе, она сама есть лишь превращеніе одной изъ нихъ въ другую. Полнота, какъ основа и содержаніе, есть эта рефлектированная въ себя непосредственность лишь черезъ предполагающую рефлексію формы, снимающей свое различеніе и полагающей себя противъ него, какъ безразличное тожество, какъ рефлектированное единство. Или иначе, содержаніе есть сама форма, поскольку она опредѣляетъ себя, какъ различіе, и обращаетъ себя саму въ одну изъ своихъ сторонъ, какъ внѣшность, въ другую, какъ рефлектированную въ себѣ непосредственность или внутренность.

Поэтому же, наоборотъ, отличенія формы, внутреннее и внѣшнее, суть каждое положенное въ немъ самомъ, какъ полнота себя и своего другого;

внутреннее, какъ простое рефлектированное въ себя тожество, какъ непосредственное и потому также какъ бытіе и внѣшность, какъ сущность; и внѣшнее, какъ внѣшнее лишь въ смыслѣ многообразнаго опредѣленнаго бытія, т.-е. положенное, какъ несущественное и возвратившееся въ свое основаніе, стало быть, какъ внутреннее. Этотъ переходъ одного въ другое есть ихъ непосредственное тожество, какъ основа; но онъ есть также ихъ опосредованное тожество; а именно каждое изъ нихъ есть то, что оно есть, полнота отношенія, лишь черезъ свое другое. Или, наоборотъ, опредѣленность каждой изъ этихъ сторонъ тѣмъ, что она въ ней есть полнота, опосредована съ другою опредѣленностью; полнота опосредывается, таким образомъ, черезъ форму или опредѣленность съ самою собою, и опредѣленность опосредывается съ собою черезъ свое простое тожество.

То, что есть нѣчто, есть поэтому вполнѣ въ его внѣшности; его внѣшность есть его полнота, первая есть также его рефлектированное въ себя единство. Его явленіе есть рефлексія нетолько въ другое, но и въ себя, и его внѣшность есть поэтому обнаруженіе того, что оно есть въ себѣ; и такъ какъ его содержаніе и его форма, такимъ образомъ, совершенно тожественны, то оно въ себѣ и для себя есть не что иное, какъ то, что обнаруживаетъ себя. Оно есть откровеніе своей сущности такъ, что сущность состоитъ именно въ томъ, чтобы быть тѣмъ, что открываетъ себя.

Существенное отношеніе въ этомъ тожествѣ явленія съ внутреннимъ или сущностью опредѣлило себя, какъ дѣйствительность.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Дѣйствительность.

Дѣйствительность есть единство сущности и осуществленія; въ первой имѣютъ свою истину лишенная образа сущность и лишенное удержа явленіе или неопредѣленная устойчивость и непостоянное многообразіе. Осуществленіе есть, правда, возникшая изъ основанія непосредственность, но она еще не положила формы въ ней; и такъ какъ эта, опрндѣленная, лишь какъ рефлексія въ другое, устойчивость развивается въ рефлексію въ себя, то она становится двумя мірами, двумя полнотами содержанія, изъ коихъ одна опредѣляется, какъ рефлектированная въ себя, другая, — какъ рефлектированная въ другое. Существенное же отношеніе представляетъ собою ихъ отношеніе формы, завершеніе котораго есть такое отношеніе внутренняго и внѣшняго, въ которомъ содержаніе ихъ обоихъ есть лишь одна и та же же тожественная основа и равнымъ образомъ одно и то же тожество формы. Такъ какъ и это тожество оказалось касающимся формы, то отношеніе формы ихъ различія снято и положена ихъ одна абсолютная полнота.

Это единство внутренняго и внѣшняго есть абсолютная дѣйствительность. Эта дѣйствительность есть ближайшимъ образомъ абсолютное, какъ таковое, — поскольку оно положено, какъ единство, въ которомъ форма сняла себя и обратила себя въ пустое или внѣшнее различеніе внѣшняго и внутренняго. Рефлексія относится къ этому абсолютному, какъ внѣшняя, которая скорѣе разсматриваетъ его, чѣмъ оказывается его собственнымъ движеніемъ. Поскольку же она по существу есть послѣднее, она есть отрицательный возвратъ въ себя.

Во-вторыхъ, дѣйствительность собственно. Дѣйствительность, возможность и необходимость образуютъ собою формальные моменты абсолютнаго или ея рефлексію.

Въ-третьихъ, единство абсолютнаго и его рефлексіи есть абсолютное отношеніе или, правильнѣе, абсолютное, какъ отношеніе къ себѣ самому; субстанція.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Абсолютное.

Простое самостоятельное абсолютное есть неопредѣленное, или правильнѣе, въ немъ разрѣшилась вся опредѣленность сущности и осуществленія какъ бытія вообще, такъ и его рефлексіи. Поэтому опредѣленіе того, что есть абсолютное, оказывается отрицательнымъ, и само абсолютное является лишь отрицаніемъ всѣхъ предикатовъ и пустотою. Но такъ какъ оно должно быть высказано также, какъ положеніе всѣхъ предикатовъ, то оно является формальнѣйшимъ противорѣчіемъ. Поскольку эти отрицанія и положенія принадлежатъ внѣшней рефлексіи, то тутъ оказывается та формальная несистематическая діалектика, которая съ легкостью нападаетъ тамъ и сямъ на многія опредѣленія и съ такою же легкостью обнаруживаетъ, съ одной стороны ихъ конечность и совершенную относительность, а съ другой, такъ какъ абсолютное предносится ей, какъ полнота, высказываетъ о немъ всѣ опредѣленія, не будучи въ состояніи возвести этихъ положеній и отрицаній къ нѣкоторому истинному единству. Но должно быть изображено, что такое абсолютное; однако это изображеніе не можетъ быть нѣкоторымъ опредѣленіемъ, ниже внѣшнею рефлексіею, черезъ которую возникли бы эти опредѣленія, а есть изложеніе (Auslegung) и при томъ собственное изложеніе абсолютнаго и лишь нѣкоторый указатель того, что такое оно есть.

А.

Изложеніе абсолютнаго.

Абсолютное не есть только бытіе, ниже также сущность. Первое есть нерефлектированная, вторая рефлектированная непосредственность; то и другая есть далѣе полнота въ нихъ самихъ, но при томъ опредѣленная. Въ сущности

бытіе выступаетъ, какъ осуществленіе, и отношеніе бытія и сущности развилось въ отношеніе внутренняго и внѣшняго. Но внутреннее есть сущность, какъ полнота, имѣющая то существенное опредѣленіе, что она отнесена къ бытію и есть непосредственно бытіе. Внѣшнее также есть бытіе, но съ тѣмъ существеннымъ опредѣленіемъ, что отнесенное къ рефлексіи оно есть также непосредственно чуждое отношенію тожество съ сущностью. Само абсолютное есть абсолютное единство обоихъ; оно есть то, что вообще образуетъ основаніе существеннаго отношенія, которое, какъ отношеніе, еще не возвратилось къ этому своему тожеству, и основаніе котораго еще не положено.

Отсюда слѣдуетъ, что абсолютное опредѣляется, какъ абсолютная форма; но вмѣстѣ съ тѣмъ не какъ такое тожество, моменты котораго суть простыя опредѣленности; оно есть тожество, каждый изъ моментовъ котораго въ немъ самомъ есть полнота и тѣмъ самымъ, какъ безразличный къ формѣ, есть полное содержаніе цѣлаго. Но, наоборотъ, абсолютное есть абсолютное содержаніе, такимъ образомъ, что содержаніе, будучи, какъ таковое, безразличнымъ многообразіемъ, обладаетъ въ немъ отрицательнымъ отношеніемъ формы, вслѣдствіе чего его многообразіе есть одно и то же самостоятельное тожество.

Тожество абсолютнаго тѣмъ самымъ потому абсолютно, что каждая изъ его частей сама есть цѣлое, или каждая опредѣленность есть полнота, т.-е. что опредѣленность стала вполнѣ прозрачною видимостью, нѣкоторымъ исчезнувшимъ въ своемъ положеніи отвлеченіемъ. Сущность, осуществленіе, сущій въ себѣ міръ, цѣлое, части, сила, — эти рефлектированныя опредѣленія являются для представленія, какъ имѣющее значеніе для себя, истинное бытіе; но абсолютное есть относительно нихъ то основаніе, въ коемъ они исчезли. А такъ какъ въ абсолютномъ форма есть лишь простое тожество съ собою, то абсолютное не опредѣляетъ себя; ибо опредѣленіе есть нѣкоторое различеніе формы, имѣющее ближайшее значеніе, какъ таковое. Но такъ какъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ въ себѣ вообще всякое различеніе и опредѣленіе формы, или такъ какъ оно само есть абсолютная форма и рефлексія, то въ немъ должно выступать также различіе содержанія. Но само абсолютное есть абсолютное тожество; это его опредѣленіе, такъ какъ все многообразіе сущаго въ себѣ и являющагося міра или внутренней и внѣшней полноты внутри его снято. Внутри его самого нѣтъ никакого становленія, ибо оно не есть бытіе, равнымъ образомъ не есть рефлектирующее себя опредѣленіе; ибо оно не есть лишь внутри себя опредѣляющая себя сущность; оно не есть также нѣкоторое обнаруженіе себя, ибо оно есть тожество внутренняго и внѣшняго. Но, такимъ образомъ, движеніе рефлексіи противостоитъ своему абсолютному тожеству. Первое снято въ послѣднемъ и такимъ образомъ есть лишь его внутреннее, а тѣмъ самымъ и его внѣшнее. Оно состоитъ поэтому ближайшимъ образомъ лишь въ томъ, чтобы снимать свое дѣйствіе въ абсолютномъ. Оно есть потусторонее многообразныхъ различеній и опредѣленій и то ихъ движеніе, которое совершается за спиною абсолютнаго; поэтому оно есть какъ его усвоеніе, такъ вмѣстѣ и уничтоженіе; оно есть то отрицательное изложеніе абсолютнаго, которое было ранѣе упомянуто. Въ его

истинномъ изображеніи это изложеніе есть достигнутое покуда цѣлое логическаго движенія бытія и сущности, содержаніе коего не выхвачено извнѣ, какъ нѣчто данное и случайное, равнымъ образомъ не погружено путемъ внѣшней ему рефлексіи въ пучину абсолютнаго, но опредѣлило себя въ немъ черезъ свою внутреннюю необходимость, и, какъ собственное становленіе бытія, равно какъ рефлексія сущности, возвратилось въ абсолютное, какъ въ свое основаніе.

Но это изложеніе само имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую положительную сторону, поскольку конечное именно своимъ уничтоженіемъ въ основаніи показываетъ свою природу—быть относимымъ къ абсолютному или содержать абсолютное въ немъ самомъ. Но эта сторона есть нестолько положительное изложеніе самого абсолютнаго, сколько изложеніе опредѣленій, состоящихъ именно въ томъ, что они исчезаютъ въ абсолютномъ, какъ въ своей пучинѣ, и потому также имѣютъ его своимъ основаніемъ, или, иначе, въ томъ, что то, что даетъ имъ, видимости, устойчивость, есть само абсолютное. Видимость есть не ничто, а рефлексія, отношеніе къ абсолютному; или, иначе, видимость есть, поскольку въ ней показывается абсолютное. Такимъ образомъ это положительное изложеніе еще удерживаетъ конечное отъ его исчезновенія и разсматриваетъ его, какъ нѣкоторое выраженіе и образъ абсолютнаго. Но прозрачность конечнаго, дозволяющая абсолютному лишь просвѣчивать въ первомъ, заканчивается полнымъ исчезновеніемъ; ибо въ конечномъ нѣтъ ничего, что давало бы ему какое-либо отличіе отъ абсолютнаго; конечное есть лишь среда, поглощаемая тѣмъ, что показывается въ ней.

Поэтому положительное изложеніе абсолютнаго само есть лишь видимость; ибо то истинно-положительное, что содержитъ его, и излагаемое содержаніе есть само абсолютное. Какія бы ни оказывались дальнѣйшія опредѣленія, та форма, въ коей показывается абсолютное, есть нѣчто уничтоженное, которое принимаетъ изложеніе извнѣ, и въ которомъ оно пріобрѣтаетъ нѣкоторое начало для своего дѣйствія. Такое опредѣленіе имѣетъ въ абсолютномъ не начало свое, а лишь свой конецъ. Потому хотя это изложеніе есть абсолютное дѣйствіе черезъ свое отношеніе къ абсолютному, въ которое оно возвращается, но оно таково не по своей исходной точкѣ, составляющей внѣшнее абсолютному опредѣленіе.

Но въ дѣйствительности изложеніе абсолютнаго есть его собственное дѣйствіе, которое настолько же начинается отъ себя, насколько и приходитъ къ себѣ. Абсолютное, даже какъ лишь абсолютное тожество, есть нѣчто опредѣленное; именно оно опредѣлено, какъ тожественное; такъ положено оно рефлексіею въ противоположность противоположенію и многообразію; или, иначе, оно есть вообще лишь отрицательное рефлексіи и опредѣленія. Поэтому нетолько это изложеніе абсолютнаго есть нѣчто несовершенное, но таково и самое это абсолютное, къ которому изложеніе пришло. Или иначе, то абсолютное, которое есть лишь абсолютное тожество, есть лишь абсолютное нѣкоторой внѣшней рефлексіи. Оно есть поэтому не абсолютно-абсолютное, а абсолютное въ нѣкоторой опредѣленности или аттрибутъ. Но абсолютное есть аттрибутъ нетолько потому, что оно есть предметъ нѣ-

которой внѣшней рефлексіи и потому нѣчто опредѣленное ею. Или, иначе, рефлексія есть не только внѣшнее абсолютному, но непосредственно, именно потому что она ему внѣшня, она ему и внутрення. Абсолютное есть абсолютное лишь потому, что оно есть не отвлеченное тожество, а тожество бытія и сущности или тожество внутренняго и внѣшняго. Оно само есть слѣдовательно абсолютная форма, которая показываетъ его въ себѣ и опредѣляетъ, какъ аттрибутъ.

B.

Абсолютный аттрибутъ.

Употребленное выше выраженіе — абсолютно-абсолютное — означаетъ возвратившееся въ себя въ своей формѣ абсолютное или абсолютное, форма котораго тожественна его содержанію. Аттрибутъ же есть лишь относительное абсолютное, связь, не означающая ничего иного, кромѣ абсолютнаго въ нѣкоторомъ опредѣленіи формы. А именно форма прежде всего до ея полнаго изложенія лишь внутрення или, что то же самое, лишь внѣшня, вообще есть прежде всего опредѣленная форма или отрицаніе вообще. Но такъ какъ она вмѣстѣ съ тѣмъ есть форма абсолютнаго, то аттрибутъ составляетъ собою все содержаніе абсолютнаго; онъ есть полнота, которая ранѣе того являлась, какъ міръ или какъ одна изъ сторонъ существеннаго отношенія, каждая изъ которыхъ сама есть цѣлое. Но оба міра, являющійся и сущій въ себѣ и для себя, должны были быть каждый въ своей сущности взаимно противоположными. Одна сторона существеннаго отношенія была, правда, тожественна другой; цѣлое было тѣмъ же, что и части; обнаруженіе силы имѣло то же содержаніе, что и она сама, и внѣшнее вообще было тѣмъ же, что и внутреннее. Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая изъ этихъ сторонъ должна была имѣть еще и свою непосредственную устойчивость, одна, какъ сущая, другая, какъ рефлектированная непосредственность. Напротивъ того, въ абсолютномъ эти различенныя непосредственности понижаются до состояній видимости, и полнота, которая и есть аттрибутъ, положена, какъ его истинная и единственная устойчивость; опредѣленіе же его, — какъ несущественное.

Аттрибутъ есть аттрибутъ потому, что онъ есть простое абсолютное тожество въ опредѣленіи тожества; съ этимъ опредѣленіемъ вообще могутъ быть затѣмъ связаны и другія опредѣленія, напр., что есть также многіе аттрибуты. Но такъ какъ абсолютное тожество имѣетъ лишь то значеніе, что не только всѣ опредѣленія сняты, но что они суть также рефлексія, которая сама себя сняла, то въ ней всѣ опредѣленія положены, какъ снятыя. Тожество положено, какъ абсолютное, или аттрибутъ имѣетъ абсолютное своимъ содержаніемъ и устойчивостью; его опредѣленіе формы, вслѣдствіе котораго онъ есть аттрибутъ, поэтому также положено непосредственно, какъ простая видимость, отрицательное, какъ отрицательное. Такъ какъ положительная видимость, которую изложеніе сообщаетъ себѣ посредствомъ аттрибутовъ, не за-

хватываетъ въ свою границу конечнаго, какъ чего-либо сущаго въ себѣ и для себя, но разлагаетъ свою устойчивость въ абсолютное и расширяетъ послѣднее въ аттрибутъ, то въ немъ снимается даже то, что онъ есть аттрибутъ; она погружаетъ его и свое разлагающее дѣйствіе въ простое абсолютное.

Но такъ какъ рефлексія возвращается отъ своего различенія только къ тожеству абсолютнаго, то она вмѣстѣ съ тѣмъ не переходитъ изъ своей внѣшности къ истинному абсолютному. Она достигла лишь неопредѣленнаго, отвлеченнаго тожества, т.-е. того, которое состоитъ въ опредѣленности тожества. Или, иначе, такъ какъ рефлексія, какъ внутренняя форма, опредѣляетъ абсолютное, какъ аттрибутъ, то это опредѣленіе есть еще нѣчто различное отъ внѣшности; внутреннее опредѣленіе не проникаетъ всего абсолютнаго; его обнаруженіе состоитъ въ томъ, чтобы исчезнуть въ абсолютномъ, какъ только положенное.

Такимъ образомъ, форма все равно, какъ внѣшняя или какъ внутренняя, черезъ которую абсолютное стало аттрибутомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ положена, какъ нѣчто уничтоженное въ себѣ самомъ, какъ внѣшняя видимость или, просто, какъ видъ и способъ.

C.

Модусъ абсолютнаго.

Аттрибутъ есть, во-первыхъ, абсолютное въ простомъ тожествѣ съ собою. Во-вторыхъ, онъ есть отрицаніе, и оно, какъ отрицаніе, есть формальная рефлексія въ себя. Обѣ эти стороны образуютъ ближайшимъ образомъ двѣ крайности абсолютнаго, среднее между коими есть оно само, такъ какъ оно есть какъ абсолютное, такъ и опредѣленность. Вторая изъ этихъ крайностей есть отрицательное, какъ отрицательное, какъ внѣшняя абсолютному рефлексія. Или, поскольку оно берется, какъ внутреннее абсолютнаго, и поскольку собственное опредѣленіе абсолютнаго есть положеніе себя, какъ модуса, то послѣдній есть инобытіе абсолютнаго, потеря послѣднимъ себя въ измѣнчивости и случайности бытія, переходъ абсолютнаго въ свою противоположность безъ возврата въ себя, лишенное цѣлостности многообразіе опредѣленій формы и содержанія.

Но модусъ, какъ внѣшность абсолютнаго, есть не только эта внѣшность, а внѣшность, положенная, какъ внѣшность, простой видъ и способъ, тѣмъ самымъ видимость, какъ видимость или рефлексія формы въ себя; а, стало быть, то тожество съ собою, которое и есть абсолютное. Такимъ образомъ, на дѣлѣ лишь въ модусѣ абсолютное положено, какъ абсолютное тожество; то, что оно есть, именно тожество съ собою, оно есть, лишь какъ относящаяся къ себѣ отрицательность, какъ видимость, положенная, какъ видимость.

Поскольку поэтому изложеніе абсолютнаго начинаетъ съ его абсолютнаго тожества и переходитъ къ аттрибуту и отъ него къ модусу, оно, такимъ образомъ вполнѣ прошло свои моменты. Но, во-первыхъ, оно не есть тѣмъ

самымъ лишь отрицательное отношеніе къ этимъ опредѣленіямъ, но это его дѣйствіе есть само рефлектирующее движеніе, и, лишь какъ это движеніе, абсолютное есть по истинѣ абсолютное тожество. Во-вторыхъ, это изложеніе имѣетъ при этомъ дѣло не просто съ внѣшнимъ, и модусъ не есть лишь внѣшняя внѣшность, но такъ какъ онъ есть видимость, какъ видимость, то онъ есть возвратъ въ себя, разлагающая себя саму рефлексія, и абсолютное, какъ послѣдняя, есть абсолютное бытіе. Въ-третьихъ излагающая рефлексія представляетъ собою видимость начинанія отъ своихъ собственныхъ опредѣленій и отъ внѣшняго принятія въ себя модусовъ, а также опредѣленій аттрибута, какъ преднайденныхъ гдѣ-то внѣ абсолютнаго, и такого своего дѣйствія, при которомъ оно лишь возвращаетъ ихъ въ безразличное тожество. Но на дѣлѣ она имѣетъ въ самомъ абсолютномъ ту опредѣленность, съ которой начинаетъ. Ибо абсолютное, какъ первое безразличное тожество, само есть лишь потому опредѣленное абсолютное или аттрибутъ, что оно есть неподвижное, еще не рефлектированное абсолютное. Эта опредѣленность, какъ опредѣленность, принадлежитъ рефлектирующему движенію; лишь черезъ послѣднее абсолютное опредѣлено, какъ первое тожественное, и равнымъ образомъ лишь черезъ это движеніе имѣетъ оно абсолютную форму и есть не равное себѣ, а равнополагающее себя само.

Истинное значеніе модуса состоитъ поэтому въ томъ, что онъ есть рефлектирующее собственное движеніе абсолютнаго; нѣкоторое его опредѣленіе, но не такое, черезъ которое оно стало бы другимъ, а опредѣленіе того, что оно уже есть; прозрачная внѣшность, которая есть указаніе на себя саму; движеніе изъ себя во внѣ, но такъ, что это бытіе, образуемое во внѣ, есть равнымъ образомъ сама внутренность; а тѣмъ самымъ также такое положеніе, которое есть бытіе не просто положенное, а абсолютное бытіе.

Поэтому если спрашивается о содержаніи абсолютнаго, т.-е. о томъ, чѣмъ оказывается абсолютное, то вѣдь отличеніе въ абсолютномъ формы и содержанія уже помимо того разрѣшено. Или, иначе, содержаніе абсолютнаго именно состоитъ въ томъ, чтобы проявлять себя. Абсолютное есть абсолютная форма, которая въ ея раздвоеніи съ собою совершенно тожественна себѣ, есть отрицательное, какъ отрицательное; или иначе которая совпадаетъ съ собою и лишь такимъ образомъ есть абсолютное тожество съ собою, которое также безразлично къ своимъ отличеніямъ, или есть абсолютное содержаніе; содержаніемъ служитъ поэтому лишь самое это изложеніе.

Какъ такое носящее само себя движеніе изложенія, какъ видъ и способъ, который есть свое абсолютное тожество съ самимъ собою, обнаруженіе не чего-либо внѣшняго, не противоположнаго другому, но лишь абсолютное проявленіе себя для себя самого, абсолютное есть дѣйствительность.

Примѣчаніе. Понятію абсолютнаго и отношенію къ нему рефлексіи, какъ оно изображено здѣсь, соотвѣтствуетъ понятіе спинозовой субстанціи. Спинозизмъ есть потому недостаточная философія, что въ немъ рефлексія и ея многообразное опредѣленіе есть внѣшнее мышленіе. Субстанція въ этой системѣ есть одна субстанція, одна нераздѣльная полнота; нѣтъ такой опре-

дѣленности, которая не содержалась бы и не разрѣшалась бы въ этомъ абсолютномъ; и заслуживаетъ достаточнаго вниманія то, что все являющееся и предносящееся естественному представленію или опредѣляющему разсудку, какъ самостоятельное, понижается въ этомъ необходимомъ понятіи въ совершенно простое положеніе. Опредѣленность есть отрицаніе — таковъ абсолютный принципъ спинозовой философіи; этотъ истинный и простой взглядъ обосновываетъ собою абсолютное единство субстанціи. Но Спиноза останавливается на отрицаніи, какъ опредѣленности или качествѣ; онъ не приходитъ къ понятію его, какъ абсолютнаго, самоотрицающаго отрицанія; поэтому его субстанція не содержитъ въ самой себѣ абсолютной формы, и ея познаніе не есть имманентное познаніе. Правда, субстанція есть абсолютное единство мышленія и бытія или протяженія; такимъ образомъ. въ ней содержится само мышленіе, но лишь въ его единствѣ съ протяженіемъ, т.-е. не какъ отдѣляющее себя отъ протяженія, тѣмъ самымъ вообще не какъ опредѣленіе и формированіе, равно не какъ возвращающееся въ себя и начинающееся изъ себя самого движеніе. Вслѣдствіе того субстанція отчасти лишена принципа личности, — недостатокъ, который главнымъ образомъ возмущалъ противъ спинозовой системы; отчасти же познаніе оказывается внѣшнею рефлексіею, которая понимаетъ и выводитъ то, что является конечнымъ, опредѣленность аттрибута и модуса, а также вообще себя саму, не изъ субстанціи, но дѣйствуетъ, какъ внѣшній разсудокъ, принимающій опредѣленія, какъ данныя, и возводящій изъ обратно къ абсолютному, вмѣсто того, чтобы начинать съ него.

Понятія, которыя Спиноза даетъ о субстанціи, суть понятія причины самой себя, т.-е. того, сущность чего включаетъ въ себя осуществленіе; понятіе абсолютнаго не нуждается въ понятіи чего-либо другого, изъ котораго оно должно быть образовано. Эти понятія, какъ они ни глубоки и ни правильны, суть опредѣленія, заранѣе непосредственно принятыя наукою. Математика и прочія подчиненныя науки должны начинать съ предположеній, составляющихъ ихъ элементъ и положительную основу. Но абсолютное не можетъ быть первымъ, непосредственнымъ, а есть по существу свой результатъ.

За опредѣленіемъ абсолютнаго у Спинозы выступаетъ далѣе опредѣленіе аттрибута; онъ опредѣляется, какъ то, какимъ образомъ разсудокъ понимаетъ его сущность. Но независимо отъ того, что разсудокъ по его природѣ является позднѣе аттрибута—ибо Спиноза опредѣляетъ разсудокъ, какъ модусъ—аттрибутъ, опредѣленіе, какъ опредѣленіе абсолютнаго, становится зависимымъ отъ нѣкотораго другого, отъ разсудка, выступающимъ противъ субстанціи внѣшне и непосредственно.

Далѣе Спиноза опредѣляетъ аттрибуты, какъ безконечные, и именно безконечные въ смыслѣ также безконечнаго множества. Правда ихъ оказывается далѣе всего два—мышленіе и протяженіе—и не объясняется, какимъ образомъ безконечное множество сводится необходимо лишь къ противоположности именно этихъ опредѣленныхъ аттрибутовъ—мышленія и протяженія. Такимъ образомъ, оба. эти аттрибута принимаются эмпирически. Мышленіе

и протяженіе представляютъ собою абсолютное въ такомъ опредѣленіи, что послѣднее само есть ихъ абсолютное единство, такъ что они суть лишь несущественныя формы; порядокъ вещей тотъ же, что порядокъ представленій или мыслей, и одно и то же абсолютное разсматривается лишь черезъ внѣшнюю рефлексію, черезъ нѣкоторый модусъ, подъ этими обоими опредѣленіями, то какъ полнота представленій, то какъ полнота вещей и ихъ измѣненій. Какъ внѣшняя рефлексія дѣлаетъ это различеніе, такъ она же возвращаетъ и погружаетъ ихъ въ абсолютное тожество. Но все это движеніе совершается внѣ абсолютнаго. Правда, оно само есть также мышленіе, и потому это движеніе совершается только въ абсолютномъ; но, какъ замѣчено, оно есть въ абсолютномъ лишь въ единствѣ съ протяженіемъ, стало быть, не какъ такое движеніе, которое есть по существу также моментъ противоположенія. Спиноза предлагаетъ мышленію возвышенное требованіе, разсматривать все подъ образомъ вѣчности, sub specie aeterni, т.-е. какъ оно есть въ абсолютномъ. Но въ томъ абсолютномъ, которое есть лишь неподвижное тожество, аттрибутъ, какъ и модусъ, суть лишь исчезающіе, а не становящіеся, такъ что тѣмъ самымъ даже это исчезаніе получаетъ свое положительное начало лишь извнѣ.

Третье — модусъ — есть у Спинозы измѣненіе (affectio) субстанціи, опредѣленная опредѣленность, сущая въ нѣкоторомъ другомъ и понимаемая черезъ это другое. Аттрибуты имѣютъ собственнымъ своимъ опредѣленіемъ лишь неопредѣленное различіе; каждый изъ нихъ долженъ выражать собою полноту субстанціи и быть понимаемъ изъ себя самого; но поскольку онъ есть абсолютное, какъ опредѣленное, онъ содержитъ въ себѣ инобытіе и не можетъ быть понимаемъ только изъ себя самого. Поэтому только въ модусѣ, собственно говоря, положено опредѣленіе аттрибута. Это третье остается далѣе простымъ модусомъ, онъ, съ одной стороны, есть непосредственно данное, а съ другой его уничтожаемость познается, не какъ рефлексія въ себя. Спинозово изложеніе абсолютнаго поэтому, правда, полно постольку, поскольку оно начинаетъ съ абсолютнаго, переходитъ отъ него затѣмъ къ аттрибуту и кончаетъ модусомъ; но всѣ эти три лишь перечисляются одно за другимъ безъ внутренней послѣдовательности развитія, и третье не есть отрицаніе, какъ отрицаніе, отрицательно относящееся къ себѣ отрицаніе, черезъ которое оно въ немъ самомъ было бы возвратомъ въ первое тожество и этимъ истиннымъ тожествомъ. Поэтому тутъ не хватаетъ необходимаго перехода абсолютнаго въ несущественность, равно какъ разложенія послѣдней въ себѣ и для себя въ тожество; или, иначе, не хватаетъ становленія какъ тожества, такъ и его опредѣленій.

Равнымъ образомъ въ восточномъ представленіи эманаціи абсолютное есть самоозаряющій свѣтъ. Но онъ не только озаряетъ себя, а также истекаетъ изъ себя. Его истеченія суть удаленія отъ его непомраченной ясности; послѣдующія порожденія менѣе совершенны, чѣмъ предыдущія, изъ которыхъ первыя происходятъ. Истеченіе понимается, лишь какъ нѣкоторое событіе, становленіе, лишь какъ нѣкоторая постепенная утрата. Такимъ образомъ, бытіе

все болѣе и болѣе помрачается, и ночь, отрицательное, есть конецъ линіи, невозвращающейся уже къ первому свѣту.

Отсутствіе рефлексіи въ себя, свойственное какъ спинозову изложенію абсолютнаго, такъ и ученію объ эманаціи въ немъ самомъ, восполняется въ понятіи лейбницевыхъ монадъ. Односторонность какого-либо философскаго принципа приводитъ къ противоположенію его противоположному принципу, и, какъ бываетъ всегда, возникаетъ ихъ объединеніе, по крайней мѣрѣ, какъ порозненная полнота. Монада есть лишь одно, нѣкоторое рефлектированное въ себя отрицательное; она есть полнота содержанія міра; различное многообразіе не только исчезаетъ въ ней, но отрицательнымъ образомъ сохраняется. Спинозова субстанція есть (также) единство всякаго содержанія; но это многообразное содержаніе міра есть, какъ таковое, не внутри ея, а въ ея внѣшней рефлексіи. Поэтому монада по существу есть представляющая; но въ ней, хотя она и конечна, нѣтъ пассивности, а измѣненія и опредѣленія внутри ея суть проявленія ея внутри самой себя. Она есть энтелехія; обнаруженіе есть ея собственное дѣйствіе. При томъ монада есть опредѣленная, отличенная отъ другихъ; опредѣленность присуща особому содержанію ея и виду и способа ея проявленія. Поэтому монада есть полнота въ себѣ, по своей субстанціи, а не въ своихъ проявленіяхъ. Это ограниченіе монады находится необходимо не въ полагающей саму себя или въ представляющей монадѣ, а внутри ея бытія въ себѣ, или иначе оно есть абсолютная граница, предопредѣленіе, положенное другою, отличною отъ нея сущностью. Далѣе, такъ какъ ограниченное имѣетъ бытіе, лишь относясь къ другому ограниченному, монада же есть вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое замкнутое внутри себя абсолютное, то гармонія этихъ ограниченій, т.-е. взаимное отношеніе монадъ, находится внѣ ихъ и также предустановлена нѣкоторою другою сущностью или въ себѣ.

Ясно, что хотя принципъ рефлексіи въ себя составляетъ основное опредѣленіе монады, вообще устраняетъ инобытіе и воздѣйствіе извнѣ и обращаетъ измѣненія монады въ ея собственное положеніе, но что, съ другой стороны, зависящая отъ другого пассивность тѣмъ самымъ превращается лишь въ абсолютное ограниченіе, въ ограниченіе бытія въ себѣ. Лейбницъ приписываетъ монадамъ извѣстную законченность внутри себя, нѣкоторый видъ самостоятельности; онѣ суть сотворенныя сущности. При ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ ограниченія изъ этого изложенія оказывается, что присущее имъ проявленіе ихъ самихъ есть полнота формы. Очень важно понятіе, по которому измѣненія монадъ представляются, какъ чуждыя пассивности дѣйствія, какъ проявленія ихъ самихъ, и принципъ рефлексіи въ себя или индивидуаціи выступаетъ, какъ существенный. Далѣе необходимо признавать ихъ конечность состоящею въ томъ, что ихъ содержаніе или субстанція отличены отъ формы, и далѣе что первое ограничено, а вторая безконечна. Но затѣмъ надлежало бы найти въ понятіи абсолютной монады нетолько это абсолютное единство формы и содержанія, а также свойство рефлексіи отталкивать себя отъ себя, какъ относящуюся къ себѣ самой отрицательность,

въ силу котораго она есть полагающая и творящая. Правда, въ лейбницевой системѣ есть также и дальнѣйшее, именно что Богъ есть источникъ осуществленія и сущности монадъ, что то абсолютное ограниченіе въ бытіи въ себѣ монадъ не есть сущее въ себѣ и для себя, но исчезаетъ въ абсолютномъ. Но въ этихъ опредѣленіяхъ проявляются лишь обычныя представленія, допущенныя безъ философскаго развитія и не возведенныя въ умозрительныя понятія. Такимъ образомъ, принципъ индивидуаціи не пріобрѣтаетъ своего болѣе глубокаго обоснованія; понятія отличеній различныхъ конечныхъ монадъ и ихъ отношенія къ ихъ абсолютному не вытекаютъ изъ самой сущности послѣдняго или абсолютнымъ образомъ, а принадлежатъ резонирующей, догматической рефлексіи и потому не достигаютъ внутренней связи.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Дѣйствительность.

Абсолютное есть единство внутренняго и внѣшняго, какъ первое, сущее въ себѣ единство. Его изложеніе оказалось внѣшнею рефлексіею, которая имѣетъ со своей стороны непосредственное, какъ преднайденное, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть движеніе и отношеніе послѣдняго къ абсолютному и, какъ таковое, возвращаетъ его въ абсолютное и опредѣляетъ оное, какъ простой видъ и способъ. Но этотъ видъ и способъ есть опредѣленіе самого абсолютнаго, именно его первое тожество или его просто въ себѣ сущее единство. И хотя черезъ эту рефлексію то первое бытіе въ себѣ положено, нетолько какъ несущественное опредѣленіе, но такъ какъ послѣднее есть отрицательное отношеніе къ себѣ, то лишь черезъ него возникаетъ тотъ модусъ. Лишь эта рефлексія, какъ снимающая саму себя въ ея опредѣленіяхъ и вообще какъ возвращающееся внутрь себя движеніе, и есть истинно абсолютное тожество, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіе абсолютнаго или его модальность. Модусъ есть поэтому внѣшность абсолютнаго, но равнымъ образомъ лишь его рефлексія въ себя; иначе, онъ есть его собственное проявленіе, такъ что это проявленіе есть его рефлексія въ себя и тѣмъ самымъ его бытіе въ себѣ и для себя.

Какъ проявленіе, которое не есть что-либо большее и не имѣетъ иного содержанія кромѣ того, что оно есть проявленіе себя, абсолютное есть, такимъ образомъ, абсолютная форма. Дѣйствительность и должна быть понимаема, какъ эта рефлектированная абсолютность. Бытіе еще не есть дѣйствительное; оно есть первая непосредственность; его рефлексія есть поэтому становленіе и переходъ въ другое; или иначе, его непосредственность не есть бытіе въ себѣ и для себя. Дѣйствительность стоитъ также выше, чѣмъ осуществленіе. Послѣднее, правда, есть непосредственность, возникшая изъ основанія и условій или изъ сущности и ея рефлексіи. Оно есть поэтому въ себѣ то же, что и дѣйствительность, реальная рефлексія, но еще не есть поло-

женное единство рефлексіи и непосредственности. Осуществленіе переходитъ поэтому въ явленіе черезъ саморазвитіе содержащейся въ первомъ рефлексіи. Осуществленіе есть уничтоженное въ основаніи основаніе; опредѣленіе осуществленія есть возстановленіе основанія, и такимъ образомъ, первое становится существеннымъ отношеніемъ, и его послѣдняя рефлексія состоитъ въ томъ, что его непосредственность положена, какъ рефлексія въ себя, и наоборотъ; это единство, въ которомъ осуществленіе или непосредственность и бытіе въ себѣ, основаніе или рефлектированное, суть только моменты, и есть дѣйствительность. Поэтому дѣйствительное есть проявленіе (Manifestation), оно не вовлекается черезъ свою внѣшность въ сферу измѣненія, равнымъ образомъ не есть видимость себя въ нѣкоторомъ другомъ, но проявляетъ себя; т.-е. оно есть въ своей внѣшности оно само и есть лишь внутри ея, именно какъ отличающее себя отъ себя и самоопредѣляющее движеніе, какъ оно само.

Но въ дѣйствительности, какъ въ этой абсолютной формѣ, моменты, какъ снятые или формальные, еще не реализованы; ихъ различіе принадлежитъ, такимъ образомъ, ближайше внѣшней рефлексіи и не опредѣлено какъ содержаніе.

Дѣйствительности, какъ самому непосредственному единству формы внутренняго и внѣшняго, присуще тѣмъ самымъ опредѣленіе непосредственности въ противоположность опредѣленію рефлексіи въ себя; или, иначе, она есть нѣкоторая дѣйствительность въ противоположность нѣкоторой возможности. Взаимное отношеніе ихъ обѣихъ есть третье, дѣйствительное, опредѣленное также, какъ рефлектированное въ себя бытіе, а послѣднее также, какъ непосредственно осуществленное. Это третье есть необходимость.

Но ближайшимъ образомъ, поскольку дѣйствительное и возможное суть формальныя различенія, ихъ отношеніе также только формально и состоитъ лишь въ томъ, что и то, и другое есть положеніе, или, иначе, въ случайности.

А тѣмъ самымъ, что въ случайности и дѣйствительное, и возможное есть положеніе, они пріобрѣтаютъ опредѣленность въ нихъ; тѣмъ самымъ возникаетъ, во-вторыхъ, реальная дѣйствительность, съ чѣмъ вмѣстѣ возникаютъ также реальная возможность и относительная необходимость.

Рефлексія въ себя относительной необходимости даетъ, въ-третьихъ, абсолютную необходимость, которая есть абсолютная возможность и дѣйствительность.

A.

Случайность или формальная дѣйствительность, возможность и необходимость.

1. Дѣйствительность формальна, поскольку, какъ первая дѣйствительность, она есть дѣйствительность лишь непосредственная, нерефлектированная, и тѣмъ самымъ ей присуще лишь это опредѣленіе формы, а не полнота формы. Такимъ образомъ, она есть далѣе не что иное, какъ бытіе или осуществленіе вообще. Но такъ какъ она по существу есть не

только непосредственное осуществленіе, а единство формы бытія въ себѣ или внутренности и внѣшности, то она содержитъ въ себѣ непосредственно бытіе въ себѣ или возможность. Что дѣйствительно, то возможно.

2. Эта возможность есть рефлектированная въ себя дѣйствительность. Но само это первое рефлектированіе есть также формальное и тѣмъ самымъ вообще лишь опредѣленіе тожества съ собою или бытіе въ себѣ вообще.

Но такъ какъ опредѣленіе есть здѣсь полнота формы, то это бытіе въ себѣ опредѣлено, какъ снятое или какъ по существу лишь въ отношеніи къ дѣйствительности, какъ ея отрицательное, положенное, какъ отрицательное. Возможность содержитъ въ себѣ поэтому два момента; во-первыхъ, положительное, которое есть рефлектированіе въ себя само; но такъ какъ это положительное въ абсолютной формѣ понижено до значенія момента, то рефлектированіе въ себя уже не оказывается сущностью, а имѣетъ, во-вторыхъ, отрицательное значеніе, по которому возможность есть нѣчто недостаточное, указывающее на другое, на дѣйствительность, и восполняющее себя въ ней.

По первой только положительной сторонѣ возможность есть, слѣдовательно, простое опредѣленіе формы тожества съ собою или форма существенности. Такимъ образомъ, она есть безотносительный неопредѣленный носитель всего вообще. Въ смыслѣ этой формальной возможности возможно все, что не противорѣчитъ себѣ; царство возможности есть поэтому безконечное многообразіе. Но это многообразное опредѣлено внутри себя и въ противоположность другому и имѣетъ отрицательность въ немъ; вообще безразличное различіе переходитъ въ противоположность; противоположность же есть противорѣчіе. Поэтому все есть равнымъ образомъ противорѣчивое и потому невозможное.

Это просто формальное заявленіе о чемъ-либо—оно возможно—поэтому столь же плоско и пусто, какъ и начало противорѣчія, и каждое взятое въ первое содержаніе—возможно *А*—означаетъ не болѣе того, что *А* есть *А*. Поскольку не предпринимается развитіе содержанія, послѣднее имѣетъ форму простоты; лишь черезъ его разложеніе на его опредѣленія въ него привходитъ различеніе. Пока держатся за эту простую форму, содержаніе остается чѣмъ-то тожественнымъ себѣ и потому нѣкоторою возможностью. Но тѣмъ самымъ также, какъ посредствомъ формально-тожественнаго предложенія, высказывается лишь ничто.

Тѣмъ не менѣе возможное содержитъ въ себѣ болѣе, чѣмъ просто тожественное предложеніе. Возможное есть рефлектированное рефлектированіе въ себя или тожество, просто какъ моментъ полноты, тѣмъ самымъ опредѣленное также, какъ не сущее въ себѣ; оно имѣетъ поэтому второе опредѣленіе—быть лишь нѣкоторымъ возможнымъ и долженствованіемъ полноты формы. Возможность безъ этого долженствованія есть существенность, какъ таковая; но въ абсолютной формѣ содержится, что сущность сама есть лишь моментъ и безъ бытія не имѣетъ своей истины. Возможность есть эта простая существенность, положенная такъ, что она есть лишь моментъ и не соотвѣтствуетъ абсолютной формѣ. Она есть бытіе въ себѣ, опредѣленное,

какъ лишь нѣчто положенное, или равнымъ образомъ какъ не сущее въ себѣ. Поэтому возможность есть и въ ней самой противорѣчіе, или иначе, она есть невозможность.

Ближайшимъ образомъ это можно выразить такъ, что возможность имѣетъ въ ней нѣкоторое содержаніе вообще, какъ положенное снятымъ опредѣленіе формы. Это содержаніе, какъ возможное, есть нѣкоторое бытіе въ себѣ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть нѣчто снятое или нѣкоторое инобытіе. Но такъ какъ оно есть только нѣчто возможное, то равнымъ образомъ возможно нѣчто другое, противоположное первому. *A* есть *A*; точно также—*A* есть—*A*. Оба эти предложенія выражаютъ собою каждое возможность своего опредѣленія содержанія. Но какъ эти тожественныя себѣ предложенія, они безразличны одно относительно другого; вмѣстѣ съ однимъ изъ нихъ не положено, что имѣетъ мѣсто и другое. Возможность есть сравнительное отношеніе ихъ обоихъ; въ ея опредѣленіи, какъ нѣкоторой рефлексіи полноты, содержится, что возможно и противоположное ей. Поэтому оно есть основаніе того отношенія, что такъ какъ $A = A$, также—$A = -A$; въ возможномъ *A* содержится и возможное не-*A*, и самое это отношеніе есть то, что опредѣляетъ оба, какъ возможныя.

Но какъ то отношеніе, что въ одномъ возможномъ содержится и его другое, оно есть противорѣчіе, которое снимаетъ себя. Такъ какъ это отношеніе по своему опредѣленію есть рефлектированное и, какъ оказалось, снимающее себя рефлектированное, то оно тѣмъ самымъ есть также непосредственное и потому становится дѣйствительностью.

3. Эта дѣйствительность есть не первая, но рефлектированная, положенная, какъ единство себя самой и возможности. Дѣйствительное, какъ таковое, возможно; оно есть непосредственное положительное тожество съ возможностью; тѣмъ самымъ и дѣйствительное опредѣлено, какъ только нѣчто возможное. И непосредственно, такъ какъ возможность непосредственно содержится въ дѣйствительности, первая въ послѣдней снята, есть въ ней только возможность. Наоборотъ, дѣйствительность, сущая въ единствѣ съ возможностью, есть лишь снятая непосредственность; или, иначе, такъ какъ формальная дѣйствительность есть лишь непосредственная первая, то она есть лишь моментъ, лишь снятая дѣйствительность или лишь возможность.

Тѣмъ самымъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражено ближайшимъ образомъ опредѣленіе того, въ какой мѣрѣ возможность есть дѣйствительность. А именно, возможность еще не есть вся дѣйствительность, о реальной и абсолютной дѣйствительности еще не было рѣчи; эта дѣйствительность есть лишь та, которая представляется первою, именно формальная, опредѣлившая себя, лишь какъ возможность, т.-е. формальная дѣйствительность, которая есть вообще лишь бытіе или осуществленіе. Все возможное имѣетъ поэтому вообще нѣкоторое бытіе или нѣкоторое осуществленіе.

Это единство возможности и дѣйствительности есть случайность. Случайное есть нѣчто дѣйствительное, опредѣляемое вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь какъ возможное, другое или противоположное которому равнымъ образомъ есть. Эта

дѣйствительность есть поэтому простое бытіе или осуществленіе, но положенное въ своей истинѣ, какъ имѣющее значеніе нѣкотораго положенія или возможности. Наоборотъ, возможность есть рефлексія въ себя или бытіе въ себѣ, положенное, какъ положеніе; то, что возможно, есть нѣкоторая дѣйствительность въ этомъ смыслѣ дѣйствительности; она имѣетъ поэтому лишь цѣнность случайной дѣйствительности; она есть сама нѣчто случайное.

Случайное представляетъ поэтому двѣ стороны; во-первыхъ, поскольку оно имѣетъ возможность непосредственно въ немъ, или, что то же самое, поскольку она въ немъ снята, оно не есть положенное или опосредованное, но непосредственная дѣйствительность; оно не имѣетъ основанія. Такъ какъ и возможному присуща эта непосредственная дѣйствительность, то оно, какъ дѣйствительное, опредѣляется также, какъ случайное и также какъ лишенное основанія.

Но случайное есть, во-вторыхъ, дѣйствительное, какъ нѣчто лишь возможное или какъ положеніе; также точно и возможное, какъ формальное бытіе въ себѣ, есть лишь положеніе. Тѣмъ самымъ то и другое не есть въ себѣ и для себя, а имѣетъ свою истинную рефлексію въ себя въ нѣкоторомъ другомъ, или, иначе, оно имѣетъ нѣкоторое основаніе.

Такимъ образомъ, случайное потому не имѣетъ основанія, что оно случайно; и равнымъ образомъ имѣетъ нѣкоторое основаніе потому, что оно случайно. Оно есть положенное, непосредственное взаимное превращеніе внутренняго во внѣшнее или рефлектированія въ себя и бытія; положенное черезъ то, что и возможность и дѣйствительность каждая имѣетъ въ ней самой это опредѣленіе, черезъ то, что онѣ суть моменты абсолютной формы. Такимъ образомъ, дѣйствительность въ ея непосредственномъ единствѣ съ возможностью есть лишь осуществленіе и опредѣлена, какъ лишенное основанія, какъ только нѣчто положенное или только возможное; или какъ рефлектированное и опредѣленное въ противоположность возможности и, такимъ образомъ, отдѣленное отъ возможности, отъ рефлектированія въ себя, и тѣмъ самымъ непосредственно также лишь возможное. Равнымъ образомъ возможность, какъ простое бытіе въ себѣ, есть непосредственное, лишь нѣкоторое сущее вообще; или въ противоположность дѣйствительности равнымъ образомъ лишенное дѣйствительности бытіе въ себѣ, лишь нѣчто возможное, но именно потому снова лишь нѣкоторое нерефлектированное въ себя осуществленіе вообще.

Это абсолютное безпокойство становленія обоихъ этихъ опредѣленій есть случайность. Но именно потому, что каждое изъ нихъ непосредственно превращается въ противоположное, оно въ послѣднемъ также совершенно совпадаетъ съ самимъ собою; и это ихъ тожество каждаго въ другомъ есть необходимость.

Необходимое есть нѣчто дѣйствительное; поэтому, какъ непосредственное, оно есть лишенное основанія; однако, оно равнымъ образомъ имѣетъ свою дѣйствительность черезъ нѣчто другое или въ своемъ основаніи, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе этого основанія и его рефлексія въ себя; возможность необходимаго снята. Поэтому случайное необходимо потому, что дѣйствительное,

какъ возможное, опредѣлено, и тѣмъ самымъ его непосредственность снята, находится въ основаніи или бытіи въ себѣ и оттолкнута въ обоснованное, а также потому, что эта его возможность, отношеніе основанія, просто снята и положена, какъ бытіе. Необходимое есть, и это сущее есть само необходимое. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть въ себѣ; эта рефлексія въ себя есть другое, чѣмъ та непосредственность бытія; и необходимость сущаго есть нѣкоторое другое. Поэтому сущее само не есть необходимое, но это бытіе въ себѣ есть само лишь положеніе, оно снято и само непосредственно. Такимъ образомъ, дѣйствительность въ различаемомъ отъ нея, въ возможности, тожественна самой себѣ. Какъ это тожество, она есть необходимость.

B.

Относительная необходимость или реальная дѣйствительность, возможность и необходимость.

1. Выяснившаяся теперь необходимость есть формальная, такъ какъ формальны ея моменты, именно простыя опредѣленія, которыя представляютъ собою полноту, лишь будучи непосредственнымъ единствомъ или непосредственнымъ превращеніемъ одного въ другое, и поэтому не имѣютъ вида самостоятельности. Въ этой формальной необходимости единство поэтому ближайшимъ образомъ просто и безразлично къ своимъ различеніямъ. Какъ непосредственное единство опредѣленій формы, эта необходимость есть дѣйствительность, но такая, которая, поскольку ея единство уже опредѣлено, какъ безразличное, къ различеніямъ опредѣленій формы, именно какъ единство ея самой и возможности, имѣетъ нѣкоторое содержаніе. Но послѣднее, какъ безразличное тожество, содержитъ также и форму, какъ безразличную, т.-е. какъ просто различныя опредѣленія, и есть вообще многообразное содержаніе. Эта дѣйствительность есть реальная дѣйствительность.

Реальная дѣйствительность, какъ таковая, есть ближайшимъ образомъ вещь со многими свойствами, осуществленный міръ; но она есть не осуществленіе, разлагающееся въ явленіе, а, какъ дѣйствительность, есть вмѣстѣ съ тѣмъ бытіе въ себѣ и рефлексія въ себя; она сохраняется въ разнообразіи простого осуществленія; ея внѣшность есть внутреннее отношеніе лишь къ себѣ самой. То, что дѣйствительно, можетъ дѣйствовать; нѣчто обнаруживаетъ свою дѣйствительность черезъ то, что оно производитъ. Его отношеніе къ другому есть проявленіе себя, не нѣкоторый переходъ,—такъ относится сущее нѣчто къ другому, ни явленіе,—такимъ бываетъ вещь лишь въ отношеніи къ другому; это нѣчто самостоятельное, имѣющее однако свою рефлексію въ себя, свою опредѣленную существенность въ нѣкоторомъ другомъ самостоятельномъ.

Реальная дѣйствительность имѣетъ, такимъ образомъ, возможность какъ бы непосредственно въ ней самой. Она содержитъ въ себѣ моментъ бытія въ себѣ; но, какъ лишь непосредственное единство, она отличена однимъ изъ опредѣленій формы и тѣмъ самымъ, какъ сущее, отъ бытія въ себѣ или отъ возможности.

2. Эта возможность, какъ бытіе въ себѣ реальной дѣйствительности, сама есть реальная возможность, ближайшимъ образомъ содержательное бытіе въ себѣ. Формальная возможность есть рефлексія въ себя, лишь какъ отвлеченное тожество, состоящее въ томъ, что нѣчто не противорѣчитъ себѣ внутри себя. Но поскольку мы вникаемъ въ опредѣленія, обстоятельства, условія нѣкоторой вещи, дабы познать изъ нихъ ея возможность, мы не останавливаемся уже на формальномъ, а разсматриваемъ ея реальную возможность.

Эта реальная возможность сама есть непосредственное осуществленіе; но уже не потому, что возможность, какъ таковая, какъ формальный моментъ, есть непосредственно ея противоположность, нѣкоторая нерефлектированная дѣйствительность; именно потому, что она есть реальная возможность, она имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней самой это опредѣленіе. Реальная возможность нѣкоторой вещи есть поэтому существующее многообразіе относящихся къ ней обстоятельствъ.

Такимъ образомъ, хотя это многообразіе существованія есть настолько же возможность, насколько и дѣйствительность, но его тожество есть лишь прежде всего содержаніе, безразличное къ этимъ опредѣленіямъ формы; они образуютъ поэтому опредѣленнымъ образомъ форму въ противоположность ихъ тожеству. Или, иначе, непосредственная реальная дѣйствительность, именно потому что она есть непосредственная, опредѣлена въ противоположность своей возможности; какъ эта опредѣленная, тѣмъ самымъ рефлектированная, она есть реальная возможность. Хотя послѣдняя есть положенное цѣлое формы, но формы въ ея опредѣленности, а именно дѣйствительности, какъ формальной или непосредственной, и равнымъ образомъ возможности, какъ отвлеченнаго бытія въ себѣ. Эта дѣйствительность, составляющая возможность нѣкоторой вещи, есть поэтому не ея собственная возможность, а бытіе въ себѣ нѣкотораго другого дѣйствительнаго; она сама есть дѣйствительность, долженствующая быть снятою, возможность, какъ только возможность. Такимъ образомъ, реальная возможность составляетъ всю совокупность условій, нерефлектированную въ себя, разсѣянную дѣйствительность, опредѣленіе которой однако таково, что она должна быть бытіемъ въ себѣ нѣкотораго другого и возвращаться въ себя.

То, что реально возможно, есть, стало быть, по своему бытію въ себѣ нѣчто формально-тожественное, не противорѣчащее себѣ по своему простому опредѣленію содержанія; но и по своимъ развитымъ и различеннымъ обстоятельствамъ и по всему тому, съ чѣмъ оно состоитъ въ связи, оно, какъ тожественное себѣ, не должно противорѣчить себѣ. Но, во-вторыхъ, такъ какъ оно многообразно внутри себя и находится въ многообразной связи съ другимъ, различіе же въ себѣ самомъ переходитъ въ противоположеніе, то оно есть нѣчто противорѣчивое. Если идетъ рѣчь о какой-либо возможности и должно быть указано ея противорѣчіе, то достаточно настаивать лишь на многообразіи, которое она содержитъ въ себѣ, какъ содержаніе или какъ ея обусловленное осуществленіе; изъ чего легко обнаруживается ея противорѣчіе. Но послѣднее не есть противорѣчіе сравненія, а многообразное осуществленіе въ себѣ самомъ состоитъ въ томъ,

чтобы снимать себя и уничтожать въ основаніи; его существенное опредѣленіе въ томъ и состоитъ, чтобы въ немъ самомъ быть только чѣмъ-либо возможнымъ. Если всѣ условія вещи вполнѣ на лицо, то она вступаетъ въ дѣйствительность; полнота условій есть какъ бы полнота въ содержаніи, и сама вещь есть это содержаніе, опредѣленное вмѣстѣ и какъ дѣйствительное, и какъ возможное. Въ сферѣ условнаго основанія условія имѣютъ внѣ ихъ форму, т.-е. основаніе или сущую для себя рефлексію, и эта форма относитъ ихъ къ моментамъ вещи и производитъ въ нихъ осуществленіе. Здѣсь же, напротивъ, непосредственная дѣйствительность опредѣляется, какъ условіе, не черезъ предшествующую рефлексію, а оказывается положеннымъ, что она сама есть возможность.

Итакъ, въ снимающей себя реальной возможности даны двѣ стороны, которыя снимаются; ибо она сама есть двойное, дѣйствительность и возможность. 1) Дѣйствительность есть формальное осуществленіе, т.-е. такое, которое является, какъ самостоятельное непосредственное, становится черезъ снятіе ея рефлектированнымъ бытіемъ, моментомъ нѣкотораго другого, и тѣмъ самымъ получаетъ въ ней бытіе въ себѣ. 2) Это осуществленіе опредѣляется также, какъ возможность или какъ бытіе въ себѣ, но нѣкотораго другого. Такъ какъ оно такимъ образомъ, снимаетъ себя, то снимается и это бытіе въ себѣ и переходитъ въ дѣйствительность. Это движеніе снимающей саму себя реальной возможности производитъ, слѣдовательно, тѣ же уже имѣющіеся налицо моменты, только каждый становящійся изъ другого; потому въ этомъ отрицаніи также нѣтъ перехода, а есть совпаденіе съ самимъ собою. Поэтому по формальной возможности, поскольку нѣчто было возможно, было возможно также нетолько оно само, но и его другое. Реальной же возможности уже не противостоитъ такое другое, ибо она реальна, поскольку она сама есть также дѣйствительность. Такъ какъ такимъ образомъ снимается ея непосредственное осуществленіе, кругъ условій, то она обращаетъ себя въ то бытіе въ себѣ, какое она уже есть, именно въ бытіе въ себѣ нѣкотораго другого. И такъ какъ, наоборотъ, тѣмъ самымъ вмѣстѣ съ тѣмъ снимаетъ ея моментъ бытія въ себѣ, то она становится дѣйствительностью, т.-е. тѣмъ моментомъ, который также уже есть она сама. Тѣмъ самымъ исчезаетъ опредѣленіе дѣйствительности, какъ возможности или бытія въ себѣ нѣкотораго другого, и, наоборотъ, возможности, какъ дѣйствительности, которая не есть та дѣйствительность, относительно коей она есть возможность.

3. Отрицаніе реальной возможности есть тѣмъ самымъ ея тожество съ собою; такъ какъ она, такимъ образомъ, есть въ ея снятіи отталкиваніе этого снятія внутрь себя самой, то она есть реальная необходимость.

То, что необходимо, не можетъ быть другимъ; но послѣднимъ можетъ быть то, что вообще возможно; ибо возможность есть бытіе въ себѣ, которое есть только положеніе и потому можетъ быть по существу инобытіемъ. Формальная возможность есть такое тожество, какъ переходъ въ совсѣмъ другое; реальная же возможность, такъ какъ она имѣетъ въ ней другой моментъ, дѣйствительность, сама уже есть необходимость. Поэтому то, что реально-воз-

можно, уже не можетъ быть другимъ; при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ не можетъ воспослѣдовать ничего другого. Поэтому реальная возможность и необходимость различаются лишь повидимому; послѣдняя есть тожество, которое не становится еще, но уже предположено и лежитъ въ основаніи. Поэтому реальная необходимость есть содержательное отношеніе, ибо содержаніе есть то сущее въ себѣ тожество, которое безразлично къ различенію формы.

Но эта необходимость вмѣстѣ съ тѣмъ относительна. А именно, она имѣетъ предположеніе, съ котораго начинается, ея исходнымъ пунктомъ служитъ случайное. Реально дѣйствительное, какъ таковое, есть опредѣленное дѣйствительное, и его опредѣленность, какъ непосредственное бытіе, состоитъ въ томъ, что оно есть нѣкоторое многообразіе осуществленныхъ обстоятельствъ; но непосредственное бытіе, какъ опредѣленность, есть также отрицаніе себя, есть бытіе въ себѣ или возможность; такимъ образомъ, оно есть реальная возможность. Какъ это единство обоихъ моментовъ, оно есть полнота формы, но полнота еще внѣшняя себѣ; оно есть единство возможности и дѣйствительности, такимъ образомъ, что 1., многообразное осуществленіе есть положительно или непосредственно возможность;—возможное, тожественное себѣ вообще, именно потому, что оно есть дѣйствительное; 2, поскольку эта возможность осуществленія положена, она опредѣлена, лишь какъ возможность, какъ непосредственное превращеніе дѣйствительности въ ея противоположность,—или какъ случайность. Поэтому эта возможность, имѣющая въ ней, поскольку она есть условіе, непосредственную дѣйствительность, есть бытіе въ себѣ, лишь какъ возможность нѣкотораго другого. Правда, черезъ то, какъ сказано, что это инобытіе снимаетъ себя, и это положеніе само положено, реальная возможность становится необходимостью; но послѣдняя тѣмъ самымъ беретъ начало отъ первой еще не въ рефлектированномъ въ себя единствѣ возможнаго и дѣйствительнаго; это предположеніе и возвращающееся въ себя движеніе еще раздѣлены; или, иначе, необходимость еще не опредѣлила себя изъ себя самой, какъ случайность.

Относительность реальной необходимости представляется въ содержаніи такъ, что послѣднее есть лишь безразличное къ формѣ тожество, поэтому отличено отъ нея и есть опредѣленное содержаніе вообще. Реально-необходимое есть поэтому нѣкоторая ограниченная дѣйствительность, которая въ силу этой ограниченности есть въ другомъ отношеніи также лишь случайное.

Такимъ образомъ, реальная необходимость въ себѣ есть въ дѣйствительности также случайность. Это проявляется въ томъ, что хотя реально-необходимое по формѣ есть необходимое, но по содержанію ограничено и черезъ послѣднее получаетъ свою случайность. Но и въ формѣ реальной необходимости содержится случайность; ибо, какъ оказалось, реальная возможность есть лишь въ себѣ необходимое, положена же она, какъ инобытіе дѣйствительности и возможности въ ихъ взаимномъ противоположеніи. Реальная необходимость содержитъ въ себѣ поэтому случайность; первая есть возвратъ въ

себя изъ этого безпокойнаго инобытія дѣйствительности и возможности въ ихъ взаимномъ противоположеніи, но не изъ себя самой въ себя.

Такимъ образомъ, въ себѣ дано единство необходимости и случайности; это единство можетъ быть названо абсолютною дѣйствительностью.

C.

Абсолютная необходимость.

Реальная необходимость есть опредѣленная необходимость; формальная же не имѣетъ въ ней содержанія и опредѣленности. Опредѣленность необходимости состоитъ въ томъ, что въ ней есть ея отрицаніе, случайность. Таковъ полученный результатъ.

Но эта опредѣленность въ ея первой простотѣ есть дѣйствительность; поэтому опредѣленная необходимость есть непосредственно дѣйствительная необходимость. Эта дѣйствительность, которая сама, какъ таковая, необходима, а именно, поскольку она содержитъ въ себѣ необходимость, какъ свое бытіе въ себѣ, есть абсолютная дѣйствительность;—дѣйствительность, которая уже не можетъ быть иною, чѣмъ она есть, такъ какъ ея бытіе въ себѣ есть не возможность, а сама необходимость.

Но тѣмъ самымъ эта дѣйствительность, такъ какъ она положена, абсолютна, т.-е. самое единство ея и возможности есть лишь пустое опредѣленіе; или, иначе, она есть случайность. Пустота этого опредѣленія дѣлаетъ ее нѣкоторою простою возможностью, чѣмъ-то такимъ, что можетъ быть также и инымъ и можетъ быть опредѣлено, какъ возможное. Но эта возможность сама абсолютна, ибо она есть возможность быть опредѣленною и какъ возможность, и какъ дѣйствительность. Тѣмъ самымъ, что она есть это безразличіе къ себѣ самой, она положена, какъ пустое, случайное опредѣленіе.

Такимъ образомъ, реальная необходимость не только въ себѣ содержитъ случайность, а послѣдняя также становится въ первой; но это становленіе, какъ внѣшность, само есть лишь бытіе въ себѣ, такъ какъ оно есть лишь нѣкоторое непосредственное опредѣленіе. Но оно не только таково, а есть ея собственное становленіе, т.-е. присущее ей предположеніе есть ея собственное положеніе. Ибо какъ реальная необходимость, она есть снятіе дѣйствительности въ возможности, и наоборотъ; и поскольку она есть это простое превращеніе одного момента съ другой, она есть также ихъ простое положительное единство, такъ какъ каждый изъ нихъ, какъ оказалось, совпадаетъ въ другомъ лишь съ самимъ собою. Но, такимъ образомъ, она есть дѣйствительность, однако такая, которая есть лишь это простое совпаденіе формы съ самой собою. Отрицательное положеніе ею этихъ моментовъ есть тѣмъ самымъ само предположеніе или положеніе ея самой, какъ снятой или какъ непосредственности.

Именно въ этомъ и опредѣлена эта дѣйствительность, какъ отрицательное; она есть совпадающій съ собою выходъ изъ той дѣйствительности, которая

была реальною дѣйствительностью; такимъ образомъ, эта новая дѣйствительность образуется лишь изъ ея бытія въ себѣ, изъ отрицанія ея самой. Тѣмъ самымъ она, вмѣстѣ съ тѣмъ, непосредственно опредѣляется, какъ возможность, какъ опосредованное черезъ ея отрицаніе. Но и эта возможность есть, поэтому, непосредственно не что иное, какъ то опосредованіе, въ коемъ бытіе въ себѣ, она сама, и непосредственность обѣ суть равно положеніе. Такимъ образомъ, это есть необходимость, которая есть въ той же мѣрѣ снятіе этого положенія или положеніе непосредственности и бытія въ себѣ, въ какой именно потому она есть опредѣленіе этого снятія, какъ положенія. Поэтому она сама собою опредѣляетъ себя, какъ случайность, отталкиваетъ себя отъ себя въ своемъ бытіи, въ этомъ отталкиваніи сама лишь возвращается въ себя и въ этомъ возвращеніи, какъ въ своемъ бытіи, оказывается оттолкнутою отъ себя.

Такимъ образомъ, форма въ своей реализаціи проникла всѣ свои различенія и сдѣлала себя прозрачною и, какъ абсолютная необходимость, есть лишь это простое тожество бытія съ самимъ собою въ своемъ отрицаніи или въ сущности. Различеніе содержанія и формы само также исчезло; ибо это единство возможности въ дѣйствительности или, наоборотъ, есть безразличная въ своей опредѣленности или въ своемъ противоположеніи себѣ самой форма, содержательная вещь, къ которой форма необходимости привязана внѣшнимъ образомъ. Но, такимъ образомъ, это рефлектированное тожество обоихъ опредѣленій, какъ безразличное къ себѣ, есть тѣмъ самымъ опредѣленіе формы бытія въ себѣ въ противоположность положенію, и эта возможность составляетъ ограниченность содержанія, свойственную реальной необходимости. Разрѣшеніе этого различенія есть абсолютная необходимость, содержаніе которой и есть это проникающее внутрь ея различеніе.

Абсолютая необходимость есть, слѣдовательно, истина, въ которую возвращаются дѣйствительность и возможность вообще, также какъ формальная и реальная необходимость. Первая, какъ оказалось, есть бытіе, которое въ своемъ отрицаніи, сущности, относится къ себѣ и тѣмъ самымъ есть бытіе. Она есть также простая непосредственность или чистое бытіе, какъ простая рефлексія въ себя или чистая сущность; она есть то, черезъ что то и другое есть одно и то же. Просто необходимое есть лишь потому, что есть; она не имѣетъ внѣ того ни условія, ни основанія. Но оно есть также чистая сущность, его бытіе есть простая рефлексія въ себя; оно есть, потому что оно есть. Какъ рефлексія, оно имѣетъ основаніе и условіе, но имѣетъ основаніемъ и условіемъ лишь себя. Оно есть бытіе въ себѣ, но его бытіе въ себѣ есть его непосредственность, его возможность есть его дѣйствительность. Такимъ образомъ, оно есть, потому что оно есть; какъ совпаденіе бытія съ собою, оно есть сущность; но такъ какъ это простое есть также непосредственная простота, оно есть бытіе.

Абсолютная необходимость есть, такимъ образомъ, рефлексія или форма абсолютнаго, единство бытія и сущности, простая непосредственность, которая есть абсолютная отрицательность. Поэтому, ея различенія съ одной стороны

суть не опредѣленіе рефлексіи, а сущее многообразіе, различенная дѣйствительность, имѣющая видъ взаимнаго противоположенія самостоятельныхъ другихъ. Съ другой стороны такъ какъ ея отношеніе есть абсолютное тожество, то она есть абсолютное превращеніе своей дѣйствительности въ свою возможность и своей возможности въ дѣйствительность. Поэтому, абсолютная необходимость слѣпа. Съ одной стороны, различенное въ ней, опредѣленное, какъ дѣйствительность и какъ возможность, имѣетъ видъ рефлексіи въ себѣ и бытія; поэтому и та, и другое суть свободныя дѣйствительности, изъ коихъ ни одна не есть видимость другой, ни одна не хочетъ обнаруживать въ ней самой слѣда своего отношенія къ другой; обоснованная внутри себя, каждая есть необходимое въ немъ самомъ. Необходимость, какъ сущность, заключена въ этомъ бытіи; взаимное соприкосновеніе этихъ дѣйствительностей является, поэтому, пустою внѣшностью; дѣйствительность одной въ другой есть лишь возможность, случайность. Ибо бытіе положено, какъ абсолютно-необходимое, какъ опосредованіе собою, которое есть абсолютное отрицаніе опосредованія черезъ другое, или бытіе, тожественное лишь съ бытіемъ; другое, имѣющее дѣйствительность въ бытіи, опредѣлено поэтому просто, лишь какъ возможное, какъ пустое положеніе.

Но эта случайность есть собственно абсолютная необходимость; она есть сущность тѣхъ свободныхъ, необходимыхъ въ себѣ дѣйствительностей. Эта сущность боится свѣта, такъ какъ въ сказанныхъ дѣйствительностяхъ нѣтъ видимости, нѣтъ рефлекса, ибо онѣ обоснованы лишь внутри себя, образованы для себя, проявляютъ лишь самихъ себя,—такъ какъ онѣ суть лишь бытіе. Но ихъ сущность прорвется сквозь нихъ и обнаружитъ, что такое она, и что такое онѣ. Простота ихъ бытія, ихъ покоя на самихъ себѣ, есть абсолютная отрицательность; это свобода ихъ лишенной видимости непосредственности. Это отрицательное прорывается въ нихъ, такъ какъ бытіе черезъ эту свою сущность есть противорѣчіе съ самимъ собою; и именно противорѣчіе этого бытія въ формѣ бытія, т.-е. какъ отрицанія этихъ дѣйствительностей, которое абсолютно-различно отъ ихъ бытія, какъ ихъ ничто, которое есть столько же нѣкоторое свободное противоположное имъ инобытіе, сколько и ихъ бытіе. Тѣмъ не менѣе этого нельзя въ нихъ не признать. Въ своемъ покоящемся на себѣ образованіи онѣ безразличны къ формѣ, суть содержаніе и тѣмъ самымъ отличенныя дѣйствительности и нѣкоторое опредѣленное содержаніе. Таковъ знакъ, который налагаетъ на нихъ необходимость черезъ то, что, будучи абсолютнымъ возвратомъ въ себя саму въ своемъ опредѣленіи, она свободно выдѣляетъ ихъ, какъ абсолютно-дѣйствительныя, черезъ что ссылается на нихъ, какъ на свидѣтелей своего права, отмѣченныя которымъ онѣ уничтожаются. Это обнаруженіе того, что опредѣленность есть по истинѣ это отрицательное отношеніе къ самой себѣ, есть слѣпой переходъ въ инобытіе; пробивающаяся здѣсь видимость или рефлексія есть въ сущемъ становленіе или переходъ бытія въ ничто. Но бытіе есть, наоборотъ, также сущность, а становленіе—рефлексія или видимость. Такимъ образомъ, внѣшность есть ея внутренность, ея отношеніе

есть абсолютное тожество, а переходъ дѣйствительнаго въ возможное, бытія въ ничто есть совпаденіе съ самимъ собою; случайность есть абсолютная необходимость, она сама есть предположеніе той первой абсолютной дѣйствительности.

Это тожество бытія въ его отрицаніи съ самимъ собою есть субстанція. Оно есть это единство въ своемъ отрицаніи или въ случайности; такимъ образомъ, оно есть субстанція, какъ отношеніе къ себѣ самому. Слѣпой переходъ необходимости есть скорѣе собственное изложеніе абсолютнаго, его движеніе внутри себя, которое показываетъ себя само въ своемъ обнаруженіи.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Абсолютное отношеніе.

Абсолютная необходимость не есть также необходимое, тѣмъ менѣе нѣчто необходимое, но необходимость, бытіе, просто какъ рефлексія. Она есть отношеніе, такъ какъ она есть отличеніе, моменты котораго суть сами ея полная цѣлостность; они такимъ образомъ, абсолютно устойчивы, но такъ, что образуютъ лишь одну устойчивость, а отличеніе есть только видимость изложенія абсолютнаго и само абсолютное. Сущность, какъ таковая, есть рефлексія или видимость; сущность же, какъ абсолютное отношеніе, есть видимость, положенная, какъ видимость, которая, какъ это отношеніе къ себѣ, есть абсолютная дѣйствительность. Абсолютное, изложенное сначала со стороны внѣшней рефлексіи, теперь излагаетъ само себя, какъ абсолютную форму или какъ необходимость; это изложеніе себя самого есть его самоположеніе и только это самоположеніе. Какъ свѣтъ въ природѣ есть не нѣчто, ниже вещь, а его бытіе есть лишь его видимость, такъ и обнаруженіе есть сама себѣ равная абсолютное дѣйствительность.

Стороны абсолютнаго отношенія не суть поэтому аттрибуты. Въ аттрибутѣ абсолютное имѣетъ видимость лишь въ одномъ изъ своихъ моментовъ, какъ въ чемъ-то предположенномъ и принятомъ отъ внѣшней рефлексіи. А то, что излагаетъ абсолютное, есть отвлеченная необходимость, которая тожественна себѣ, такъ какъ опредѣляетъ сама себя. Такъ какъ она есть видимость, положенная, какъ видимость, то стороны этого отношенія суть полноты, ибо онѣ суть видимость; ибо, какъ видимость, отличенія суть и онѣ сами, и ихъ противоположное, т.-е. цѣлое; наоборотъ, онѣ суть видимость, ибо онѣ суть полноты. Это отличеніе или видимость абсолютнаго есть такимъ образомъ лишь тожественное положеніе себя самого.

Это отношеніе въ его непосредственномъ понятіи есть отношеніе субстанціи и акциденціи, непосредственное исчезаніе и становленіе абсолютной видимости внутри себя самой. Поскольку субстанція опредѣляетъ себя къ бытію для себя въ противоположность нѣкоторому другому, или абсолютное

отношеніе понимается, какъ реальное, получается отношеніе причинности. Наконецъ, поскольку послѣднее, какъ относящееся къ себѣ, переходитъ во взаимодѣйствіе, то тѣмъ самымъ абсолютное отношеніе, по содержимымъ въ немъ опредѣленіямъ, есть также положенное; это положенное единство себя въ своихъ опредѣленіяхъ, которыя положены сами, какъ цѣлое, и тѣмъ самымъ также, какъ опредѣленія, есть такимъ образомъ понятіе.

A.

Отношеніе субстанціальности.

Абсолютная необходимость есть абсолютное отношеніе, такъ какъ она есть не бытіе, какъ таковое, но бытіе, которое есть, потому что оно есть, бытіе, какъ абсолютное опосредованіе себя самимъ собою. Это бытіе есть субстанція; какъ окончательное единство сущности и бытія, оно есть бытіе во всякомъ бытіи; не нерефлектированное непосредственное, равно не отвлеченное, стоящее за осуществленіемъ и явленіемъ, но сама непосредственная дѣйствительность, и эта послѣдняя, какъ абсолютное рефлектированіе въ себя, какъ въ себѣ и для себя сущая устойчивость. Субстанція, какъ это единство бытія и рефлексіи, есть по существу ихъ видимость и положеніе. Поскольку видимость есть относящаяся къ себѣ видимость, она есть; это бытіе есть субстанція, какъ таковая. Наоборотъ, поскольку это бытіе есть лишь тожественное себѣ положеніе, оно есть видимая полнота, акцидентальность.

Эта видимость есть тожество, какъ относящееся къ формѣ, — единство возможности и дѣйствительности. Она есть во-первыхъ, становленіе, случайность, какъ сфера возникновенія и прехожденія; ибо по опредѣленію непосредственности отношеніе возможности и дѣйствительности есть взаимное непосредственное превращеніе ихъ, какъ сущихъ, каждаго изъ нихъ лишь въ его другое. Но такъ какъ бытіе есть видимость, то ихъ отношеніе есть также тожественное, взаимная видимость, рефлексія. Движеніе акцидентальности представляетъ собою поэтому въ каждомъ изъ его моментовъ видимость категорій бытія и рефлективныхъ опредѣленій сущности одной въ другой. Непосредственное нѣчто имѣетъ нѣкоторое содержаніе; его непосредственность есть вмѣстѣ съ тѣмъ рефлектированное безразличіе къ формѣ. Это содержаніе опредѣлено, и такъ какъ эта опредѣленность есть опредѣленность бытія, то нѣчто переходитъ за другое. Но качество есть также опредѣленность рефлексіи; оно есть, такимъ образомъ, безразличное различіе. Но послѣднее одухотворяется въ противоположеніе и возвращается въ основаніе, которое есть ничто, но также рефлексія въ себя. Послѣдняя снимаетъ себя; но она есть само рефлектированное бытіе въ себѣ, и такимъ образомъ, возможность и это бытіе въ себѣ въ своемъ переходѣ, который есть также рефлексія въ себя, есть необходимое дѣйствительное.

Это движеніе акцидентальности есть дѣятельность субстанціи, какъ спокойнаго выступленія себя самой. Она дѣятельна не противъ нѣчто, но

лишь противъ себя, какъ простого лишеннаго сопротивленія элемента. Снятіе чего-либо предположеннаго есть исчезнувшая видимость; лишь въ снимающемъ непосредственное дѣйствіи становится этимъ самымъ непосредственнымъ или есть та видимость; начало себя самого есть положеніе того самого, отъ котораго идетъ начало.

Субстанція, какъ это тожество видимости, есть полнота цѣлаго, обнимаетъ собою акцидентальность, и эта акцидентальность есть вся субстанція сама. Отличеніе ея въ простомъ тожествѣ бытія и въ смѣнѣ ея акциденцій есть нѣкоторая форма ея видимости. Это бытіе есть безформенная субстанція представленія, относительно котораго видимость опредѣлила себя, не какъ видимость, но которое, удерживается, какъ въ нѣкоторомъ абсолютномъ, въ такомъ неопредѣленномъ тожествѣ, которое лишено истины и есть лишь опредѣленность непосредственной дѣйствительности или также бытія въ себѣ или возможности;—опредѣленія формы, присущія акцидентальности.

Другое опредѣленіе—смѣны акциденцій—есть абсолютное единство формы акцидентальности, субстанція, какъ абсолютная сила. Прехожденіе акциденціи есть возвратъ ея, какъ дѣйствительности, въ себя, какъ въ свое бытіе въ себѣ или въ свою возможность, но это ея бытіе въ себѣ есть само лишь положеніе; поэтому оно есть также дѣйствительность и такъ какъ эти опредѣленія формы суть также опредѣленія содержанія, то это возможное есть и по содержанію нѣкоторое иначе опредѣленное дѣйствительное. Субстанція проявляется черезъ дѣйствительность вмѣстѣ съ ея содержаніемъ, переводя въ нее возможное, какъ творящая, а черезъ возможность, въ которую она возвращаетъ дѣйствительное, какъ разрушающая сила. Но и то, и другое тожественны, творчество есть разрушающее, разрушеніе—творящее; ибо отрицательное и положительное, возможность и дѣйствительность, абсолютно соединены въ субстанціальной необходимости.

Акциденціи, какъ таковыя,—а ихъ много, такъ какъ множественность есть одно изъ опредѣленій бытія—не обладаютъ силою одна надъ другою. Онѣ суть сущее или сущее для себя нѣчто, осуществленныя вещи съ многообразными свойствами или цѣлыя, состоящія изъ частей, самостоятельныя части, силы, требующія возбужденія одна другою и служащія одна другой условіемъ. Поскольку нѣчто такое акцидентальное, повидимому, дѣйствуетъ на другое, какъ сила, это есть сила субстанціи, захватывающая въ себя ихъ оба, полагающая въ нихъ, какъ въ отрицательностяхъ, неравное значеніе, опредѣляя одно изъ нихъ, какъ преходящее, а другое съ другимъ содержаніемъ, какъ возникающее, или первое, какъ переходящее въ его возможность, второе же засимъ въ его дѣйствительность; субстанція отъ вѣка раздваивается въ это различеніе формы и содержанія и отъ вѣка очищаетъ себя отъ такой односторонности, но въ этомъ очищеніи сама возвращается обратно въ опредѣленіе и раздвоеніе. Поэтому одна акциденція вытѣсняетъ другую лишь потому, что ея собственное существованіе есть эта полнота формы и содержанія, въ которой равно исчезаетъ и она, и ея другое.

Это непосредственное тожество и присутствіе субстанціи въ акци-

денціяхъ еще не приводитъ къ какому-либо реальному различенію. Въ этомъ первомъ опредѣленіи субстанція еще не проявилась во всемъ своемъ понятіи. Если субстанція различена, какъ тожественное себѣ бытіе въ себѣ и для себя, отъ себя самой, какъ полноты акциденцій, то, какъ сила, она есть посредствующее. Эта сила есть необходимость, положительное сохраненіе ея въ отрицательности акциденцій и ея простое положеніе въ ихъ устойчивости; этотъ средній терминъ есть тѣмъ самымъ единство самыхъ субстанціальности и акцидентальности, и ея крайніе термины не имѣютъ самостоятельной, устойчивости. Поэтому субстанціальность есть отношеніе, лишь какъ непосредственно исчезающее, она относится къ себѣ не какъ отрицательное, есть непосредственное единство силы съ самою собой въ формѣ лишь своего тожества, а не своей отрицательной сущности; лишь одинъ изъ ея моментовъ, именно отрицательное или отличеніе, есть просто исчезающій, а не тотъ другой, который есть тожественное. Это можно понимать также такъ. Видимость или акцидентальность есть въ себѣ правда субстанція черезъ то, что она причастна силѣ, но она не положена такъ, какъ эта тожественная себѣ видимость; такимъ образомъ, субстанція имѣетъ своимъ видомъ или положеніемъ лишь акцидентальность; а не саму себя; она не есть субстанція, какъ субстанція. Стало быть, отношеніе субстанціальности таково ближайшимъ образомъ лишь потому, что оно обнаруживаетъ себя, какъ формальную силу, различенія которой несубстанціальны; оно есть въ дѣйствительности лишь внутреннее акциденцій, и послѣднія суть лишь въ субстанціи. Или, иначе, это отношеніе есть видимая полнота, лишь какъ становленіе; но оно есть равнымъ образомъ рефлексія; акцидентальность, которая есть въ себѣ субстанція, именно потому также положена, какъ таковая; такимъ образомъ, она опредѣлена, какъ относящаяся къ себѣ отрицательность въ противоположность себѣ, опредѣлена, какъ относящееся къ себѣ простое тожество съ собою, и есть тѣмъ самымъ сущая для себя, мощная субстанція. Такимъ образомъ, отношеніе субстанціальности переходитъ въ отношеніе причинности.

B.

Отношеніе причинности.

Субстанція есть сила и при томъ сила, рефлектированная въ себя, не какъ только переходящая, но какъ полагающая и отличающая отъ себя опредѣленія. Какъ относящаяся къ себѣ самой въ своемъ опредѣленіи, она сама есть то, что полагаетъ ее, какъ отрицательное, или дѣлаетъ ее положеніемъ. Послѣднее есть тѣмъ самымъ снятая субстанціальность, только положенное, дѣйствіе; а сущая для себя субстанція есть причина.

Это отношеніе причинности есть ближайшимъ образомъ только это отношеніе причины и дѣйствія; такимъ образомъ, оно есть формальное отношеніе причинности.

а. Формальная причинность.

1. Причина есть первоначальное относительно дѣйствія. Субстанція, какъ сила, есть видимость или имѣетъ акцидентальность. Но, какъ сила, она есть также рефлексія въ себя въ своей видимости; такимъ образомъ, она излагаетъ свой переходъ, и эта видимость опредѣлена, какъ видимость, или акциденція положена, какъ то, что есть лишь положенное. Но субстанція исходитъ въ своемъ опредѣленіи не отъ акцидентальности, какъ будто послѣдняя заранѣе была другимъ и лишь затѣмъ была положена, какъ опредѣленность, но обѣ онѣ суть одна дѣятельность. Субстанція, какъ сила, опредѣляетъ себя; но самое это опредѣленіе есть непосредственно снятіе опредѣленія и возвратъ. Она опредѣляетъ себя,—она, опредѣляющее, есть такимъ образомъ, непосредственное и само уже опредѣленное; поскольку она опредѣляетъ себя, она такимъ образомъ полагаетъ это уже опредѣленное, какъ опредѣленное; такимъ образомъ, она сняла положеніе и возвратилась въ себя.

Наоборотъ, этотъ возвратъ, такъ какъ онъ есть отрицательное отношеніе субстанціи къ себѣ, есть самъ опредѣленіе или отталкиваніе ея отъ себя; черезъ этотъ возвратъ становится опредѣленное, отъ котораго онъ начинаетъ и образуетъ теперь видимость его положенія, какъ преднайденнаго опредѣленнаго, какъ таковаго. Такимъ образомъ, абсолютная дѣятельность есть причина,—сила субстанціи въ ея истинѣ, какъ проявленіе, непосредственно также излагающее въ становленіи то, что есть въ себѣ, акциденцію, которая есть положеніе, полагаетъ ее, какъ положеніе;—дѣйствіе. Послѣднее есть поэтому, во-первыхъ, то же самое, что акцидентальность въ отношеніи субстанціальности, именно субстанція, какъ положеніе; но, во-вторыхъ, акциденція, какъ таковая, имѣетъ субстанціальность лишь чрезъ свое исчезаніе, какъ нѣчто преходящее; а какъ дѣйствіе, она есть тожественное съ собою положеніе; причина проявляется въ дѣйствіи, какъ вся субстанція, именно какъ рефлектированная въ себя въ самомъ положеніи, какъ таковомъ.

2. Этому рефлектированному въ себя положенію, опредѣленному, какъ опредѣленное, субстанція противостоитъ, какъ неположенное первоначальное. Такъ какъ она, какъ абсолютная сила, есть возвратъ въ себя, при чемъ самый этотъ возвратъ есть опредѣленіе, то она не есть уже только бытіе въ себѣ своей акциденціи, но и положена, какъ это бытіе въ себѣ. Поэтому субстанція имѣетъ дѣйствительность, лишь какъ причина. Но эта дѣйствительность, какъ ея бытіе въ себѣ, ея опредѣленность, положенная въ отношеніи субстанціальности, уже какъ опредѣленность, есть дѣйствіе; поэтому, субстанція имѣетъ ту дѣйствительность, которая свойственна ей, какъ причинѣ, лишь въ своемъ дѣйствіи. Такова та необходимость, которая есть причина. Она есть дѣйствительная субстанція, такъ какъ субстанція, какъ сила, опредѣляетъ саму себя; но она есть вмѣстѣ съ тѣмъ причина потому, что она излагаетъ эту опредѣленность или полагаетъ ее, какъ положеніе; такимъ образомъ, она полагаетъ свою дѣйствительность, какъ положеніе или какъ

дѣйствіе. Послѣднее есть другое относительно причины, положеніе относительно первоначальнаго и опосредованное первоначальнымъ. Но причина, какъ необходимость, равнымъ образомъ снимаетъ это свое опосредованіе и въ опредѣленіи себя самой, какъ первоначально относящейся къ себѣ, есть въ противоположность опосредованному возвратъ въ себя; ибо положеніе опредѣлено, какъ положеніе, и тѣмъ самымъ, какъ тожественное себѣ; поэтому, причина есть истинно-дѣйствительное и тожественное себѣ лишь въ своемъ дѣйствіи. Поэтому дѣйствіе необходимо, такъ какъ оно и есть именно проявленіе причины, или та самая необходимость, которая есть причина. Лишь какъ такая необходимость, причина есть самодвижущее, начинающееся отъ себя безъ возбужденія чѣмъ-либо другимъ, самостоятельный источникъ произведенія изъ себя; она должна дѣйствовать, ея первоначальность состоитъ въ томъ, что ея рефлексія въ себя есть опредѣляющее положеніе, и, наоборотъ, то и другое есть нѣкоторое единство.

Поэтому дѣйствіе не содержитъ вообще ничего, что не содержалось бы въ причинѣ. Наоборотъ, причина не содержитъ въ себѣ ничего, чего не было бы въ дѣйствіи. Причина есть причина лишь постольку, поскольку она производитъ нѣкоторое дѣйствіе; причина есть не что иное, какъ то опредѣленіе, что она производитъ нѣкоторое дѣйствіе, а дѣйствіе не что иное, какъ то, что имѣетъ нѣкоторую причину. Въ самой причинѣ, какъ таковой, заключается ея дѣйствіе, а въ дѣйствіи—причина; поскольку причина не дѣйствовала бы, или поскольку она перестала бы дѣйствовать, она не была бы причиною; а дѣйствіе, поскольку его причина исчезла, есть уже не дѣйствіе, а безразличная дѣйствительность.

3. Итакъ, въ этомъ тожествѣ причины и дѣйствія снята та форма, по которой онѣ различаются, какъ сущее въ себѣ и положеніе. Причина угасаетъ въ своемъ дѣйствіи; тѣмъ самымъ угасаетъ и дѣйствіе, ибо оно есть лишь опредѣленность причины. Эта угасшая въ дѣйствіи причинность есть тѣмъ самымъ непосредственность, которая безразлична къ отношенію причины и дѣйствія и имѣетъ его внѣшнимъ образомъ въ ней.

b. Опредѣленное отношеніе причинности.

1. Тожество причины съ собою въ ея дѣйствіи есть снятіе ея силы и отрицательности и потому безразличное къ различеніямъ формы единство, содержаніе. Поэтому, послѣднее отнесено лишь въ себѣ къ формѣ, въ данномъ случаѣ къ причинности. Онѣ тѣмъ самымъ положены, какъ различныя, и форма относительно содержанія, — какъ сама лишь непосредственно дѣйствительная, случайная причинность.

Далѣе, такимъ образомъ, содержаніе, какъ опредѣленное, есть различное содержаніе въ немъ самомъ; и причина, а, стало быть, также и дѣйствіе, опредѣлены по ихъ содержанію. Содержаніе, такъ какъ здѣсь рефлектированное есть также непосредственная дѣйствительность, есть поэтому дѣйствительная, но конечная субстанція.

Таково отнынѣ отношеніе причинности въ своей реальности и конечности. Какъ формальное, оно есть безконечное отношеніе абсолютной силы, содержаніе которой есть чистое проявленіе или необходимость. Напротивъ, какъ конечная причинность, оно имѣетъ данное содержаніе и сводится къ внѣшнему различенію въ томъ тожественномъ, которое въ своихъ опредѣленіяхъ есть одна и та же субстанція.

Вслѣдствіе такого тожества содержанія, эта причинность есть аналитическое предложеніе. Одна и та же вещь представляется въ одномъ случаѣ причиною, въ другомъ—дѣйствіемъ, тамъ, какъ своеобразная устойчивость, здѣсь, какъ положеніе или опредѣленіе въ нѣкоторомъ другомъ. Такъ какъ эти опредѣленія формы суть внѣшняя рефлексія, то по существу дѣла субъективный разсудокъ впадаетъ въ тожесловіе, опредѣляя нѣкоторое явленіе, какъ дѣйствіе, и восходя отъ него къ его причинѣ для его пониманія и объясненія; при этомъ повторяется лишь одно и то же содержаніе; въ причинѣ не имѣется ничего, чего нѣтъ въ дѣйствіи. Напримѣръ, дождь есть причина влажности, которая есть его дѣйствіе; дождь производитъ влажность,—это аналитическое предложеніе; та самая вода, которая есть въ дождѣ, и есть влажность; но какъ дождь, эта вода существуетъ въ формѣ вещи въ себѣ, а какъ сырое или влажное, она есть прилагательное, положенное, которое не должно уже имѣть своей устойчивости въ немъ самомъ; и какъ одно, такъ и другое опредѣленіе ей внѣшни. Такъ, причина этого цвѣта есть нѣчто окрашивающее, пигментъ, который есть одна и та же дѣйствительность въ одномъ случаѣ во внѣшней ему формѣ чего-то дѣйствующаго, т.-е. связаннаго внѣшнимъ образомъ съ отличнымъ отъ него дѣйствующимъ, а во второмъ случаѣ—въ столь же внѣшнемъ для него опредѣленіи нѣкотораго дѣйствія. Причина какого-либо поступка есть внутреннее настроеніе нѣкотораго дѣйствующаго субъекта, которое, какъ внѣшнее существованіе, пріобрѣтаемое черезъ дѣйствіе, имѣетъ тѣ же самыя содержаніе и цѣнность. Если движеніе какого-либо тѣла разсматривается, какъ дѣйствіе, то причина его есть толкающая сила; но до и послѣ толчка дано то же самое количество движенія, то же самое осуществленіе, содержащееся въ толкающемъ тѣлѣ и сообщаемое толкаемому; и сколько онъ сообщаетъ, столько же онъ и теряетъ.

Причина, напримѣръ, живописецъ или толкающее тѣло, имѣетъ правда еще и другое содержаніе, первый, какъ форма, соединяющая краски и образующая изъ нихъ картину, второе, какъ движеніе опредѣленныхъ силы и направленія. Но это дальнѣйшее содержаніе есть случайный прибавокъ, не привходящій въ причину; какія бы живописецъ ни содержалъ въ себѣ другія качества кромѣ того, что онъ есть живописецъ данной картины, это не входитъ въ составъ этой картины; лишь то, что̀ изъ его качествъ проявляется въ дѣйствіи, присуще ему, какъ причинѣ, по прочимъ качествамъ оно не есть причина. Точно также есть ли толкающее тѣло камень или дерево, зеленое ли, желтое и т. п., не соучаствуетъ въ его толчкѣ и потолику не есть причина.

По поводу этого тожесловія отношенія причинности должно замѣтить, что первое, повидимому, не причастно ей въ тѣхъ случаяхъ, когда указы-

ваются не ближайшія, но отдаленныя причины какого-либо дѣйствія. Измѣненіе формы, претерпѣваемое первоначальною вещью въ этомъ переходѣ черезъ многіе промежуточные члены, скрываетъ сохраняющееся въ ней при этомъ тожество. Въ этомъ умноженіи причинъ, выступающихъ между нею и окончательнымъ дѣйствіемъ, она связывается вмѣстѣ съ тѣмъ съ другими вещами и обстоятельствами такъ, что не это первое, именуемое причиною, но всѣ эти многія причины вмѣстѣ содержатъ въ себѣ полное дѣйствіе. Такъ, напримѣръ, если въ какомъ-либо человѣкѣ развился его талантъ въ силу того обстоятельства, что онъ потерялъ своего отца, убитаго въ сраженіи пулею, то этотъ выстрѣлъ (или, восходя еще далѣе назадъ, война или нѣкоторая причина войны и т. д. въ безконечность) можетъ указываться, какъ причина умѣлости этого человѣка. Но ясно, что напримѣръ, такая причина есть не этотъ выстрѣлъ самъ для себя, а лишь совокупность его съ другими дѣйствующими опредѣленіями. Или, правильнѣе сказать, онъ вообще есть не причина, а лишь опредѣленный моментъ въ обстоятельствахъ возможности дѣйствія.

Далѣе слѣдуетъ главнымъ образомъ обратить еще вниманіе на несоотвѣтственное примѣненіе отношенія причинности къ отношеніямъ психическо-органической и духовной жизни. Здѣсь то, что̀ называется причиною, оказывается, конечно, имѣющимъ другое содержаніе, чѣмъ дѣйствіе, но потому, что то, что дѣйствуетъ на живое, опредѣляется, измѣняется и преобразуется самостоятельно послѣднимъ, ибо живое недопускаетъ причины къ ея дѣйствію, т.-е. снимаетъ ее какъ причину. Такъ неправильно говорится, что пища есть причина крови, или такія-то кушанья или холодъ, сырость суть причины лихорадки и т. п.; также недопустимо указывать на климатъ Іоніи, какъ на причину твореній Гомера, или на честолюбіе Цезаря, какъ на причину паденія республиканскаго строя Рима. Вообще, въ исторіи вступаютъ въ игру и во взаимное опредѣленіе духовные массы и индивидуумы; природѣ же духа свойственно еще въ болѣе высокомъ смыслѣ, чѣмъ характеру живого вообще, скорѣе принимать въ себя другое первоначальное, или, иначе, не допускать въ себѣ продолженія какой-либо причины, а прерывать и превращать ее. Но эти отношенія принадлежатъ идеѣ и имѣютъ быть разсмотрѣны лишь при ней. Здѣсь же можно обратить вниманіе на то, что, поскольку допускается отношеніе причины и дѣйствія, хотя бы и въ несоотвѣтственномъ смыслѣ, дѣйствіе не можетъ быть болѣе причины; ибо дѣйствіе есть не болѣе, какъ проявленіе причины. Въ исторіи повторяется ставшая обычною острота, по которой изъ малыхъ причинъ происходятъ большія дѣйствія, и вслѣдствіе того, для объясненія широко и глубоко-захватывающаго событія находятъ первую причину въ какомъ-либо анекдотѣ. Такая, такъ называемая причина, должна считаться лишь поводомъ, лишь внѣшнимъ возбужденіемъ, въ которомъ внутренній духъ событія могъ и не нуждаться, или вмѣсто того могло быть безчисленное множество другихъ поводовъ, которые могли бы быть употреблены духомъ, дабы начать съ нихъ явленіе, удовлетвориться имъ и проявиться въ нихъ. Наоборотъ, скорѣе должно считать чѣмъ-то мелочнымъ и случайнымъ

опредѣляться лишь этимъ поводомъ. Эти подобныя арабескамъ историческія картины, которыя пытаются выростить какой-либо великій образъ на слабомъ стеблѣ, представляютъ собою поэтому, конечно, остроумную, но въ высшей степени поверхностную обработку исторіи. Въ этомъ происхожденіи великаго изъ малаго, правда, имѣетъ мѣсто поворотъ духа къ внѣшнему; но именно потому это не есть причина внутри его (духа), или, иначе, сказать, самый этотъ поворотъ снимаетъ отношеніе причинности.

2. Но эта опредѣленность отношенія причинности, по которой содержаніе и форма различны и безразличны, простирается далѣе. Опредѣленіе формы есть также опредѣленіе содержанія; причина и дѣйствіе, обѣ стороны отношенія, суть поэтому также другое содержаніе. Или, иначе, содержаніе, такъ какъ оно есть содержаніе лишь нѣкоторой формы, имѣетъ различеніе въ немъ самомъ и по существу различно. Но поскольку эта его форма есть отношеніе причинности, которое есть нѣкоторое тожественное въ причинѣ и дѣйствіи содержаніе, то различное содержаніе связано внѣшнимъ образомъ, съ одной стороны, съ причиною, съ другой—съ дѣйствіемъ; тѣмъ самымъ оно не входитъ само въ актъ дѣйствія и въ отношеніе.

Такимъ образомъ, это внѣшнее содержаніе безотносительно; оно есть нѣкоторое непосредственное осуществленіе; или такъ какъ, какъ содержаніе, оно есть сущее въ себѣ тожество причины и дѣйствія, оно есть также непосредственное, сущее тожество. Это есть, поэтому, нѣкоторая вещь, имѣющая многообразныя опредѣленія своего существованія, между прочимъ и то, что она въ нѣкоторомъ смыслѣ есть и причина, и дѣйствіе. Опредѣленія формы, причина и дѣйствіе, имѣютъ въ ней свой субстратъ, т.-е. свою существенную устойчивость — и притомъ, каждая свою особую, — ибо ихъ тожество есть ихъ устойчивость; но вмѣстѣ съ тѣмъ это ихъ непосредственная устойчивость, а не ихъ устойчивость, какъ единство формы или отношеніе.

Но эта вещь есть не только субстратъ, а также субстанція, ибо она есть тожественная устойчивость лишь отношенія. Далѣе она есть конечная субстанція, ибо она опредѣлена, какъ непосредственная, въ противоположность ея причинности. Но она имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ причинность, такъ какъ она есть равнымъ образомъ лишь тожественное этого отношенія. А какъ причина этотъ субстратъ есть отрицательное отношеніе къ себѣ. Но то самое, къ чему онъ относится, есть во-первыхъ, положеніе, такъ какъ оно опредѣлено. какъ непосредственно дѣйствительное; это положеніе, какъ содержаніе, есть вообще нѣкоторое опредѣленіе. Во-вторыхъ, причинность ему внѣшняя; тѣмъ самымъ она сама образуетъ свое положеніе. Поскольку же онъ есть причинная субстанція, его причинность состоитъ въ томъ, чтобы относиться отрицательно къ себѣ, стало быть, къ своему положенію и къ внѣшней причинности. Дѣйствіе этой субстанціи начинается поэтому отъ нѣкотораго другого, освобождается отъ этого внѣшняго опредѣленія, и ея возвратъ въ себя есть сохраненіе своего непосредственнаго осуществленія и снятіе своего положенія, стало быть, вообще своей причинности.

Такъ, напримѣръ, движущійся камень есть причина; его движеніе есть нѣкоторое обладаемое имъ опредѣленіе, внѣ котораго онъ содержитъ въ себѣ еще многія другія опредѣленія цвѣта, внѣшняго вида и т. д., которыя не входятъ въ составъ его причинности. Такъ какъ его непосредственное осуществленіе отдѣлено отъ его отношенія формы, т.-е. отъ причинности, то послѣдняя есть нѣчто внѣшнее: его движеніе и присущая ему въ этомъ движеніи причинность суть въ немъ лишь положеніе. Но причинность есть также его собственная; это зависитъ отъ того, что его субстанціальная устойчивость есть его тожественное отношеніе къ себѣ, но послѣднее теперь опредѣлено, какъ положеніе, и слѣдовательно есть вмѣстѣ съ тѣмъ отрицательное отношеніе къ себѣ. Его причинность, направляющаяся къ себѣ, какъ къ положенію или къ нѣкоторому внѣшнему, состоитъ, поэтому, въ томъ, чтобы снимать послѣднее и возвращать его въ себя черезъ его удаленіе и тѣмъ самымъ не быть въ своемъ положеніи тожественнымъ себѣ, а лишь возстановлять свою отвлеченную первоначальность. Или, напримѣръ, дождь есть причина сырости, которая есть та же самая вода, какъ и онъ. Эта вода имѣетъ опредѣленіе быть дождемъ и причиною вслѣдствіе того, что она положена въ немъ нѣкоторымъ другимъ; другая сила, или что бы тамъ ни было, подняла ее въ воздухъ и собрала ее въ такую массу, тяжесть которой заставляетъ ее падать. Ея удаленіе отъ земли есть опредѣленіе, чуждое ея первоначальному тожеству съ собою, тяжести; ея причинность состоитъ въ томъ, чтобы устранить его и вновь возстановить это тожество, но тѣмъ самымъ также снять свою причинность.

Разсмотрѣнная теперь вторая опредѣленность причинности касается формы; это отношеніе есть причинность, какъ внѣшняя себѣ самой, какъ первоначальность, которая есть также въ ней самой положеніе или дѣйствіе. Это соединеніе противоположныхъ опредѣленій въ сущемъ субстратѣ образуетъ собою безконечный регрессъ отъ причинъ къ причинамъ. Начинаютъ съ дѣйствія; оно, какъ таковое, имѣетъ нѣкоторую причину, послѣдняя въ свою очередь имѣетъ нѣкоторую причину и т. д. Почему причина имѣетъ опять причину? т.-е. почему та сторона, которая ранѣе была опредѣлена, какъ причина, теперь опредѣлена, какъ дѣйствіе, и потому возникаетъ вопросъ о новой причинѣ? Потому, что вообще причина есть конечное, опредѣленное, опредѣленное, какъ одинъ моментъ формы въ противоположность дѣйствію; такимъ образомъ, она имѣетъ свою опредѣленность или отрицаніе внѣ себя; именно потому она сама конечна, имѣетъ опредѣленность въ ней и есть тѣмъ самымъ положеніе или дѣйствіе. Это ея тожество также положено, но оно есть нѣкоторое третье, непосредственный субстратъ; поэтому причинность внѣшня самой себѣ, ибо ея первоначальность есть непосредственность. Различеніе формы есть поэтому первая опредѣленность, опредѣленность, еще не положенная, какъ опредѣленность, оно есть сущее инобытіе. Конечная рефлексія съ одной стороны останавливается на этомъ непосредственномъ, отстраняетъ отъ него единство формы, вслѣдствіе чего оно обращается въ одномъ смыслѣ въ причину,

въ другомъ—въ дѣйствіе; съ другой стороны—она перемѣщаетъ единство формы въ безконечное и выражаетъ черезъ постоянное движеніе вдаль свое безсиліе достигнуть и удержать его.

Относительно дѣйствія возникаетъ непосредственно то же самое, или, правильнѣе сказать безконечный прогрессъ отъ дѣйствія къ дѣйствію есть совершенно то же, что регрессъ отъ причины къ причинѣ. Въ послѣднемъ причина оказывается дѣйствіемъ, которое вновь имѣетъ нѣкоторую другую причину; равнымъ образомъ, наоборотъ дѣйствіе оказывается причиною, которая вновь имѣетъ нѣкоторое другое дѣйствіе. Данная опредѣленная причина начинаетъ съ какой-либо внѣшности и въ своемъ дѣйствіи не возвращается обратно въ себя, какъ причина, но скорѣе теряетъ въ немъ причинность. Но дѣйствіе, наоборотъ, приводитъ къ субстрату, который есть субстанція, первоначально относящаяся къ себѣ устойчивость; въ послѣднемъ поэтому это положеніе становится положеніемъ, т. е. эта субстанція, поскольку въ ней положено дѣйствіе, относится, какъ причина. Но это первое дѣйствіе, положеніе, приходящее къ ней внѣшнимъ образомъ, есть другое, чѣмъ второе, производимое имъ; ибо это второе опредѣлено, какъ рефлексія въ себя перваго, это а первое, какъ внѣшность въ немъ. Но такъ какъ причинность есть здѣсь внѣшняя самой себѣ причинность, то она равнымъ образомъ не возвращается обратно въ себя въ своемъ дѣйствіи; она становится тѣмъ самымъ внѣшнею, ея дѣйствіе становится снова положеніемъ въ нѣкоторомъ субстратѣ, какъ нѣкоторой другой субстанціи, который, однако, также дѣлаетъ его положеніемъ или проявляется, какъ причина, снова отталкиваетъ отъ себя свое дѣйствіе и такъ далѣе въ ложную безконечность.

3. Теперь должно разсмотрѣть, что происходитъ черезъ движеніе опредѣленнаго отношенія причинности. Формальная причинность угасаетъ въ дѣйствіи; тѣмъ самымъ становится тожественное этихъ обоихъ моментовъ, но лишь какъ единство въ себѣ причины и дѣйствія, при которомъ отношеніе формы внѣшне. Это тожественное вслѣдствіе того также непосредственно по обоимъ опредѣленіямъ непосредственности, во первыхъ, какъ бытіе въ себѣ, содержаніе, въ коемъ причинность протекаетъ внѣшне; во-вторыхъ, какъ нѣкоторый осуществленный субстрактъ, коему присущи причина и дѣйствіе, какъ различенныя опредѣленія формы. Послѣднія суть тѣмъ самымъ въ себѣ одно, но каждое въ силу этого бытія въ себѣ или внѣшности формы внѣшне самому себѣ и потому въ своемъ единствѣ съ другимъ опредѣлено относительно него также, какъ другое. Поэтому, причина правда имѣетъ дѣйствіе и есть вмѣстѣ съ тѣмъ сама дѣйствіе, а дѣйствіе не только имѣетъ нѣкоторую причину, но само есть также причина; но дѣйствіе, имѣющее причину, и дѣйствіе, которое есть причина, равнымъ образомъ причина, имѣющая дѣйствіе, и причина, которая есть дѣйствіе, различны между собою.

Черезъ движеніе опредѣленнаго отношенія причинности оказывается однако, что причина нетолько угасаетъ въ дѣйствіи, а тѣмъ самымъ угасаетъ и дѣйствіе, какъ въ формальной причинности, но что причина въ своемъ уга-

саніи снова становится въ дѣйствіи, и что дѣйствіе, исчезая въ причинѣ, равнымъ образомъ снова становится въ ней. Каждое изъ этихъ опредѣленій снимаетъ себя въ своемъ положеніи и полагаетъ себя въ своемъ снятіи; это не внѣшній переходъ причинности отъ одного субстрата въ другой, но это становленіе другого есть вмѣстѣ съ тѣмъ его собственное положеніе. Такимъ образомъ, причинность предполагаетъ или обусловливаетъ сама себя. Первоначально лишь въ себѣ сущее тожество, субстратъ, теперь опредѣленъ поэтому, какъ предположеніе или положенъ въ противоположность дѣйствующей причинности, и рефлексія, бывшая ранѣе того лишь внѣшнею для тожественнаго, теперь находится въ отношеніи къ нему.

с. Дѣйствіе и противодѣйствіе.

Причинность есть предполагающее дѣйствіе. Причина обусловлена; она есть отрицательное отношеніе къ себѣ, какъ къ предположенному, какъ къ внѣшнему другому, которое въ себѣ есть однако сама причинность лишь въ себѣ. Это, какъ оказалось, есть субстанціальное тожество, въ которое переходитъ формальная причинность, опредѣлившая теперь себя противъ этого тожества, какъ его отрицательное. Или, иначе, это есть то же самое, что субстанція отношенія причинности, но которой противостоитъ сила акцидентальности, какъ субстанціальная дѣятельность. Это пассивная субстанція. Пассивно непосредственное или такое сущее въ себѣ, которое не есть также для себя, чистое бытіе или сущность, состоящая въ отвлеченномъ тожествѣ съ собою лишь въ этой опредѣленности. Пассивной субстанціи противостоитъ, какъ относящаяся къ себѣ отрицательно, дѣятельная субстанція. Послѣдняя есть причина, поскольку она возстановила себя вновь изъ дѣйствія въ опредѣленной причинности черезъ отрицаніе себя самой, такъ что она въ своемъ инобытіи или какъ непосредственное относится существенно, какъ полагающая и опосредывающая себя съ собою черезъ свое отрицаніе. Поэтому, причинность уже не имѣетъ здѣсь никакого субстрата, которому она была бы присуща, и есть не опредѣленіе формы противъ этого тожества, но самая субстанція или первоначальное есть только причинность. Субстратъ есть предположившая себя пассивная субстанція,

Итакъ, эта причина дѣйствуетъ, ибо она есть отрицательная сила надъ самою собой; вмѣстѣ съ тѣмъ она есть свое же предположенное; такимъ образомъ она дѣйствуетъ на себя, какъ на нѣкоторое другое, на пассивную субстанцію. Тѣмъ самымъ она, во-первыхъ, снимаетъ инобытіе послѣдней и возвращаетя въ ней обратно въ себя; во-вторыхъ, опредѣляетъ ее, полагаетъ это снятіе своего инобытія или возвратъ въ себя, какъ нѣкоторую опредѣленность. Это положеніе, поскольку оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ возвратъ въ себя, есть ближайшимъ образомъ ея дѣйствіе. Но, наоборотъ, такъ какъ она опредѣляетъ, какъ предполагающая, саму себя, какъ свое другое, то она полагаетъ дѣйствіе въ другомъ, въ пассивной

субстанціи. Или, иначе, такъ какъ пассивная субстанція сама есть двоякое, а именно нѣкоторое самостоятельное другое и вмѣстѣ съ тѣмъ предположенное и уже въ себѣ тожественное съ дѣйствующею причиною, то и дѣйствіе послѣдней само есть двоякое; оно есть то и другое въ одномъ, снятіе своей опредѣленности, т.-е. своей обусловленности, или снятіе самостоятельности пассивной субстанціи; и снимая свое тожество съ собою, пассивная субстанція тѣмъ самымъ предполагаетъ себя или полагаетъ, какъ другое. Черезъ послѣдній моментъ пассивная субстанція сохраняется; то первое снятіе ея является по отношенію къ ней такимъ, что лишь нѣкоторыя ея опредѣленія снимаются, и что тожество ихъ съ нимъ совершается въ ней внѣшнимъ образомъ черезъ дѣйствіе.

Тѣмъ самымъ она испытываетъ насиліе. Насиліе есть явленіе силы или сила, какъ внѣшнее. Но сила есть внѣшнее лишь постольку, поскольку причиняющая субстанція въ ея дѣйствіи, т.-е. въ положеніи себя самой, есть вмѣстѣ съ тѣмъ предполагающая, т.-е. полагаетъ саму себя, какъ снятую. Наоборотъ, поэтому же равнымъ образомъ дѣйствіе насилія есть нѣкоторое дѣйствіе силы. Оно есть лишь нѣкоторое предположенное ею самою другое, на которое дѣйствуетъ производящая насиліе причина, ея дѣйствіе на это другое есть отрицательное отношеніе къ себѣ или проявленіе себя самой. Пассивное есть такое самостоятельное, которое есть лишь нѣчто положенное; нѣчто преломленное въ себѣ самомъ, нѣкоторая дѣйствительность, которая есть условіе и при томъ условіе въ его истинѣ, т.-е. дѣйствительность, которая есть лишь возможность, или, наоборотъ, бытіе въ себѣ, которое есть лишь опредѣленность бытія въ себѣ, которое только пассивно. Поэтому то́, что испытываетъ насиліе, уже не только не можетъ само производить насиліе, но должно подвергаться насилію; то, что оказываетъ насиліе надъ другимъ, оказываетъ оное лишь потому, что оно есть сила послѣдняго, проявляющаяся въ немъ, проявляющая другое. Пассивная субстанція черезъ насиліе становится лишь положенною, какъ то, что она есть поистинѣ, и именно потому, что она есть простое положительное или непосредственная субстанція, она есть лишь нѣчто положенное; предположеніе, которое есть она, какъ условіе, есть видимость непосредственности, которую дѣйствующая причинность отнимаетъ отъ нея.

Поэтому пассивной субстанціи черезъ воздѣйствіе нѣкотораго чужого насилія лишь оказывается ея право. То, что она теряетъ, есть сказанная непосредственность, чуждая ей субстанціальность. То, что она получаетъ чужого, именно быть опредѣленною, какъ нѣкоторое положеніе, есть ея собственное опредѣленіе. Но такъ какъ она положена въ своемъ положеніи или въ своемъ собственномъ опредѣленіи, то она тѣмъ самымъ нестолько снята, сколько совпадаетъ лишь съ самой собою и такимъ образомъ въ возникновеніи своей опредѣленности есть первоначальность. Такимъ образомъ, пассивная субстанція съ одной стороны сохраняется или полагается черезъ активную, именно поскольку послѣдняя дѣлаетъ саму себя снятою; а съ другой стороны дѣйствіе самого пассивнаго состоитъ въ томъ,

чтобы совпадать съ собою и тѣмъ самымъ дѣлаться первоначальнымъ и причиною. Становленіе положенія черезъ другое и собственное становленіе есть одно и то же.

Тѣмъ, что пассивная субстанція сама превратилась въ причину, внутри ея снимается, во-первыхъ, дѣйствіе; въ этомъ состоитъ ея противодѣйствіе. Она есть въ себѣ положеніе, какъ пассивная субстанція; равнымъ образомъ положеніе черезъ другую субстанцію положено внутри ея, именно поскольку она въ ней получила дѣйствіе послѣдней. Поэтому ея противодѣйствіе также содержитъ въ себѣ двоякое: а именно, во-первыхъ, то, что она есть въ себѣ, положена, а во-вторыхъ, что то, что есть ея положеніе, представляется ея бытіемъ въ себѣ; она есть въ себѣ положеніе и потому получаетъ дѣйствіе въ ней черезъ другое; но это положеніе есть, наоборотъ, ея собственное бытіе въ себѣ, и такимъ образомъ, оно есть ея дѣйствіе, она сама представляется причиною.

Во-вторыхъ, противодѣйствіе направляется противъ первой дѣйствующей причины. Дѣйствіе, которое снимаетъ съ себя первоначально пассивную субстанцію, именно и есть это дѣйствіе первой. Но причина имѣетъ свою субстанціальную дѣйствительность лишь въ своемъ дѣйствіи; если послѣднее снято, то снята и ея причинная субстанціальность. Это происходитъ въ ней, во-первыхъ, въ себѣ черезъ себя саму, поскольку она дѣлаетъ себя дѣйствіемъ; во-вторыхъ,—черезъ ранѣе того пассивную, теперь же воздѣйствующую обратно субстанцію, которая снимаетъ дѣйствіе первой. Правда, въ опредѣленной причинности субстанція, на которую что-либо дѣйствуетъ, также становится опять причиною и тѣмъ самымъ противодѣйствуетъ тому, чтобы нѣкоторое дѣйствіе было въ ней положено. Но она не дѣйствовала обратно противъ этой причины, а полагала свое дѣйствіе вновь въ другой субстанціи, черезъ что обнаруживался прогрессъ дѣйствій въ безконечность; такъ какъ здѣсь причина въ ея дѣйствіи лишь въ себѣ тожественна съ собою, то она съ одной стороны исчезаетъ въ своемъ покоѣ въ непосредственномъ тожествѣ, а съ другой, вновь возникаетъ въ нѣкоторой другой субстанціи. Напротивъ, въ условной причинности причина относится въ дѣйствіи къ самой себѣ, такъ какъ ея другое есть условіе предположенное, и ея дѣйствіе тѣмъ самымъ есть равнымъ образомъ становленіе, какъ положеніе и снятіе другого.

Далѣе она относится здѣсь, какъ пассивная субстанція; но, какъ оказалось, послѣдняя возникаетъ черезъ совершающееся надъ нею дѣйствіе, какъ причинная субстанція. Та первая причина, которая дѣйствуетъ въ началѣ и получаетъ обратно въ себѣ свое дѣйствіе, какъ противодѣйствіе, выступаетъ тѣмъ самымъ снова, какъ причина; вслѣдствіе чего убѣгающее въ ложнобезконечный прогрессъ дѣйствіе конечной причинности обращается назадъ и становится возвращающимся въ себя нѣкоторымъ безконечнымъ взаимодѣйствіемъ.

C.

Взаимодѣйствіе.

Въ конечной причинности относятся одна къ другой, какъ дѣйствующія, субстанціи. Механизмъ состоитъ въ той внѣшности причинности, при которой рефлексія причины въ ея дѣйствіе есть внутри себя вмѣстѣ съ тѣмъ отталкивающее бытіе или, иначе, причина остается въ томъ тожествѣ съ собою, которое свойственно причинной субстанціи въ ея дѣйствіи, равнымъ образомъ, непосредственно внѣшнею себѣ, дѣйствіе же переходитъ въ другую субстанцію. Во взаимодѣйствіи же этотъ механизмъ снятъ; ибо оно во-первыхъ, содержитъ въ себѣ исчезаніе этого первоначальнаго сохраненія непосредственной субстанціальности; а во-вторыхъ, возникновеніе причины и тѣмъ самымъ первоначальность, какъ опосредывающую себя съ собою черезъ свое отрицаніе.

Ближайшимъ образомъ взаимодѣйствіе представляется взаимною причинностью предположенныхъ, обусловливающихъ одна другую субстанцій; каждая есть въ противоположность другой вмѣстѣ и активная, и пассивная субстанція. Такъ какъ обѣ онѣ тѣмъ самымъ и пассивны, и активны, то вслѣдствіе того всякое различеніе ихъ снято; оно есть вполнѣ прозрачная видимость; онѣ субстанціи лишь въ томъ смыслѣ, что онѣ суть тожество активнаго и пассивнаго. Самое взаимодѣйствіе есть поэтому лишь еще пустой видъ и способъ; и требуется только еще нѣкоторое внѣшнее сочетаніе того, что уже и въ себѣ, и положено. Во-первыхъ, уже не субстраты состоятъ во взаимоотношеніи, а субстанціи; въ движеніи обусловленной причинности сняла себя еще остающаяся предположенная непосредственность, и обусловливающая причинная активность есть еще только воздѣйствіе или собственная пассивность. Но это воздѣйствіе исходитъ далѣе не отъ другой первоначальной субстанціи, а именно отъ нѣкоторой причинности, обусловленной воздѣйствіемъ или опосредованной. То ближайшимъ образомъ внѣшнее, которое привходитъ въ причину и образуетъ сторону ея пассивности, опосредовано поэтому ею самою, произведено ея собственною активностью и тѣмъ самымъ есть пассивность, положенная черезъ самую ея активность. Причинность обусловлена и обусловливаетъ; обусловливающее есть пассивное, но равнымъ образомъ и обусловленное пассивно. Эта условность или пассивность есть отрицаніе причины ею самою, такъ какъ она по существу обращаетъ себя въ дѣйствіе и именно потому есть причина. Поэтому, взаимодѣйствіе есть лишь сама причинность; причина не только имѣетъ дѣйствіе, но въ дѣйствіи, какъ причина, состоитъ въ отношеніи сама съ собою.

Тѣмъ самымъ причинность возвращена къ ея абсолютному понятію и вмѣстѣ съ тѣмъ сама дошла до понятія. Она есть ближайшимъ образомъ реальная необходимость, абсолютное тожество съ собою, такъ что различенія необходимости и взаимоотносящихся въ ней опредѣленій, субстанцій, суть

въ ихъ взаимной противоположности свободныя дѣйствительности. Необходимость есть такимъ образомъ внутреннее тожество; причинность есть его проявленіе, въ которомъ ея видимость субстанціальнаго инобытія сняла себя, и необходимость повышена до свободы. Во взаимодѣйствіи первоначальная причинность представляется, какъ происхожденіе изъ ея отрицанія, пассивности, и какъ исчезаніе въ ней, какъ нѣкоторое становленіе но такъ, что это становленіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ также лишь видимость; переходъ въ другое есть рефлексія въ себя само; отрицаніе, которое есть основаніе причины, есть ея положительное совпаденіе съ самой собою.

Въ этомъ совпаденіи необходимость и причинность такимъ образомъ исчезли; онѣ содержатъ въ себѣ и то, и другое, непосредственное тожество, какъ связь и отношеніе, и абсолютную субстанціальность отличенныхъ, стало быть, ихъ абсолютную случайность, и первоначальное единство субстанціальныхъ различеній, стало быть абсолютное противорѣчіе. Необходимость есть бытіе, такъ какъ послѣднее есть единство бытія съ самимъ собою, имѣющее себя основаніемъ; но наоборотъ, такъ какъ оно имѣетъ нѣкоторое основаніе, оно не есть бытіе, а только видимость, отношеніе или опосредованіе. Причинность есть этотъ положенный переходъ первоначальнаго бытія, причины, въ видимость или простое положеніе, и наоборотъ, положенія въ первоначальность; но самое тожество бытія и видимости есть еще внутренняя необходимость. Эта внутренность или это бытіе въ себѣ снимаетъ движеніе причинности; тѣмъ самымъ теряется субстанціальность состоящихъ въ отношеніи сторонъ, и обнаруживается необходимость. Необходимость становится свободою не отъ того, что исчезаетъ, но отъ того, что проявляется лишь еще внутреннее тожество первой; это проявленіе есть тожественное движеніе различаемаго внутри себя самого, рефлексія видимости, какъ видимости внутри себя. Наоборотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ случайность становится свободою, такъ какъ стороны необходимости, имѣющія для себя образъ свободной, не взаимно-видимой дѣйствительности, теперь положены, какъ тожество, такъ что эти полноты рефлексіи въ себя въ ихъ различенія имѣютъ видимость тожества или положены, какъ одна и та же рефлексія.

Абсолютная субстанція, отличающаяся отъ себя, какъ абсолютная форма, поэтому уже не отталкиваетъ себя отъ себя, какъ необходимость, ниже относится на долю, какъ случайность, безразличныхъ, внѣшнихъ одна другой субстанцій, но съ одной стороны отличаетъ себя въ той полнотѣ, которая— передъ тѣмъ пассивная субстанція—есть первоначальное, какъ рефлексія изъ опредѣленности внутри себя, какъ простое цѣлое, содержащее внутри себя самого свое положеніе, и какъ положенное тамъ, тожественно себѣ: общее; съ другой стороны въ той полнотѣ—передъ тѣмъ причинной субстанціи—которая есть равнымъ образомъ рефлексія изъ опредѣленности внутри себя къ отрицательной опредѣленности, при чемъ послѣдняя положена такимъ образомъ, какъ тожественная себѣ опредѣленность, также какъ цѣлое, но какъ тожественная себѣ отрицательность: единичное. Непосред-

ственно же, такъ какъ общее тожественно себѣ, лишь поскольку оно содержитъ въ себѣ опредѣленность, какъ снятую въ себя, стало быть есть отрицательное, какъ отрицательное, оно есть та же самая отрицательность, какъ и единичность; а единичность, такъ какъ она есть также опредѣленное, опредѣленное отрицательное, какъ отрицательное, есть непосредственно то же самое тожество, какъ и общность. Это ея простое тожество есть частность, которая, усваивая отъ единичнаго моментъ опредѣленности, а отъ общаго моментъ рефлексіи въ себя, содержитъ ихъ въ себѣ въ непосредственномъ единствѣ. Эти три полноты суть поэтому одна и та же рефлексія, различающаяся, какъ отрицательное отношеніе къ себѣ, но во вполнѣ прозрачномъ различеніи, на тѣ двѣ стороны, именно на опредѣленную простоту и на простую опредѣленность, которыя суть одно и то же тожество. Это суть понятіе, царство субъективности или свободы.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
5	7 снизу	если	есть
8	19 сверху	лишь	а какъ лишь
10	17 сверху	или	и
23	13 сверху	зничитъ	значитъ
24	14 сверху	или такъ	такъ
66	18 снизу	основаніе	основанія
88	5 сверху	опредѣляетъ	опредѣляя
114	20 снизу	дѣйствительной	дѣйствительный
153	1 снизу	суть	есть

ТРУДЫ

Петроградскаго Философскаго Общества:

ВЫПУСКЪ I. **ДЕКАРТЪ. Метафизическія размышленія.** Перев. подъ редакціей и со статьей *А. И. Введенскаго*: «Декартъ и раціонализмъ».

ВЫПУСКЪ II и III. **МАЛЕБРАНШЪ. Разысканіе истины.** Перев. подъ редакціей и со статьей *Э. Л. Радлова.*

ВЫПУСКЪ IV. **БЕРКЛИ. Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія.** Перев. подъ редакціей и со статьей *Н. Г. Дебольскаго.*

ВЫПУСКЪ V. **АРИСТОТЕЛЬ. Этика.** Перев. и вступительная статья *Э. Л. Радлова.*

ВЫПУСКЪ VI. **КАНТЪ. 1) О формѣ и началахъ міра чувственнаго и умопостигаемаго; 2) Успѣхи метафизики.** Перев. *Н. О. Лосскаго.*

ВЫПУСКЪ VII. **АРИСТОТЕЛЬ. Политика.** Перев. и статья «Греческая политическая литература и политика Аристотеля» *С. А. Жебелева.*

ВЫПУСКЪ VIII. **ГЕГЕЛЬ. Феноменологія духа.** Перев. подъ редакціей *Э. Л. Радлова.*

ВЫПУСКЪ IX. **СЕКСТЪ ЭМПИРИКЪ. Пирроновы положенія.** Перев. подъ редакціей *А. I. Малеина.*

ВЫПУСКЪ X. **ФИХТЕ. Факты сознанія.** Перев. подъ редакціей *Э. Л. Радлова.*

ВЫПУСКЪ XI. **КАНТЪ. Логика.** Перев. подъ редакціей *А. М. Щербины.*

ВЫПУСКЪ XII. **ГЕГЕЛЬ. Наука Логики.** Перев. и вступительная статья *Н. Г. Дебольскаго.*

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича.

Петроградъ. Вас. остр., 5 линія, 28.